

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

ЕКАТЕРИНА
МУРАШОВА

Annotation

Мир меняется вместе с главными своими координатами – материальным и медийным пространством. Неизменной остается только человеческая природа.

Семейный психолог Екатерина Мурашова вот уже более двадцати лет ведет прием в обычной районной поликлинике Санкт-Петербурга. В этой книге она продолжает делиться непридуманными историями из своей практики. Проблемы, с которыми к ней приходят люди, выглядят порой нерешаемыми. Чтобы им помочь, надо разобраться в целом калейдоскопе обстоятельств самого разного свойства.

И очень часто ей на помощь приходит, помимо профессионального, ее собственный человеческий опыт.

-
- [Екатерина Мурашова](#)
 -
 - [Алые паруса](#)
 - [Бродяга](#)
 - [Бурундук как средство от депрессии](#)
 - [Быть успешным](#)
 - [В моей крови – дорога](#)
 - [Все мы родом из детства](#)
 - [Встать в пару](#)
 - [Дар божий или проклятье?](#)
 - [Детские страхи](#)
 - [Другой ребенок](#)
 - [Емеля](#)
 - [Еще о детских страхах, или Прозрачная рука из унитаза](#)
 - [Жертва насилия](#)
 - [Жизнь по вектору](#)
 - [Заселить московский дворик](#)
 - [«Иакова я возлюбил»](#)
 - [Как я была](#)
 - [Конфетки для Женькиной мамы](#)
 - [Кружок художественного свиста](#)
 - [«Курощение»](#)
 - [Лишние люди](#)

- [На стороне подростка](#)
 - [Найти прием](#)
 - [Не хочу быть взрослым](#)
 - [О ненависти и любви](#)
 - [О мечтах](#)
 - [Обычная жизнь](#)
 - [Памяти товарища Сухова](#)
 - [Плохой человек](#)
 - [Преступление и наказание](#)
 - [Призрак бродит](#)
 - [Профессия – инвалид](#)
 - [Ради детей](#)
 - [Рыцарь печального образа](#)
 - [Сашка и его семья](#)
 - [Сесть за уроки](#)
 - [Синее небо и белые овцы](#)
 - [Случай арт-терапии](#)
 - [Отчего люди не летают?](#)
 - [Совет психолога](#)
 - [Среди своих](#)
 - [Стать взрослым](#)
 - [Стать дворником](#)
 - [Стать инвалидом](#)
 - [Счастье материнства](#)
 - [Сыграть в карты с судьбой](#)
 - [Уберите свободу!](#)
 - [«Убийца»](#)
 - [Хвалить или не хвалить?](#)
 - [Хранитель мира](#)
 - [Часто болеющий ребенок](#)
 - [Читать!](#)
 - [Чудовище](#)
 - [Я хочу, чтобы он...](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Екатерина Мурашова
Все мы родом из детства

* * *

Алые паруса

Случай давний-предавний, но почему-то он все еще тревожит меня – что-то в нем, по всей видимости, до сих пор остается для меня неясным. И мне отчего-то важно и интересно, каким увидят его нынешние читатели.

Школа, в которой я училась, была вызывающе дворовой. В том числе и по уровню образования, как я теперь понимаю, – надо бы хуже, да некуда. Но мне в ней было вполне комфортно и все нравилось. К десятому классу я оказалась практически недосыгаема для критики учителей, так как очень хорошо училась (в нашей школе это было нетрудно) и активно занималась «общественной работой». Что они могли мне предъявить? Фактически ничего. Однажды классная руководительница сказала мне, что мои длинные и действительно отвратительные ногти, покрашенные бесцветным лаком за 17 копеек, в котором была растворена красная паста из шариковой ручки (другого лака в то время купить было нельзя), не сочетаются с образом комсомолки, чей портрет висит на школьной доске почета под заголовком «На них мы равняемся». Я кротко согласилась, встала на скамейку, вытащила свою фотографию (она мне все равно не нравилась) из специального кармашка и со словами: «Пусть не равняются, не очень-то и хотелось» – порвала ее на мелкие клочки.

Но наша учительница литературы была, можно сказать, передовой по тем, «застойным» временам. Она не любила Маяковского и частенько упоминала на уроках не включенные в программу литературные произведения.

На том уроке мы проходили «Алые паруса» А. Грина. Никаких дискуссий сквозная тема повести не вызвала. Мои одноклассники и особенно одноклассницы охотно и согласно говорили о романтической Ассоль, душевно и телесно не подвластной окружающей ее скучной и некрасивой атмосфере рыбацкого поселка. А рыбачки, мерзкие и тусклоглазые, еще и смеются над ней... Разумеется, прекрасная девушка заслужила ожидавшую ее награду – алые паруса приплывут к тем, кто ждет и верит!

Я долго сидела, задумавшись, потом подняла руку.

– Ее отец делает и продает игрушки, – сказала я. – Они живут вдвоем, и ей, по сути, не нужно вести хозяйство, как приходится остальным. К ее порогу не привозят дурно пахнущие рыбацьи сети, которые каждый день по несколько часов нужно разбирать руками. А ведь тем, другим женщинам

эту рыбу потом нужно продать, или засолить, или высушить. И всё в их доме, и их платья, волосы, руки – всё пахнет гниющими водорослями и рыбьими внутренностями. А еще нужно носить воду, стирать вонючую одежду мужчин-рыбаков, мыть полы, чистить, потрошить и жарить ту же самую рыбу на обед, завтрак и ужин... Ах, Марья Петровна, вы призываете нас презирать гриновских «толстоногих рыбачек» за их некрасивость и неромантичность? А кто же мы сами? Кто вы? Ребята, да взгляните же получше! Вы просто слепы, вас водят на веревочке, вы повторяете раз за разом то, чего от вас ждут... Но зачем нам презирать самих себя?!

Учительница молчала. Класс тоже сначала замер, не очень-то понимая, с чего я, собственно, завелась. Мне Ассоль не нравится? Нравятся «толстоногие рыбачки»? С чего бы это?

Но довольно скоро одноклассники почуяли отчетливый дымок оппозиции, «подросткового бунта».

«Да какая разница, кто там с чем не согласен! Всё не так, как нам, молодым павианам, говорят старшие, – вот в чем дело!»

– Да, Мурашова права! – встал мой одноклассник, чемпион района по самбо. – У них жизнь по-настоящему тяжелая, а ей вольно же придуриваться...

– Действительно! – сказала с первой парты тщедушная, невзрачная троечница. – Почему всегда всё только красивым? Это нечестно!

– И Грей эти деньги вообще не заработал!

– А она сама-то хоть раз в жизни кому-нибудь по-настоящему помогла?

Мы жили и росли в пролетарском районе – Конный рынок, коммуналки, проходные дворы-колодцы, путаница Советских (бывших Рождественских) улиц... Классовая солидарность полезла из всех щелей. Всем было жалко толстоногих рыбачек и их тяжело работающих рыбаков. В классе уже как будто витал рыбный запах. Все кричали разом. Меня почти видели на броневике...

– Замолчите все! – громко сказала учительница и встала из-за стола.

Все замолчали. Не потому что испугались – всем было просто интересно, что она теперь скажет. Одна – против стада молодых павианчиков, уверенных в своей правоте.

– Что ж вам сказать, дорогие мои... Вот она, – учительница указала на меня рукой, – очень ловко развела вас всех. Мы говорили о чудесной повести, и вы почти видели алые паруса, они почти вошли в вашу жизнь. Но она вернула вас в вонючий поселок, заставила вас жалеть... кого? Выдуманных писателем Грином людей? Да конечно же нет – себя! Таких, какие вы есть и какими, скорее всего, станете. Вот вы тут орете,

возмущаетесь, практически сорвали мне урок... а ради чего? Ради ее обмана?

– В чем же обман? – мрачно насупившись, спросил самбист.

– Да в том, дорогие мои, что она как раз и есть та самая Ассоль. Она-то, хитрая лиса, которая сейчас вас на весь этот крик подняла, теперь, заметьте, уже давно молчит... А пройдет еще совсем немного времени, и она уйдет куда-нибудь совсем далеко отсюда, от вас, от этой школы – в свою биологию, литературу, науку, экспедиции, к своим алым парусам, а вы... на такие дешевые вещи ведетесь... Эх, вы...

Самбист молчал, сжимая огромные кулаки и пытаясь осознать сказанное. Тяжело молчали и все остальные.

Я, вскочив с места, сверлила глазами учительницу, но не знала, что ответить. В общей тишине, громко хлопнув крышкой парты, выбежала из класса. Почти сразу мне вслед прозвенел звонок.

Мои одноклассники тут же вытряхнули из памяти этот случай, как собаки, вышедшие из реки, стряхивают воду из шерсти. Я осталась с ощущением оглушительного поражения – помню его до сих пор – и так и не поняла до конца: были ли там, тогда, правые и виноватые? И что это вообще было?

Бродяга

Время без десяти пять. Предыдущая семья, оформлявшая ребенка в садик, получила у меня свою справку и, выяснив заодно, как подготовить малыша к тому, что через полгода у него родится братик или сестричка, благополучно отбыла. Высовываюсь в коридор:

– Товарищи, есть кто ко мне?

Как всегда, симпатизирующие улыбки наличных бабушек (от моего обращения им вспомнилась молодость, которая всегда хороша). Невысокая женщина с сероватым лицом, вытянувшись, стоит у стены.

– Да, мы. Дочка сейчас придет, она услышала, она в холле, там у вас много цветов, она их исследует. – И сразу же, как будто в ответ на мое непрозвучавшее обвинение: – Она большая, ей четырнадцать. – И почти умоляюще: – Вы только ничему не удивляйтесь!

Я кивнула, подумав при этом: «Интересно, остались ли еще на свете какие-нибудь подростковые выкрутасы, которые могли бы меня удивить?»

За углом послышался ритмичный стук, и вот уже к моему кабинету вдоль стены бодро, высоко подняв треугольное личико, двинулась худенькая голенастая девочка с белой тростью.

«Притворяется, – со смятенной надеждой подумала я. – Это и есть то, о чем мать предупреждала. Но откуда тогда белая трость?»

Увы, Арина действительно оказалась слепой. Родилась с какими-то остатками зрения. Окончательно ослепла почти в два года.

– Ты помнишь, как видела? – спрашиваю я, мысленно составляя обширный реестр проблем, которые могут в нашем мире возникнуть у слепой четырнадцатилетней девочки-подростка и ее семьи.

– Да, конечно! – радостно говорит Арина. – Помню! Птица с разноцветным хвостом. Радуга! Жар-птица! – И тут же спрашивает сама: – А вот вы что подумали, как только меня увидели?

«Хороший психологический ход, – отмечаю я. – Сразу занимает доминирующую позицию в разговоре».

– Это правда, – кивает мать. – Птица над ее кроватью висела. Типа гобелена... Не обращайтесь внимания – она у всех так спрашивает, специально, чтобы смутить.

Надо было ответить на Аринин вопрос.

– ...Знаешь, я вспомнила, как мне в конце третьего класса за хорошую учебу на пионерском собрании вручили грамоту и книжку Короленко

«Слепой музыкант».

– Ага, я читала. Фигня, – откликнулась Арина. – И я спрашиваю не затем, чтобы смутить, не верьте! Я коллекцию собираю: восемь соврут, а двое – вот как вы – все-таки правду скажут. Мне же надо знать.

Я пытаюсь сформулировать вопрос, избегая слова «проблема»: «Что привело вас ко мне?», «В чем причина вашего обращения?..», – отметаю всё и продолжаю чувствовать существенный напряг. Понимаю, что непосредственная Арина вполне может выпалить: «В чем проблема? Да в том, что я, в отличие от других, ни черта не вижу!» И что я скажу в ответ? У меня нет опыта работы со слепыми детьми, я могу наделать ошибок...

– Понимаете, меня волнуют отношения между сестрами, и еще очень съехала учеба, – на удивление тривиально (что вызывает у меня вздох облегчения) начинает мать, но Арина опять все портит, выпаливая почти торжествующе:

– А я на учете в детской комнате милиции состою!

– Как же это?! – искренне удивляюсь я.

– Побег, – вздыхает мать. – Первый раз ушла прямо из дома в восемь лет. Потом из школы, из магазина, отовсюду... Люди ее находили, возвращали, вызывали милицию, скорую помощь, но потом она научилась так убедительно врать, манипулировать, что наоборот... Однажды «добрые люди» довезли ее до Пскова, где якобы жила ее бабушка. Другой раз она сама уехала в Приозерск и там бродила по берегу Вуоксы, почти уплыла на остров с какими-то байдарочниками... Я за два года полностью поседела...

– Представляю себе, как вы нервничаете, когда дочь исчезает, и какие опасности и исходы вам представляются, но не очень понимаю, как Арина так свободно перемещается по незнакомым местам...

– И ничего сложного! – воскликнула Арина. – Я же только не вижу, а слышать-то, щупать, нюхать и соображать могу лучше многих. И машины слышу за километр. А менты, конечно, не хотели меня на учет, инвалид потому что, – хохотнула девочка. – Так я их... гм... убедила...

– Она сгребла все, что было на столе, и швырнула в лицо дежурному офицеру, – мертвым голосом сообщила мать.

– А вторая сестра?

– Ире одиннадцать, и она сестру ненавидит, говорит, что все всегда занимаются только «этой уродкой», а ей никогда ничего не достается, – мать явно решила отбросить всяческую дипломатию. – Когда Арина недавно исчезла в очередной раз, Ирина сказала: «Хоть бы ее уже скорее машина задавила, все бы поплакали, успокоились, и мы зажили бы наконец

нормальной семьей». Представляете, что я чувствовала?

– Да уж... Арина, а ты как к сестре относишься?

– Да нормально, она ведь права, по сути-то... – пожала плечами Арина. – Мы с ней похожи вообще-то, я ей сто раз предлагала: давай вместе сбежим, ты-то видишь все, с тобой мы вообще до Москвы доедем или даже до Самары (у нас там настоящая бабушка живет), а она говорит: отвяжись, уродка! Я и родителям сто раз говорила: отстаньте от меня, плюньте, меня не вылечить и не исправить, занимайтесь Ирккой. Она дура маленькая, ей же обидно...

Мать закрыла лицо руками, а я спросила:

– Слушай, Арина, а деньги? Ведь до Самары доехать и прочее – это же даже слепому инвалиду денег стоит? Дома ворует?

– Она просит милостыню в переходах и в поездах, – не отнимая рук от лица, сказала мать. – Иногда за долю нанимает вокзальных мальчишек себе в «проводники», иногда справляется сама. Если у нее уже есть план и нужно заработать побольше, берет из дома скрипку...

– Ты играешь на скрипке?

– Конечно, четыре года оттрубила. Из нас же из всех пытаются «слепых музыкантов» сделать, – усмехнулась Арина. – Так я пару десятков жалостливых песенок наизусть выучила и забила на это. Мне хватает. «Сулико» вот мой учитель на скрипку переложил, она хорошо идет, много подадут...

– Мы потом узнали: она откровенно сообщила молодому преподавателю, что будет, когда подрастет, играть в переходах, и он пошел ей навстречу в плане репертуара, ведь только так можно было заставить ее заниматься...

Я уже смеялась, мое напряжение полностью исчезло. Мне нравилась Арина, у нее явно не было никаких проблем, и я готовилась работать с матерью уже в интересах Иры...

– Арина, выйди и посиди в предбаннике! – резко сказала мать.

Я ожидала протеста.

– Я пойду на третий этаж, – неожиданно покладисто согласилась Арина. – Там, я слышала, пианино стоит (пианино из зала лечебной физкультуры действительно вынесли в коридор на время ремонта). И гляди, мам: зато я денег на шмотки никогда не прошу и в компе не зависаю – выгода, а?

– Вы уже на ее стороне, – почти обвиняюще сказала мать. – Так со всеми! Она всех использует, а потом бросает. В школе – так же. Она почти не учится, хотя могла бы. Что у нее внутри? Темно, как перед ее

глазами? Мне страшно. Она дома изготовила куклу из папиных джинсов, моего свитера, шапки, набила тряпками и всю исколола охотничьим ножом. В школе уговорила одноклассника принести из дома пневматический пистолет и с ним, а еще со своей подружкой (и мальчик, и девочка – слабовидящие, но в сильных очках все-таки видят!) пошли на пустырь – учиться стрелять.

– Но как же может прицелиться слепая девочка?!

– Они бегали вокруг, кричали и прятались, она стреляла на звук, а они потом смотрели, куда она попала. Вы представляете, чем это было чревато? Всем, я подчеркиваю – *всем* пятнадцати детям в классе родители категорически запретили с ней водиться... Я не маленькая и глупая Ира, но иногда я сама думаю о ужасном, а потом мне хочется наглотаться таблеток и...

– Если Арина согласится, пускай она ко мне походит, – перебила ее я. – Я сама у нее спрошу...

На третьем этаже Арина двумя руками выбивала из старенького пианино очень приблизительный мотив и фальшиво горланила:

– Арлекино! Арлекино! Трудно быть смешным для всех! Арлекино! Арлекино! Есть одна награда – смех!

Окружившие девочку малыши смеялись, их мамы отводили взгляды, из ближайшего кабинета выглянула, желая прекратить безобразие, медсестра, но увидела белую трость, которую тянул по полу один из малышей, и спряталась обратно.

– Манипуляторша фигова! – рявкнула я, с треском захлопывая крышку пианино. Арина, как я и ожидала, успела отдернуть пальцы. – Тут, между прочим, люди работают, детей лечат! Им сосредоточенность нужна!

– Простите, пожалуйста, я больше не буду, – вежливо сказала Арина и сделала хватающее движение рукой. Мама малыша поспешно отобрала трость у сына и вложила в ее пальцы.

* * *

Почему-то мы начали с профориентации.

– Да вы же слышали: у меня вообще музыкального слуха нет. Так что «слепого музыканта» из меня точно не выйдет...

– С твоей бешеной энергетикой я бы подумала о спорте. Знаешь, Паралимпийские игры...

– Шоу уродов. Нафиг! Вот если бы я могла биатлоном, стрельбой...

Знаете, я по готовой лыжне очень неплохо еду. Там же тоже палки, привычно. Но мне скучно, я, понимаете, с горок люблю... А вот когда об дерево башкой стукнусь, искры вижу. Верите?

– Даже и не знаю. Но есть еще медицинские вещи и около того. Говорят, у слепых людей идет гиперкомпенсация по другим каналам, вплоть до экстрасенсорики...

– Шоу шарлатанов. Нафиг! Да, я умею вид делать... могу кого хочешь предсказаниями запугать, и карты у меня меченые есть... ну и в реале, конечно, – массаж. Мне даже Ирка дается, когда у нее голова или зуб болит...

– Вот видишь... – начала я и осеклась.

– Вижу! – рассмеялась Арина. – Так и вижу, как стою в этом массажном кабинете, пока не сдохну. Нет уж!

– Так кем же ты хочешь стать? – преодолевая внутреннее сопротивление, спросила я.

– Путешественником! – тут же ответила Арина. – Ведь столько всего интересного в мире! Увидеть я не смогу, а услышать, понюхать, узнать, потрогать? Моя мечта – за границей побывать, родители не везут, хоть я их и умоляла.

– Но как же?

– Потребности у меня маленькие, мир большой, спешить мне некуда, люди помогут, они любят помогать, если им сказать как...

– Люди бывают разные.

– Конечно. От плохих я отобьюсь, от инвалида же никто отпора не ожидает...

Я вдруг поняла, про что было то истыканное ножом чучело.

– А тот милиционер, в которого все полетело? – спросила я.

– Он сказал: «У милиции поважнее дела есть, чем вашу идиотку все время ловить. А если вы с ней сами справиться не можете, так отдайте ее в интернат какой-нибудь, есть же наверняка такие, чтобы для общей дефективности...» А если даже и не отобьюсь когда, так что же? Зато жизнь повидала...

* * *

– Не сражайтесь с ней, – попросила я мать Арины. – Мое вам первое задание, эксперимент: три недели вообще никаких контактов, кроме формальных: «иди есть», «доброе утро», «спокойной ночи». Ни про учебу,

ни про ее выходки, вообще ни про что. Все три недели плотно занимаетесь Ирой.

– Давно пора младшую к врачу сводить, сколиоз у нее, – вздохнула мать. – Да все времени нет.

– Лучше в кино сводите и в торговый центр, – посоветовала я. – Когда закончите лечить старшую дочь, не начинайте лечить младшую.

* * *

– Ой, вы знаете, лучше стало. Один раз только уходила, вечером женщина с собакой ее привели. И даже Ира с ней разговаривать стала.

– Везите в Финляндию, это ее мечта.

– Мы боимся! Уйдет, в чужой стране, без языка (у нее по английскому два)...

– Все равно везите.

* * *

– Ушла в первый же день. Ира ее нашла (раньше и искать отказывалась!) – прыгала там на главной площади с какими-то финнами, орала «Йелло-Пуки! Йелло-Пуки!» Финны сказали, что замечательная девочка, обещала еще к ним приехать.

* * *

– Буду путешествовать. Может, потом стану в какие газеты, Интернет писать, кому-то, кто лапки сложил, вроде моих одноклассников, – глядишь, поможет...

Она употребляла много «визуальных» глаголов, и от этого я все время забывала, что она слепая.

Я кивнула. Арина улыбнулась, как будто увидела мой кивок.

– Поможет, я уверена, – сказала я вслух.

Бурундук как средство от депрессии

Гоше было тринадцать лет.

Его мама сидела на стуле, аккуратно сложив руки на коленях (на кресло сесть отказалась), рассказывала и одновременно тихо плакала.

Они уже приходили с Гошей раньше, когда мальчик учился во втором классе. У него с самого рождения были проблемы с сердцем. Он полный, слегка шепелявит, носит очки. Одноклассники его дразнили. Он плакал, обижался, пытался сначала ябедничать учительнице и родителям, потом, по настойчивому совету отца (данному украдкой от матери и лечащего врача), все-таки кинулся в драку и в результате получил сотрясение мозга. После выздоровления ходить в школу категорически отказывался. Школьный психолог сказал (совершенно, на мой взгляд, справедливо), что перевод в другой класс или в другую школу не поможет, так как все свои проблемы Гоша унесет с собой. Я тогда посоветовала им найти и развить какой-то ресурс, что-то интересное для восьмилетних детей, что будет у одноклассников ассоциироваться с Гошей вместо «Гошка – это тот, кого дразнят». Долго думали, перебирали, ничего не находилось. Учиться Гоше было трудно, он часто болел, спортом заниматься не мог, на кружки просто не оставалось времени. Я спросила у Гоши, не умеет ли он шевелить ушами. Мальчик засмеялся и сказал, что ушами шевелить не умеет, зато у него очень забавно гнутся пальцы и кисть. Показал. И правда удивительно! По-видимому, какая-то врожденная особенность, сцепленная с его прочими болячками: пальцы между собой разводятся градусов на 270, а ладонь в целом отгибается назад так, что три пальца касаются предплечья.

Мы с Гошей решили, что для начала сгодится и такое: «Принесу килограмм любых конфет тому, кто повторит мой номер». Матери все это показалось странным и крайне сомнительным, но, поскольку мальчишка воодушевился и согласился снова пойти в школу попробовать «их сделать», она согласилась.

Тогда все прошло на удивление благополучно. Гнущиеся в разные стороны пальцы и кисти рук вызвали запланированное уважение одноклассников, а восьмилетний Гоша понял саму идею «ресурса»; в дальнейшем он с помощью бабушки научился складывать из бумаги всякие штуки (цветы, бомбочки, лягушек и т. д.) и учил этому одноклассников. Дразнить его перестали.

Сразу после зимних каникул бабушка обратила внимание на то, что Гоша идет как-то пошатываясь, и велела ему «не вихляться». В этот же день он, дразнясь, показал бабушке язык (уже наступала подростковая) – и язык был «на сторону». Шепелявил Гоша всегда, что помешало заметить нарушения речи. Никто ничего не понял, и мальчик продолжал ходить в школу.

А через месяц у Гоши случился второй инсульт.

Три недели назад его выписали из больницы.

Невропатолог сказал, что прогноз в общем-то хороший и функции должны восстановиться чуть ли не в полном объеме. Но для этого мальчик должен «бороться». А он не борется. Вообще. Наоборот, лежит целыми днями и смотрит в телевизор. Если телевизор выключить, он будет смотреть в пустой экран. В больнице его осмотрел психиатр. Сказал, что по своей части ничего не находит. Выписал какой-то легкий препарат с минимальными побочными эффектами. В больнице Гоша еще хоть как-то занимался с логопедом, хотя и не выполнял никаких заданий самостоятельно, а дома вообще отказался с ним общаться, просто отвернулся к стене, и всё. С родными почти не разговаривает. Один раз сказал: «Я всегда был урод. Хоть бы я сдох поскорее, чтоб никого не мучить». В другой раз спросил у отца: «Папа, а чего ж вы себе еще-то одного ребенка не завели, когда со мной уже все ясно стало? Может, еще и теперь не поздно? Вы ж еще сравнительно молодые. Может, попробуете?» У отца за два месяца заметно добавилось седых волос. Бабушка в свои пятьдесят восемь без нитроглицерина на улицу не выходит...

– А вы? – спросила я у матери.

– Дома я стараюсь держаться. Ради него...

– Вообще-то Гоша прав. Насчет еще одного ребенка, – задумчиво сказала я. Мать посмотрела на меня с ужасом. – Если вы все будете жить только ради него, вы его убьете...

– Я не могу сейчас думать ни о каких других детях, – твердо сказала женщина.

– Это-то я понимаю, – вздохнула я. – Но надо же что-то делать...

– Я знаю, что вы домой не ходите, но, может быть, в виде исключения... Мы бы вам, конечно, все оплатили... – вкрадчиво начала она. – Или, может, нам насильно его к вам привезти? На коляске?

– Вот только этого ему сейчас не хватало! – воскликнула я. – Моих насильственных увещаний: Гоша, жизнь – прекрасная штука, и после второго инсульта она тоже продолжается...

– Но я больше не могу на это смотреть! Он уходит! Понимаете, уходит! И я, получается, ничего...

– А вот про «ничего» я еще не сказала! – оборвала я, не имея при этом ни малейшего представления о том, что скажу дальше. Что я, детский практический психолог, знаю о депрессиях, сопровождающих инсульты? Именно что ничего. И психиатр в больнице ничего толкового им не сказал. Но ведь мне надо придумать что-то прямо сейчас. Чтобы мать не ушла с пустыми руками. Если и она откажется...

– Ему сейчас всё по барабану. Но все-таки хоть что-то вызывает у него интерес? Может, еда? Гоша всегда любил поесть...

– Нет, поесть мы его каждый раз вдвоем с бабушкой уговариваем. Ничего. Ну вот разве что в аквариум смотрит. Он у нас вообще-то в гостиной стоял. А теперь у Гоши. Я точно не помню, но он вроде сам попросил его перенести...

«Ура!» – мысленно воскликнула я и пристукнула ладонью по поручню своего кресла.

Анималотерапия! Конечно! Растерявшись от неожиданности (детский инсульт!), я просто забыла о своем любимом методе.

– Минутку, я, кажется, поняла, что нужно делать, – сказала я матери и задумалась. Решать надо было быстро, времени на эксперименты нет совсем. Кошки и собаки не подходят однозначно. Они будут сразу эмоционально ориентированы на других, ухаживающих за ними членов семьи. Гоша прав: уж лучше братик или сестричка. Морские свинки глупы. Попугай? У него хороший интеллект, но часто бывает плохой характер. Крыса? Идеально в смысле интеллекта и общения, но нет ли у болезненного Гоши аллергии на «мышиный» запах и прочее? А вдруг есть? К тому же крысы не очень красивы и грациозны, а Гоша и себя-то не любит за неуклюжесть... А может быть?.. Ведь родителям явно нужно жертвовать ради него, и их надо хоть чуть-чуть отвлечь...

– Сейчас идете и покупаете билет до Москвы или до Мурманска, – сказала я вслух.

– Зачем?! – испугалась мать.

– Потому что в Питере нет бурундуков, – объяснила я. – Они не пахнут, прекрасно приручаются, все время скачут и выпрашивают орешки. От них невозможно отвести глаз. Они очень позитивны. Это называется анималотерапия, признано наукой. У меня у самой живет бурундук. Я знаю, Гоше понравится.

Я позвонила спустя два месяца. Трубку взял Гоша. Он смеялся и рассказывал мне про бесконечные проделки бурундучка. Я рассказала ему про своего бурундука Мяфу.

– А мой все время по мне бегают, – сказал Гоша. – Когда я осенью пойду в школу, он будет скучать?

– Он в спячку ляжет, – ответила я. – Будет на час в день выходить. А у тебя другие дела будут, тебе сколько навестывать придется!

– А, ну тогда другое дело, – сказал Гоша и принялся дотошно уточнять, как устроить зимний домик для бурундука.

Я давно обращала внимание: эти толстые добрые мальчики почему-то почти всегда немного зануды...

Быть успешным

Это не научное исследование. Если говорить честно, то это не исследование вообще. Наверное, можно было бы назвать это опросом, точнее, тремя опросами, но слишком мала и невалидна выборка. Да и компетентность исследователя (особенно автора первого опроса) сомнительна весьма. Но тем не менее... После того как участница проекта Юлия Гандурова в дискуссии по поводу неотенических личинок напомнила мне об этих давно имеющихся у меня данных, мне показалось, что они вполне могут быть поводом, зачином для интересного разговора.

Когда мы были младшими подростками (11–14 лет), у нас были очень популярны анкеты. Девочка (всегда девочка, мальчики то ли меньше интересовались окружающими людьми, то ли считали это ниже своего достоинства) заводила специальную тетрадку, на каждую страницу которой аккуратным красивым почерком вписывала незамысловатые вопросы: «Как тебя зовут?», «Сколько тебе лет?», «Какая твоя любимая еда?», «Какая твоя любимая книга?», «Какая музыкальная группа тебе нравится?». На эти анкеты охотно отвечали и мальчики, и девочки, потом автор анкеты с подружками долго читали и обсуждали ответы и таким странноватым образом познавали внутренний мир сверстников (в быту мы были очень невербальны и почти не умели говорить о себе). После тетрадки хранились на полке в секретере и иногда извлекались на свет, чтобы что-нибудь уточнить. Сохранилась такая тетрадка и у меня. В подростковости я была больше «мальчиком» по психическим проявлениям и поэтому созрела до проведения своего опроса поздно. почти к 15 годам. Естественно, я изо всех сил старалась, чтобы мои вопросы были оригинальными. Один из вопросов был: «Что для тебя добиться в жизни успеха? Чего ты хочешь добиться сам?». Всего на него в моей тетрадке ответили 33 человека, 13 мальчиков и 20 девочек. Возраст от 14 до 16. Год 1977. Место проведения опроса – комсомольско-молодежный лагерь, в котором обычные ленинградские школьники весь июнь пололи турнепс.

Десять ответов одинаково безличные: «хочу быть счастливым». Два уточнения, типичные для подростков: «счастье – это когда тебя понимают» (кажется, это цитата, мы тогда часто разговаривали цитатами, даже из русской классики, – это был наш культурный код).

Еще 15 ответов касаются профессий и обучения в высшей школе: «поступить в институт», «стать инженером», «стать главным инженером»,

«стать врачом», «стать учительницей начальных классов», «полететь в космос», «выучиться, ездить в экспедиции и командировки», «стать моряком». К этой группе относится и мой собственный ответ (автор анкеты традиционно первым отвечал на нее сам): «стать ученым и открывать тайны природы».

Всего один ответ про деньги (от мальчика, который в нашей среде считался глупым): «успех – это когда ты всё, что хочешь, можешь купить или достать».

Пять человек ответили лично или общественно морально: «стать врачом и помогать людям, спасать их жизни», «успех – это когда ты нужен другим», «быть полезным членом общества», «честно служить Родине и получать от нее награды».

И только двое написали про семью: «главный успех – это найти свою любовь, свою половину» и «счастливо выйти замуж и всю жизнь прожить с любимым человеком».

Много лет спустя, в перестройку, уже работая психологом, я вспомнила свою школьную «анкету» и часто спрашивала проходящих ко мне подростков: а что такое для вас успех? Иногда записывала ответы. И удивлялась тому, как быстро все поменялось. Ответов было много, но в своих записях я нашла всего 41 пометку. Возраст от 12 до 16. Годы 1994–1996.

Больше всего ответов про деньги: «чемодан с долларами», «счет в банке», «много денег». Встречалась также недвижимость: «вилла на Канарах», «дом на море», «большая квартира». Были и профессиональные устремления: «свое дело с большим доходом», «стать банкиром», «стать бизнесменом». Вопреки утверждению тогдашних газет, стать валютной проституткой или бандитом не пожелал никто. Многие девочки хотели «не работать, сидеть с детьми». Всего восемь человек хотели уехать из России и богато жить в какой-нибудь другой стране (в основном в Америке). Шестеро по-прежнему хотели стать врачами и учителями. Один хотел стать фермером и выращивать свиней. Про любовь в связи с успехом не вспоминали. Инженером не хотел стать никто. Никто не хотел служить Родине.

Меньше двух лет назад я, разбирая рабочий шкаф, случайно наткнулась на карточки с ответами и поняла, что опять прошло уже больше десяти лет (как летит время!). И что же, все опять поменялось? Месяца три я помнила о своем проснувшемся интересе, опрашивала подростков и делала пометки на обратной стороне тех же карточек. Всего мною было опрошено 38 человек. Возраст почти тот же – от 13 до 17. Вопрос тот же.

Конец 2011, начало 2012 года.

Семь человек по-прежнему, несмотря ни на что, хотят стать врачами, учителями и инженерами – я люблю вас, ребята! Десять человек, по-разному это называя, хотят стать чиновниками. Еще девять – певцами, артистами, шоуменами. Счет в банке тоже присутствует (у пятерых). Двое считают успешными людей, у которых есть свой бизнес. Пятеро хотят стать домохозяйками с детьми, на иждивении мужа. Один хочет жениться на девушке, у которой богатые родители. Семеро считают: успех – это если ты родился в богатой семье, тогда ты всего добьешься. Одиннадцать человек хотят жить не в России, но никто не рвется именно «валить отсюда», хотят быть «гражданами мира» – тут пожил, там пожил... Трое говорят: «успех – это когда работа не напрягает, а приносит деньги и удовольствие». Две девочки считают, что успех – это встретить настоящую любовь. Один мальчик хочет стать президентом.

А что вы думаете по поводу всего этого? И что такое успех для вас? Менялись ли ваши представления об успехе на протяжении вашей жизни?

В моей крови – дорога

– Когда мне было пять лет, я мечтал о том, чтобы меня украли цыгане, – сказал мужчина.

– Вот прямо так и мечтали?

– Именно так. Ложился вечером спать, укрывался с головой одеялом и представлял, что меня украли, я теперь цыган, кибитка едет по какой-то дороге в ночном лесу, над моей головой шумят деревья, сбоку, провожая кочующий табор, бежит луна...

– Эй, погодите, погодите! – подозрительно воскликнула я. – А откуда вы в пять лет вообще знали о возможности быть украденным цыганами?!

– Так меня пугала прабабушка. «Не будешь слушаться, будешь один за калитку ходить, тебя цыгане украдут и увезут далеко-далеко, мы тебя найти не сможем!» У нас была дача под Гатчиной, там большой цыганский поселок. Я убегал из дома, доходил до пожарного пруда и демонстративно прохаживался туда-сюда, постепенно теряя надежду заинтересовать цыган своей персоной...

– А у нас в семье передается легенда о том, что один из моих предков был настоящим пиратом... – бледно улыбнулась женщина и тут же с силой закрыла глаза ладонями. – Но ведь это всё не то! Не то!

– Да, пожалуй, не то... – вынуждена была согласиться я.

Мы говорили о наследственности. Я искала какую-нибудь зацепку и, как и все предыдущие специалисты, работавшие с этой семьей, не могла ее найти.

Самая обычная семья. Познакомились в институте, поженились после его окончания, теперь он работает по специальности, инженером, а она – в недвижимости. Двое детей – мальчик и девочка. Мальчика зовут Вадим.

В десять лет Вадим учился в третьем классе с одной тройкой по математике, ходил на футбол и в фотокружок, любил лепить из пластилина и не любил делать уроки. Обычное дело. Однажды вечером сын с матерью поссорились из-за уроков, она была на нервах из-за работы и крикнула ему что-то вроде: не хочешь все делать как полагается – тогда вообще не хочу тебя видеть! Убирайся! Вадим тут же перестал психовать и молча ушел в свою комнату. Мать выпила на кухне две чашки кофе и подумала, что эти чертовы уроки того не стоят. Наутро все было как обычно: Вадим позавтракал, взял ранец, помахал провожающему его отцу от угла, за которым была школа, и... больше в этот день (и в много

последующих) его никто не видел.

В школу он не пошел, домой не вернулся. В 10 часов вечера милиция приняла заявление родителей. В одиннадцать Вадим позвонил бабушке и сказал: со мной все в порядке, не волнуйтесь, я просто ушел.

Портреты Вадима висели в метро и универмагах. Его нашли через три месяца в Вологодской области. Милиционерам его «сдал» местный бомж со словами: не дело оно, мальчонка ведь еще совсем. Про семью не рассказывает ничего: небось родители – звери...

«Звери»-родители плакали и молились за того бомжа. Были длинные разговоры «в одни ворота» (Вадим молчал), мать просила у сына прощения и, как велел психолог, говорила о своих чувствах. Наняли репетитора, Вадим вернулся в школу, в свой класс, учительница была подготовлена и ни о чем не спрашивала.

– Ну как тебе в школе? – заботливо спросили родители после первой недели.

– Ничего, только скучно, – ответил мальчик и, подумав, добавил: – Там совсем нет ветра.

Вадим отучился два или три месяца и опять исчез. Пожилой капитан милиции сказал отцу: «Не волнуйтесь, поймаем! Нынче уж знаем, что он не в люк свалился и не в канаве убили, а по своей воле. Но губу не раскатывайте, он опять уйдет. Поверьте моему опыту, теперь уже ничего сделать нельзя. Так и будет бегать, натура такая. Я таких много видал...»

Но откуда, отчего же эта натура?! В семье всё в порядке, мозги у самого мальчика вроде тоже на месте...

Все было. Лечили у психиатра. Сначала был заторможенный и ничего не хотел, потом перестал спать и есть. Однажды сказал: я теперь уйду или умру. Испугались, лечение прекратили, Вадим немного пришел в себя и, конечно, тут же исчез... По совету педагогов отдали в кадетский корпус. Там продержался почти полгода, говорил: любопытно. Как только надежда родителей окрепла, сбежал, увел с собой еще двух мальчиков. Тех быстро нашли, Вадим их бросил на вокзале со словами: слабаки вы, идите назад... Ругали, били, упрасивали, убеждали, записывали в туристический кружок, окропляли святой водой и возили к экстрасенсу. Ничего не помогало. Один раз вернулся сам, своей волей, черный и страшный – выдалась очень холодная зима и еще что-то такое случилось... он не рассказывал. Где и с кем жил, как добывал еду и прочее – можно было только догадываться. Приблизительно два года назад женщина-милиционер сказала: да он у вас чудо-рассказчик, такого мне наплел, интересно даже... После этого случая подобные отзывы родители слышали не раз: интересно даже.

Мне, конечно, тоже стало интересно.

– Где сейчас Вадим?

– Если бы знать... – мать заплакала. – Мы ведь каждый раз думаем: всё! Больше мы его не увидим... Убьют, умрет где-нибудь в подвале...

– Когда проявится – приводите. Скажите, что таблеток у меня нет, а психолог я для него явно не первый, так что вряд ли он будет особо сопротивляться...

* * *

Вадим был небольшой, жилистый, обветренно-загорелый, похожий на небольшого койота.

– Жратву-то где берешь? – спросила я. – Воруешь?

– Бывало, – кивнул подросток. – Сейчас больше зарабатываю – собрать-разобрать, разгрузить-загрузить, покараулить чего. Дрова умею колоть, на рынке торговать, столярку простую, учился немного. И истории еще, особенно если в деревнях... Я город меньше люблю, мне проселочные дороги и поля нравятся. Мне, когда я дома, они завсегда сняты. Во сне я иду по дороге босиком, вокруг поля, пыль продавливается между пальцами, кузнечики по бокам стрекочут, солнце печет, жаворонок высоко-высоко, или, наоборот, над головой небо со звездами медленно так поворачивается...

– Что за истории?

– Это я еще когда совсем мальцом был, научился. Слушаешь других, как у них жизнь сплелась, а потом сложишь по-своему и рассказываешь, как будто про себя. Женщины плачут часто, мужики тоже жалеют, сигарет дадут, водки, ночлег...

– Расскажи мне что-нибудь.

– Хорошо. Только это девчонка одна, она в поселке при железной дороге жила, и я на себя переводить не буду, в память ее, да и вы ж все равно знаете...

У него изменилось все – мимика, голос, поза. И я буду не я, если он не впал в какую-то разновидность транса.

– «В нашем бараке теперь немного людей живет – уехали. Нам с матерью некуда было, мы жили. Сверху в окне одно стекло выбито было наискосок, сколько я себя помню, и через него всегда дуло. Мать уйдет куда по делам, а мне накажет: сиди тихо, а то тебя ведьма заберет. И я думала: ведьма вот оттуда прилетит, через дыру. Забыюсь под тряпье всякое,

чтоб не вымерзнуть вовсе, и смотрю туда, чтоб не пропустить. Они и вправду ко мне тогда прилетали, ведьмы-то, и играли со мной... Закружится, загудит... Не веришь? Вот и мать тоже не верила, а ведь от них по всей комнате звездный иней оставался, разноцветными огнями играл... А потом однажды мать вовсе не пришла. Я ее трое суток ждала...»

Я, конечно, не заплакала и угощать мальчика сигаретой не стала бы ни при каких обстоятельствах. Но в конце истории (она кончилась совсем плохо) от полстакана водки не отказалась бы...

И вот с такими сюжетами, таким опытом и такими снами он возвращался к одноклассникам, которые рыдали о двойках и менялись наклейками с покемонами...

– У меня есть к вам просьба. Если вдруг уже изобрели таблетку, которая может это вылечить, не говорите про нее моим родителям. Хорошо?

– У меня нет для тебя таблетки. Но мы с тобой одной крови, ты и я. Ведь, по сути, я тоже рассказчик историй.

* * *

– Что стало с пиратом? – спросила я женщину. – Ну, с тем, который ваш предок?

– Он вроде потом остепенился, завел семью, кабак открыл. Торговал краденым, говорили, сундук с золотыми монетами где-то зарыл, но, как умер, не нашли... А к чему вы это спрашиваете?

– А если бы все можно было изменить, кем бы вы его хотели видеть?

– Да нам не надо ничего особенного! – горячо воскликнул отец. – Что-нибудь обычное – инженер или строитель, а если у него плохо с математикой, так пусть стал бы менеджером каким-нибудь...

– Ваш Вадим – человек Дороги. Все ушкуйники, корсары, первопроходцы, варяги, Колобок и Максим Каммерер – его духовные родственники. Но он не просто странник. Он еще и странник-сказитель. В африканской традиции они называются гриотами. В южноамериканской – это женщины, кантадоры...

Вадим слушал жадно: он не сомневался в себе, но устал слышать о том, что он изгой среди нормальных людей. Он хотел быть частью древней традиции. И, несмотря на всё, он был еще так юн и неопытен. Я ничем не могла ему помочь. Но архетип Дороги – один из самых мощных, там много древней и вечной силы и надежды; не всем же сидеть,

уткнувшись в зомбоящички замасленными от чипсов мордочками...

– Ему никогда не сидеть в офисе, – лицемерно вздохнула я. – Но офис-клерков и маркетинг-менеджеров в нашем мире явный избыток, а сказителей устной традиции осталось немного. Ваш сын силен и талантлив, и не теряйте надежды – судя по судьбе предка-пирата, он все-таки может когда-нибудь остепениться.

– Но та жизнь, которую он... она же... ему же...

– Простите меня, – Вадим встал и пришел всем на помощь. – Не думайте, я все знаю и понимаю. И пусть моя жизнь будет опасной и недолгой, но все-таки это моя жизнь.

– Да, – как мы и договаривались, отец поднялся вслед сыну (для чего поднялись мы с матерью – не знаю). – Вот браслет. Там выгравирован наш домашний адрес, имена и телефоны. Ты знай, и все другие пусть знают: что бы ни случилось, есть место на земле, где тебя всегда ждут. Всегда.

– Спасибо, – Вадим слегка поклонился родителям и мне и защелкнул браслет на узком коричневом запястье.

Все мы родом из детства

Эта история произошла в Петербурге с одним из моих коллег-психологов. Он часто рассказывает ее студентам и потому наверняка не будет против, если я перескажу ее вам.

В тот раз моего коллегу (назовем его Александром) пригласили вести психологический тренинг в рамках работы крупной учительской конференции. Он был тогда достаточно молод; впрочем, это был далеко не первый тренинг в его жизни, и некоторый опыт их проведения у него, несомненно, имелся.

Конференция проходила в одной из петербургских школ во время каникул. Психологический тренинг в ее расписание устроители включили вовсе не по просьбе участников или какой-то необходимости, а просто для того, «чтобы идти в ногу со временем». Для проведения тренинга организаторы, не очень понимая, что, собственно, там должно происходить, на всякий случай отвели спортзал – пусть будет побольше места. Принесли и расставили стулья, заготовили по просьбе психолога листы бумаги и разноцветные маркеры и пожелали ему удачи.

И вот на следующий день перед нашим Александром смирно сидели в кружок тридцать-сорок человек. Здесь надо отметить еще одну особенность происходящего: конференция была довольно высокого уровня, на нее собрались люди из разных городов России. И именно поэтому (российская особенность подобных мероприятий) на ней практически не было «рядовых» и молодых учителей, ради которых, в сущности, эти конференции и затеваются – чтобы они могли обмениваться опытом и профессионально развиваться... Присутствовали в основном завучи и директора школ. Почти исключительно женщины. Некоторые чуть ли не в два раза старше нашего Александра. Строгие костюмы в серо-коричнево-лиловых тонах. Снежно-белые, тщательно отглаженные блузки. Лодочки на низком каблуке. Прически в стиле «чугунный завиток», у некоторых – благородная седина с фиолетовым оттенком. На лицах – равнодушное отчуждение и покорность судьбе: мол, всё это какие-то глупые, никому не нужные новшества на злобу дня, и что понимает этот молодой человек в нелегкой нашей работе? Но дисциплина превыше всего: есть в программе психологический тренинг – значит, придется его отсидеть.

Почти час бедный Александр старался как мог, чтобы пробить эту

броню. Он пытался раскрепостить аудиторию, предлагая им всякие игры и психодинамические упражнения. Призывал поговорить о чувствах и рассказать или разыграть истории из их повседневной практики. Аудитория не раскрепощалась и не отзывалась. Дамы категорически отказались обращаться друг к другу на «ты» (обычная практика во время психологических тренингов), а упражнения хотя и выполняли (дисциплина!), но с явным трудом и откровенным недовольством (какими глупостями нас, серьезных людей, тут заставляют заниматься, какая бессмысленная трата времени!).

Александр постепенно начал впадать в отчаяние. На тренинг было отведено три часа, прошло едва полтора, но он уже понимал, что все им запланированное вызовет точно такую же реакцию собравшихся, какую он наблюдает в данный момент. Что же делать? Признать свое поражение и отпустить педагогических дам пить кофе и обмениваться важными для них сведениями в кулуарах? Может быть, так и было бы лучше всего поступить, но Александр не привык сдаваться.

– Все мы родом из детства! – громко и радостно провозгласил он (регрессия иногда помогает в трудных случаях). – Сейчас вы все возьмете листочки и в течение десяти минут напишете на них крошечное эссе о самом симпатичном, приятном, духоподъемном воспоминании из вашего собственного школьного детства.

Дамы с явным облегчением достали фирменные блокноты, выданные им вместе с материалами конференции, взяли ручки и дружно принялись писать. Александр несколько приободрился – кажется, он на верном пути.

Ровно через десять минут одна из дам (по-видимому, назначившая себя «дежурной по классу») встала, собрала листочки и вручила их ведущему.

Александр быстро просмотрел написанное. Как он и ожидал, мысль пришла сразу – абсолютное большинство приятных детско-школьных воспоминаний собравшихся касалось так называемой «общественной жизни» в пионерской организации: слеты, конкурсы, дружба, песни, горны, барабаны...

– Сейчас мы все с вами будем пионерским отрядом! – на взлете креатива воскликнул Александр, по возрасту сам еще заставший пионерское детство. – Нам нужно будет придумать название отряда, выбрать командира...

– Ясно! – прервала психолога дама, которая собирала листочки. – Мы поняли ваше задание. Товарищи, давайте сюда поближе...

Далее минут пятнадцать-двадцать наш Александр ходил вокруг сгрудившихся почтенных дам и пытался через их плечи заглянуть в центр

происходящего. На него никто не обращал внимания. Из центра неслись отдельные возгласы: «...Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь!...», «Бороться и искать... как там дальше?..», «Найти и не сдаваться – вы что, Каверина не читали?», «Это не Каверин, это Жюль Верн!», «Да какая разница!», «Костер в звезде – хорошая эмблема!», «Слишком банально, и надо как-то отразить наш опыт...», «Что ж вы предлагаете – головешки?!», «Юные коммунисты...», «Нет, так пионерские отряды не называли!»

– Мы готовы! Вот название, эмблема отряда... – несколько дам с абсолютно живыми лицами и сияющими глазами (вероятно, самовыделившееся бюро, актив «класса») стояли перед Александром. – Что теперь?

– Теперь... – Александр судорожно соображал. До официального конца тренинга оставалось полчаса. – Теперь вам нужно построиться и провести смотр строя и песни!

– Ясно! – дамы развернулись на каблуках. – Отр-ряд! Стр-р-ройсь!

Буквально сметенный с дороги Александр (вообще-то он изначально предполагал, что командовать отрядом придется ему) прижался к лестницам шведской стенки и ошеломленно наблюдал, как седые строгие дамы быстро и ловко построились в колонну по четыре, подтянули животы, выпятили груди, выставили вперед «командира», «горниста», «барабанщика» (немногие среди них мужчины – с воображаемыми горном и барабаном), запевалу и, прямо на ходу синхронизируя шаг, двинулись по залу в его сторону.

– Наш отряд!

– Факел!

– Наш девиз!

– Бороться и искать, найти и не сдаваться!

– Речевка, раз-два!

– Шире шаг!

– Три-четыре!

– Выше флаг!

– Смелые, умелые, всегда мы тут как тут! Пионеры-ленинцы, ленинцы идут!

«Они шли на меня с ужасным согласным топотом, клином, свиньей, как шведские псы-рыцари, от них перла такая бешеная энергетика... – рассказывал Александр. – Я не мог их остановить, я их боялся... они прошли мимо, лихо развернувшись на повороте, и я вздохнул с облегчением: им не было до меня никакого дела, они жили внутри

процесса...»

Расставаясь, дамы тепло поблагодарили тренера: спасибо за доставленное удовольствие. Вы были совершенно правы: все мы родом из детства...

Встать в пару

Мальчик, трех-четырёх лет на вид, уверенно, молча, не глядя на меня, прошел через мой кабинет и нырнул под стоящую у окна банкетку. Я успела рассмотреть круглую голову, короткий ежик волос и смешную «ладанку» из футляра от бахил, висящую на шее. Дело было в разгар эпидемии гриппа, и в тот год среди некоторых родителей распространилось странное поверье: если на шею ребенку повесить коробочку с нарезанным чесноком – он не заболеет. Вот так, с чесночной ладанкой, эти дети ходили везде в людных местах, «благоухали», отгоняли вирусов и вампиров. Мне то и дело приходилось проветривать кабинет, но я не жаловалась – во время эпидемии частые проветривания полезны.

Мать села в кресло, сложила руки на коленях, губы бантиком. Лицо симпатичное, печальное. Из-под банкетки послышалось негромкое нечленораздельное гудение – надо думать, мальчик как-то осваивал машины, стоящие там как бы «в гараже».

– Ну, что у вас случилось? – спросила я, ожидая услышать традиционное для этого возраста «не слушается!».

Но услышала совсем, совсем другое...

– Воспитательница из садика меня прислала. Сказала: «Сходите обязательно, что-то с Вовой не так».

– А как выглядит это «не так», она не сказала? – мысленно охарактеризовав умственные способности воспитательницы, уточнила я.

– Да нет, в общем-то, она и сама толком не поняла... Дело в том, что дети отказываются вставать с ним в пару. Даже его друг.

Оп-ля! Я мысленно же извинилась перед внимательной воспитательницей. Как я боюсь этого симптома у маленьких детей! Ребенка я толком не рассмотрела, да и волна чесночного запаха отчасти притупила мою наблюдательность...

– Может быть, Вова просто дерется, обижает одноклассников, поэтому они его боятся и не любят? – с спросила я с некоторой надеждой.

– Нет, – мама помотала головой, такой же круглой, как у сына. – Он крупный, но не драчливый совсем. Всегда, если его задевали, просто уходил. Обычно, мне воспитатели говорили, он в садике сидит себе в углу и в конструктор играет или книжку смотрит. Один или с другом. Но вот теперь и друг, и остальные дети общаться с ним не хотят.

– А дома поведение Вовы не изменилось?

Вовина мама моментально ловит озабоченность в моем голосе и тяжело задумывается.

– Не знаю, я ничего такого не замечала... Только вот бабушка говорит, что он отказывается заниматься. Хотя раньше всегда занимался с ней с удовольствием. Вова у нас очень развитый: все буквы знает и уже может немного по слогам читать.

– А общение? С вами, с незнакомыми людьми?

– Да он всегда, чуть не с рождения буквой был...

– Какие-то странные игры? Не существующие в реальности персонажи? Может быть, рисунки?

– Да! Да! – мама начинает нервно ломать пальцы. – У него уже давно есть какой-то придуманный друг Миша, который к нему из леса (у нас рядом с домом парк) приходит. И игры у него... он много играет, но нас с бабушкой к себе никогда не пускает. И рисует... планы метро.

Планы метро? Общение с никому не видимым Мишей? Отвергающие Вову дети? Я задумалась.

Увы мне и маме! Часто вот этот именно симптом: маленькие дети нутром чуют пробуждающуюся инаковость сверстника, пугаются, как зверьки, и отказываются вставать с ребенком в пару – маркирует начало детской шизофрении. Взрослые еще ничего не замечают или списывают на оригинальность или даже одаренность ребенка... Но как мне сказать об этом матери?

– Скажите, пожалуйста, среди ваших родственников были... ну, скажем так, странные люди?

Мама думает, продолжая с противным хрустом ломать пальцы. Вова вылез из-под банкетки и на ковре выстраивает ряд из моих машин – по росту, от самой большой к самой маленькой.

Через пять минут я знаю все о предполагаемой психиатрии в обоих родах. От утопившейся в пруду от несчастной любви двоюродной прабабушки матери до – о ужас! – покойного дедушки со стороны отца, о котором свекровь никогда толком ничего не рассказывала (развелась с ним, когда отец Вовы был еще маленьким), но теперь-то мать понимает, что он, судя по всему, был вовсе не алкоголиком, а гораздо хуже...

В кабинете повисает тяжелое молчание.

* * *

И в этой паузе я хочу предложить уважаемым читателям поговорить

на очень интересующую меня и, как мне кажется, вполне актуальную, хотя и трудную тему.

Смотрите: мы много и, наверное, убедительно говорим о постепенно растущей в нашем обществе толерантности к инвалидам. Особенно, конечно, к детям. И сами эти разговоры, как предполагается, этому росту способствуют. Конечно. Ведь еще недавно у нас детей-инвалидов прятали по домам, об их существовании не очень-то говорили, иметь такого ребенка считалось чем-то чуть ли не стыдным и неприличным, а от взрослых инвалидов, если они изредка появлялись на улице, все попросту отводили взгляд. Теперь многое изменилось. Вот недавно наши спортсмены победили на Паралимпийских играх, все дружно за них болели и ими искренне гордились. Детям-инвалидам все вполне открыто помогают, и никто особенно не отворачивается. Но при всем этом «инвалид» практически всегда представляется нам как-то визуально. В первую очередь это, конечно, «опорник» (т. е. с нарушениями опорно-двигательного аппарата. – *Ред.*). А вслед за этим – всякие тяжелые хронические соматические, генетические или обменные заболевания. Далее – глухие, слепые; где-то в самом конце – врожденное органическое поражение головного мозга, умственная отсталость. В общественное сознание постепенно внедряется здравая и гуманная мысль: нужно только создать им условия, дать возможности для развития, и тогда они смогут жить в соответствии со своими возможностями, но в целом «как все обычные люди» – работать, ходить в кино, театры, рестораны, заниматься спортом, путешествовать...

А вот другие люди, которые на первый взгляд выглядят абсолютно как все, люди соматически здоровые, с руками-ногами, часто даже с сохранным (до некоторых пор?) интеллектом, но при этом мыслят, чувствуют и часто действуют в мире откровенно «не как все». Те, кого врачи называют «психиатрическими больными», а обыватели – просто «сумасшедшими». Я очень хорошо помню, как в перестройку, на волне борьбы с «карательной советской психиатрией», в какой-то момент множество психически больных людей вместо больницы оказалось в прямом смысле на улице – они ездили в метро, сидели и что-то бубнили себе под нос на скамейках в скверах, пробовали общаться в очередях и просто с прохожими. Обычные люди либо шарахались в стороны, либо демонстративно их не замечали, либо посмеивались, воспринимая общение с «психом» как развлечение. Кто-то жалел их, конечно, но чем тут можно было помочь?

Потом постепенно они куда-то делись... Погибли? Снова, когда

прошел очередной период «разрушения до основания», оказались в привычных больницах и интернатах?

Вам никогда не казалось, что часть из них ушла в Интернет и оставляет значительный процент комментов к материалам, предположим, на сайте «Мэйл.ру»? Мне лично зачастую так кажется...

И проблема-то, как я полагаю, осталась, хотя о ней обычно как-то избегают говорить.

Если болезнь разрушила не тело, но разум, чувства, дух человека, он, безусловно, несчастен. Но как проявить к таким людям толерантность? Делать вид, что они «как все», и так с ними и обращаться?

Но ведь это вранье. Они другие, и даже дети в младшей группе детского сада это чувствуют.

Создать им условия? Но какие? Пандусами в переходах тут явно не обойдешься... Предоставить их самим себе, просто поить, кормить котлетами и таблетками? Но человек (любой человек!) не может жить в вакууме, и в конце концов мы рискуем получить Адама Лэнзу (школьник-аутист, расстрелявший детей и учителей в американской начальной школе Сэнди-Хук в 2012 году. – *Ред.*). Или Интернет, наводненный психопатиями. Тема регулярно возникает как очень актуальная и... уходит в песок. У меня спрашивают совета, как у специалиста. А я и сама не знаю, что сказать. Я ведь не психиатр. Те же опытные психиатры, которых я близко знала, имели такую профессиональную деформацию и абберрации социального зрения, что я бы у них и спрашивать не стала. Отношение общества и каждого из нас в отдельности к психически больным (при этом соматически здоровым!) людям надо обязательно обсуждать – и в реальном общении, и в Интернете. Как есть? Как надо? Как хотелось бы?

* * *

Кто-то, наверное, еще помнит про Вову. Он расставил машинки, нагрузил в самый большой кузов кубики, поднял голову, оценил затянувшуюся паузу и сказал:

– А я знаю, почему Вася со мной больше играть не хочет. И почему Лиля в пару не встала.

– Почему же?! – хором воскликнули мы с матерью.

– Воняет от меня противно – вот почему, – мальчик дотронулся пухлым пальцем до чесночной ладанки. – Они мне сами сказали: тошнит их...

Дар божий или проклятье?

Родители не стали ходить вокруг да около, а сразу взяли быка за рога. Надо признать, что у них были для этого все основания.

– Наша дочь Таня пыталась покончить с собой. Психиатр в больнице, куда она попала по скорой, сказал, что попытка, скорее всего, была истинной, а не демонстративной.

– Как он пришел к этому выводу?

– Таня наотрез отказалась с ним разговаривать.

– Веское основание... Сколько лет Тане?

– Шестнадцать.

– Где она учится – в школе, в колледже, в училище?

– В университете. Филфак, испанское отделение, второй курс.

– Почему в шестнадцать лет девочка оказалась не в десятом, в крайнем случае, в одиннадцатом классе какой-нибудь гимназии, а на втором курсе университета? – спросила я.

Могла бы и не спрашивать. Потому что уже знала ответ. И он воспоследовал.

Классический, лучше даже сказать, хрестоматийный случай ранней общей детской одаренности. В три года Таня сама, по кубикам, выучилась читать. Читала сразу по-русски и по-английски – кубики были двуязычные, с картинками. Родители пришли в понятный восторг и умиление и купили книжек и пособий-развивалок. Девочка вцепилась в них, как голодная. Когда в три с половиной года пошла в детский сад, ей было просто не о чем разговаривать со сверстниками – она выполняла задания для первого класса: разделяла гласные и согласные буквы, складывала и вычитала, а также выделяла ударные и безударные слоги, строила схемы предложений. Изумленные воспитательницы предложили перевести чудо-девочку в среднюю, а потом и в старшую группу. Но это было явной ошибкой: моторика у Тани (как и у большинства рано одаренных детей) соответствовала ее собственному возрасту. Так что, легко перечисляя планеты Солнечной системы, она не могла слепить зайчика из пластилина или вырезать и аккуратно наклеить аппликацию. В конце концов остановились на средней группе, где Таня в основном общалась с нянечкой и воспитательницами, выполняя самоназначенную роль их помощницы. В три года Таня сочинила свой первый стих: «Почему розы? Почему розы? Закончатся грозы и станет апрель. Верь!» (это стихотворение

действительно сочинено девочкой на четвертом году жизни. – Авт.) В дальнейшем стихи сочинялись сначала раз в неделю, а потом – практически ежедневно. Поверить, что их складывает четырех-пятилетний ребенок, было почти невозможно. Откуда оно в ней берется?!

*Я молчу как молчитя,
Я кричу, когда больно.
Что случилось – случится,
Разве вам не довольно?*

– Наверное, это свыше! – говорили родителям мистически ориентированные знакомые.

Тане по-прежнему нравились всякие развивающие пособия с заданиями, она задавала много вопросов («Если одному королю стоит много памятников в разных городах, то где же живет его душа?» – спрашивала в четыре года); ей нравилось читать энциклопедии, и она очень любила беседовать со взрослыми: «От них всегда узнаёшь что-то новое». К детям-сверстникам девочка относилась равнодушно-снисходительно.

В пять Таниных лет воспитательницы твердо и в один голос сказали: «Нечего ей делать в детском саду! С детьми она все равно почти не общается, да и наши программы совсем не для нее». Выбрали недалекую английскую школу – Таню ужасно тошнило в любом транспорте. Программу первого (да и второго) класса девочка знала наизуток, на английском сочиняла простенькие, но милые стишки и сказала: «Да, в английскую школу пойду, но хочу еще французский язык изучать!» Нашли преподавателя французского. Учитель и ученица были в восторге друг от друга.

Когда в конце года возникла тема «перепрыгнуть через класс», завуч начальных классов озабоченно сказала: «Но как же это? Девочка только привыкла к своим новым одноклассникам, подружилась с ними...» «Без проблем, переводите, – разрешила Таня родителям. – Ни с кем я там не подружилась, Марью Петровну только жалко, но я буду к ней в гости ходить».

Конечно, Таня была школьной, а потом и районной звездой. Выступала со своими стихами на конкурсах и на вечерах старшеклассников – старшеклассницы ее обожали и тискали, как большую умную куклу. В девять лет появились первый сборник стихов и большая статья про Таню в серьезной городской газете. В десять лет Таня непонятно почему

рассорилась с учителем-французом (она уже прилично читала и хорошо говорила на бытовые темы) и начала учить испанский.

Был еще один перескок – через четвертый класс сразу в пятый. Именно в это время все та же завуч сказала: «Танечка, мы тебя все очень любим, но тебе имело бы смысл перейти в школу значительно посильнее нашей, обязательно с языковым уклоном. Там все детки такие, как ты, и ты сможешь найти себе друзей, это очень важно...» «Спасибо, но я не хочу, – ответила Таня. – Меня в автобусе тошнит. Я тут у вас останусь».

Дальше так и шло. Таня много занималась, сочиняла стихи, усердно учила испанский язык. В седьмом классе учительница литературы предложила ей стать членом какого-нибудь литературного объединения. «Благодарю вас, но мне всегда казалось, что сочинение стихов – дело сугубо индивидуальное. Вот танцевальный ансамбль или секция футбола – там, конечно, нужен именно коллектив», – улыбнулась девочка.

В 14 лет закончила школу. Поступила в университет. Сессии сдавала хорошо, в основном на четверки. И вот...

– Мы теперь думаем: эта ее одаренность, откуда-то приходящие стихи... Что это было – дар свыше или проклятье?! – немного патетически спросила мать.

Я поморщилась и недоверчиво осведомилась:

– Что, уж прям вот так, как гром среди ясного неба?

– Нет, пожалуй, – покачал головой отец Тани. – Последние годы дочь становилась все более замкнутой, раздражительной, грубила нам, не хотела общаться. Мы списывали на переходный возраст...

– И что делали?

– Старались оставить ее в покое, не обращать внимания на ее выходки...

– В то время как Таня отчаянно просила помощи... Друзей у нее так и не завелось?

– Ну, наверное, можно сказать, приятели... или хорошие знакомые...

– Она будет со мной говорить? Или как с тем психиатром...

– Мы очень надеемся, что да. Она читала ваши книжки.

– О, это хорошо. Повести для подростков?

– Нет, научно-популярные книги для родителей. Последние годы она увлеклась психологией и даже, можно сказать, физиологией...

– О Господи... – я только тяжело вздохнула. – Что ж, давайте сюда Таню.

Черное платье, декадентские черные круги под глазами. Бедная девочка...

– Ты знаешь, что такое темповая ЗПР? – спросила я Таню.

– Темповая задержка психического развития у детей, – удивленно подняв брови, ответила девушка. Не такого начала разговора она ожидала. Тем лучше. На то и рассчитано.

– Причина ее?

– Может быть родовая травма. А в общем – неизвестно.

– Верно. Какая-то биохимия в мозгах, до которой ученые еще не докопались. Исход состояния?

– Сколько-то детей, наверное, становятся потом нормальными...

– Если задержка именно темповая, то 8–9 из 10 догонят сверстников. У одного-двух был не тот диагноз. Что такое кривая нормального распределения, знаешь?

Рисую на листке.

– Да.

– Смотри, вот здесь – дети с темповой задержкой. А здесь, вот в этом секторе с другой стороны, – кто?

– Я? – от удачной догадки расцвела улыбка на лице (как же она ее красит!).

– Синдром ранней общей детской одаренности (не путать со специальной детской одаренностью – это вообще другое!). Ты и твои собратья и, так сказать, со-сестры по несчастью. Причина синдрома?

– Тоже биохимические нарушения при формировании нервной системы?

– Безусловно. Исход состояния?

– Восемь-девять становятся нормальными?

– Совершенно верно! Приятно иметь дело с умным человеком. Возраст выравнивания может быть разным. Чем раньше, тем лучше прогноз. Ну, и от поведения родителей зависит, конечно. Если начинают с этой одаренностью носиться, как с писаной торбой... Когда ты поняла, что стала нормальной?

– До конца – как в университет поступила. Все вокруг такие же, но взрослее и умнее. А догадываться начала еще в девятом-десятом классе. Стихи стали, если честно сказать, как у всех девиц в пятнадцать-двадцать. А математика-физика у меня вообще не шли. Я по четыре часа каждый

день задачи дома решала, чтобы пятерки были. Какая уж тут одаренность!

– Расстроилась?

– А вы как думаете? Я же привыкла... Хотя вот вы сейчас спросили, и я подумала: еще раньше что-то чувствовала, наверное. Я же помню, как завуч говорит: тебе надо в сильную школу, туда, где все такие, как ты... А я думаю: все такие, как я? Не хочу! Хочу быть единственной такой...

– Ну, это как раз закономерно. Теперь решила, что нормальной, как все, жить не сможешь, не потянешь?

– Да нет, скорее не поняла как... Я же не умею. А спросить не у кого. Однокурсницы на меня смотрят, как на паука какого из банки, из школы друзей не осталось. Родители вот только ужасно почему-то раздражают...

– Переходный возраст, – вздохнула я. – У нормальных людей часто так бывает...

– Ага, поняла, это вы надо мной смеетесь.

– Ну да, смеюсь. Одинокая шестнадцатилетняя девочка пыталась свести счеты с жизнью. С трудом откачали. Очень смешно!

– И чего же мне теперь? В школу, что ли, обратно?

– Да нет, зачем же. Теперь тебе опять придется задачи решать, только уже не по математике. Но ты-то, по счастью, вкалывать умеешь (это далеко не каждому бывшему одаренному так везет!), так что справишься. Смотри: вот шкалы развития (рисую на том же листке). Интеллектуальное. Физическое. Социальное. Интеллектуальное у тебя теперь соответствует возрастной норме, это мы выяснили. Физическое?

– Вроде все в порядке.

– Ага, ставим норму. Социальное? Умение строить горизонтальные связи? Дружить? Тусоваться? Подстраиваться под других людей, понимать их? Кокетничать? Всякие там межполовые вещи?

– Ставьте ноль!

– Да ладно, ноль – математическая абстракция, в живой природе не встречается. Ставим точку вот тут. Вот эту разницу, от твоей точки до вот этой шестнадцатилетней нормы, тебе и предстоит набрать.

– Да где же я наберу? Не могу же я просто прийти куда и сказать: возьмите меня тусоваться!

– Вообще-то можешь, но это, конечно, не для теперешней тебя. Самое простое – берешь в универе академку и идешь работать в откровенно молодежный коллектив, например в «Макдональдс»...

– Ой, там такая суeta всегда, я рехнусь сразу!.. А вот у нас во дворе «Идеальная чашка», там потише... Это нормально?

– Нормально, конечно. Когда подтянешь социалку и вернешься

в универ, там окажутся уже практически твои ровесники. Только они-то из школы, а за тобой – опыт работы, реальной жизни. Ты опять взрослее и опять на коне.

– Звучит разумно.

* * *

Таня оформила академку, но в официантки не пошла – родители воспротивились. Работала сначала помощником, а потом администратором по приему в Питере групп иностранных подростков и молодежи (ведь она владеет тремя языками, к которым у нее явные способности). Сначала по привычке дичилась, а потом поняла, что ее прошлое осталось в прошлом и никому теперь не известно; завела много знакомств из разных стран, вернулась в университет на вечерний, продолжая работать. Что делает Таня сейчас, не знаю, но надеюсь, что у нее все хорошо.

Детские страхи

– Вы знаете, проблема в том, что Ваня у нас всего боится, – сказала мама, погладив пятилетнего сына по вьющимся волосам.

– Всего-всего? – не поверила я и обернулась к самому мальчику. – Микки-Мауса? Бабушку? Трамваев? Манную кашу?

– Нет, этого всего не боюсь, – засмеялся Ваня.

– А чего же действительно боишься?

– Когда темно, – сразу же ответил мальчик. – И еще привидений. И всё.

Мама рассказала, что на самом деле список Ваниных страхов значительно обширней. Кроме темноты, Ваня боится оставаться в комнате один, плачет, когда мама уходит на работу или в магазин. Он боится врачей и уколов – чтобы взять кровь из пальца в поликлинике, его пришлось два часа уговаривать перед процедурой и еще час успокаивать после. А недавно стал бояться двух больших собак нижних соседей, что выглядит особенно странно, так как раньше он с этими собаками дружил.

– Когда все это началось?

– Примерно с полгода назад. До этого никаких особых страхов не было. Мы сначала внимания не обратили: ну, просит оставить свет в прихожей, нам что – трудно, что ли? Потом надо уже лампу в комнате зажечь, потом дверь перестал в туалет закрывать, а уж когда попросил отца пройти с ним по коридору к бабушке в кухню («я сам боюсь», буквально на мне повис и начал от знакомых собак шарахаться) – тут мы и поняли, что что-то неладно. Скажите, это вообще опасно? Это нарушение психики? Надо лечить? – мать тревожно заглянула мне в лицо.

Отец смотрел куда-то в сторону. Он вошел в кабинет вместе с женой и сыном и, кажется, кроме «здравствуйте» в самом начале, не сказал ни слова.

– Я пока не знаю, – честно ответила я. – По данным из разных источников, те или иные страхи у дошкольников встречаются в трех, пяти или даже восьми случаях из десяти. Судите сами: что здесь считать нормой, что нарушением?

– Но почему это так? – спросила мать Вани. – Откуда это берется? Я думала, здесь все дело в том, что родители сами пугают детей. Вот меня бабушка в детстве все время бабой-ягой пугала, что она плохих девочек забирает. И я, когда не слушалась, потом из-за занавески все в окно выглядывала: не летит ли бабка-ежка за мной? А мужу (мы с ним, когда

Ваня начал бояться, это обсудили) его старший брат рассказывал страшилки про вампира, что он придет и его ночью укусит; так Вадим спал в шарфе, чтобы вампир до шеи не добрался. Поэтому мы Ваню ничем не пугали, и в телевизоре он смотрит только хорошие мультики, сказки и передачи про животных...

– Примерно полгода назад в жизни вашей семьи не было каких-нибудь кардинальных перемен?

– Да нет вроде. Восемь месяцев назад я наконец-то на работу вышла. Но я давно хотела и собиралась, а Ваня уже весь прошлый год в садик ходил, и бабушка у нас дома...

– Как ведет себя Ваня с бабушкой? Те же страхи?

– Да. Все то же самое. Плюс, когда она его из садика заберет, перед моим приходом с работы он ее просто изводит: «Бабушка, а мама скоро придет? А она нигде не задержится? А она в магазин не пойдет? А поезд в метро не сломается?» – однажды мы с ним ехали, была какая-то авария, и поезд почти час стоял, – «А почему ее еще нет?», и так далее.

– Ну это вот ты! – неожиданно для меня вступил в разговор отец. – Это от тебя. Раньше ты меня изводила, а теперь Ванька эстафету принял, и совершенно по образцу...

Никакой реакции со стороны матери – ни согласия, ни возражений.

Я почувствовала направление дальнейшей работы, попросила Ваню нарисовать дома портрет привидения, которое он боится, быстренько «закруглила» визит и договорилась с мамой мальчика (ее звали Тамара) о следующей встрече.

* * *

– Страхи у детей чаще всего встречаются от двух до девяти лет, – сообщила я Тамаре во время нашей следующей встречи. – В этом возрасте дети уже многое видят, о многом догадываются, но еще большего не понимают. Их фантазия почти не сдерживается реальными представлениями о мире. В чем-то они похожи на наших далеких предков, которые населяли еще не познанный ими мир множеством фантастических и зачастую опасных существ. У одного моего знакомого мальчика в комнате жили тридцать два гнома...

– Так вы хотите сказать, что с Ваней все нормально? – недоверчиво спросила Тамара. – Но ведь его страхи множатся и нарастают...

– Значит, кроме закономерных по возрасту фантазий есть что-то

еще... – вздохнула я. – Иногда наши дети боятся не своими страхами.

– Чьими же это? – женщина взглянула исподлобья.

– Шею шарфом не обматывает? – усмехнулась я. – Вы ведь понимаете теперь, что это был страх старшего брата, который он транслировал на младшего?

– Да. Нет, не обматывает, – понимающая улыбка в ответ.

– А как насчет вас? Бабка-ежка за окном? Или что-то более актуальное?

– Сейчас уже нет. С тех пор, как вышла на работу, почти пропало. Но было.

– Что было?

– Вадим ушел, когда узнал, что я беременна. Сказал, что я ему нравлюсь, но он не готов жениться и к ребенку тоже не готов. Я хотела сделать аборт, уже собрала все справки, но в последний момент не смогла. Потом еще пару лет, как увижу белый халат или шприц...

– Продолжайте, пожалуйста, – попросила я.

– Когда Ваня родился, он почти сразу заболел. Тяжело, воспалением легких. Моя мама позвонила Вадиму. Вадим приехал и остался, как будто так и надо, и стал мне во всем помогать.

– Вы поговорили с ним, потом, когда Ваня поправился?

– Нет. Я... я боялась. Но он сам сказал: тут мой сын.

– А потом?

– Потом мы так и жили. Но я все время опасалась, что он однажды не придет с работы, исчезнет так же, как и появился.

– И «проверяли» его? Звонили? Спрашивали? Надоедали? Так же, как сейчас Ваня?

– Да. Да. Но почему?! Я же вышла на работу, чувствую себя намного уверенней, к Вадиму больше не пристаю, наши отношения улучшились. Почему же Ваня?..

– Значит, что-то еще осталось между вами непроговоренным, – сказала я. – И Ваня ловит это из воздуха... Рисунок-то принесли?

– Вот оно, наше привидение, – Тамара достала из сумки рисунок сына. – Ой! Я, кажется, поняла...

На рисунке по длинной трубе (коридору?) летел неопрятный комоч серой шерсти с двумя печальными черными глазами. В обоих концах трубы, сгорбившись, сидели схематичные человечки.

– А что это за ящики перед вами с Вадимом? – спросила я.

– Компьютер и телевизор, – объяснила Тамара.

– Если не сумеете сами поговорить с мужем, приходите вдвоем, –

заклЮчила я.

* * *

Спустя два месяца Тамара пришла одна.

– Он сказал, что теперь сам боится, что я ему прошлое припомню, – сияя глазами, сказала она. – И что тогда он вернулся вовсе не из-за Ваньки (его этот орущий кулек пугал до колик), а потому что понял: без меня он не может, и только и ждал предлога. А я ему рассказала, как ненавидела себя, когда седьмой раз ему на работу звонила и через знакомых узнавала, куда он ходит, а один раз даже по карманам шарила...

– А Ваня? – улыбнулась я, уже зная ответ.

– Ваня вчера весь вечер во дворе с соседскими собаками играл. Они его всего в песке изваляли...

Другой ребенок

– Он изменился. Как-то очень резко. Это все видят. И мне так страшно отчего-то...

Совсем молодая мама с гладко зачесанными русыми волосами. Круглые голубые глаза, круглые коленки, подсохшая болячка на губе. Боря, мальчик лет трех с половиной, играет на ковре с машинкой.

– Но чего же пугаться? – успокаивающе говорю я. – Маленькие дети быстро растут и так же быстро изменяются. Это закономерно.

– Понимаете, он всегда был такой спокойный, а тут вдруг стал капризничать на ровном месте, орать или, наоборот, дуться. И в садике тоже воспитатели заметили. Одна из них сказала сходить к врачу, а другая: «Ничего страшного, это кризис трех лет».

– Нет никакого кризиса трех лет, – сказала я. – Есть не установленные вовремя границы. Приведите пример, как выглядят его капризы?

– «Не хочу на лифте ехать, хочу пешком идти» (у нас третий этаж). – «Хорошо, пойдем». На втором этаже: «Хочу на лифте!» – «Хорошо, поедем». Приехали на свой этаж: «Я хотел кнопку нажать». – «Поздно, мы уже приехали». – «Поехали обратно!» – «Не идиотничай!» – «А-а-а! Ты плохая! Я вас всех убью и этот поганый лифт сломаю!» Вот так примерно.

– Это они, границы, – сказала я. – Обычное дело. Ему надо знать, как устроен мир, в который он попал. Вы даете не слишком четкую обратную связь: сначала равнодушно «ведетесь» на его явно неудобные для вас требования, а потом сразу, фазовым переходом: «Не идиотничай». Сейчас ваш сын просто испытывает вас: докуда все-таки я могу их «сделать»?

– Да нет же, в том-то и дело! – воскликнула молодая мать, и мне показалось, что в ее глазах блеснули слезы. – Если бы он что-то требовал и капризничал только, когда не дают, это понятно. Но он же и просто так может «завестись». Вот прямо на ровном месте сказать: «Я вас никого не люблю!» – и уйти. Потом, через полчаса, будет ластиться, прощения просить. А в воскресенье вообще сказал: «Я уйду жить к Максиму». Мы ему: «Кто такой Максим?» Ни родственников с таким именем нет, ни детей в детском саду. А он нам: «Вы его увидеть не можете, он только со мной разговаривает». Я свекрови рассказала, она говорит: это психическое, я точно знаю, с сыном знакомой также было... У меня прямо

сердце упало!

От истории с Максимом я тоже забеспокоилась.

– Когда же все это началось? И как – совсем резко, или поведение Бори менялось все-таки постепенно?

– Началось где-то недели две с половиной назад. И резко так: буквально вчера был нормальный, а сегодня уже всё...

– Что-то менялось, происходило в вашей жизни накануне? Переезды, болезни, травмы головы у ребенка, семейные скандалы, чей-то отъезд или приезд?

– Ничего, в том-то и дело! Нас и невропатолог спрашивал, и мы сами уж вспоминали-вспоминали... Все было как обычно.

– Ну тогда расскажите про «обычно». Из кого состоит ваша семья? Как устроен Борин день?

– Семья – это Боря, мы с мужем, свекровь, две кошки. Мы оба работаем, Боря в садике, уже второй год. Всегда ходил хорошо, не плакал, болел умеренно. Там, в садике, всегда помогал воспитательнице, ни с кем не дрался, играл и с девочками, и с мальчиками, очень любил все развивающие занятия, кроме танцев. А теперь даже лепить (самое любимое было дело!) недавно отказался, все занятие просидел один в углу, крутил какое-то колечко... Скажите, все плохо, да?

– Да погодите вы ярлыки-то вешать! – с досадой отмахнулась я. – Рассказывайте дальше. Что в семье? Какие у вас отношения со свекровью?

– Хорошие. Она мне, можно сказать, благодарна, что я ее сына «к рукам прибрала». Он был такой плейбой, после платного института, а теперь и дома с семьей часто бывает, и сыном гордится, много играет с ним... Я-то приезжая сама, у меня мама с папой и с братьями в Кирове...

– «Неравным браком» не пахнет?

– Нет, что вы! – улыбнулась женщина. – Наоборот, если мы с мужем ссоримся, свекровь всегда только на мою сторону встает. Говорит: боюсь, что ты моего балбеса бросишь, к своим в Киров уедешь, Борю забереешь, а мне тогда что? Хоть вешайся с тоски!

– Откровенно! – я улыбнулась в ответ. – Значит, никаких ссор, никакого напряжения не было?

– Абсолютно никаких. Это теперь мы вместе со свекровью по стенкам от страха бегаем.

– А муж, отец Бори?

– Да он на работе все время, ничего не видит, говорит: «Ребенок как ребенок, вы всё выдумываете!»

– Но вы ведь не выдумываете?

– Нет! – с отчаянием воскликнула женщина. – Уже две недели это другой ребенок.

Я расспрашивала мать Бори еще и еще. Туда-сюда листала медицинскую карту ребенка. Никаких родовых травм, никакой неврологии на первом году жизни. Развитие по возрасту. Поговорила с самим Борей – на вопросы отвечает неохотно, но это явно потому, что увлечен игрой с новыми машинками. Ответы самые обычные. Набрала в игрушечную кастрюльку воды, предложила игру в «бензоколонку» – охотно согласился.

Может быть, мать со свекровью все-таки все придумали, накручивая друг друга?

Вдруг Боря бросил все игрушки, подошел к матери и начал, тревожно оглядываясь, тянуть ее за руку: «Пошли, пошли отсюда!»

– Боря, что случилось? Мы не можем уйти, я разговариваю.

– Пошли! Уходи! Я уйду! – все повышая тон, заплакал Боря.

Мать вопросительно взглянула на меня.

– Не обращайтесь внимания, – велела я. – Посмотрим, что будет.

Боря с криком упал на ковер, потом, поскуливая, уполз под раковину и свернулся там в клубок.

– Все плохое, – мрачно заявил он оттуда, глядя в стенку.

– Вот видите, – трагическим шепотом сказала мать.

– Вижу. Но пока не понимаю... Может быть, что-то случилось в детском саду?

– Воспитательница говорит: ничего не было – ни ссор, ни драк, ни наказаний. Да его и наказывать-то не за что было – он всегда был тихий, спокойный, помощник. Но как проверишь?

– Никак...

Под раковиной нашлась еще одна, загнанная в дальний угол машинка.

– А где в ней бензин лить? – спокойно спросил меня вылезший Боря. – Вот здесь, в эту дырку?

«Все-таки неврология! – решила я. – Но откуда?»

– Есть одна возможность, – сказала я матери. – Это вообще не по моей части, но я знаю, что такое бывает. Скажите: перед тем как все это началось, Боря болел – гриппом, простудой, ОРВИ? Может быть, просто температура высокая была?

– Да нет, он все время в садик ходил.

– Вспоминайте.

– Да, было! – вспомнила мать. – У него сопли были, он куксился, и с субботы на воскресенье вроде температурка небольшая. Мы решили: болеет, дали лекарство, а в понедельник уже все было нормально...

- Вот! – сказала я. – За неимением лучшего берем эту гипотезу.
- А что это?
- Нейроинфекция. Вирус не особенно порезвился там, где ему обычно положено (Боря – здоровый мальчик с сильным иммунитетом), но прошел гематоэнцефалический барьер, – я ребром ладони показала, где этот барьер находится. – Отсюда все.
- Надо какие-то лекарства принимать?
- Не знаю точно, можно посоветоваться с врачом, но думаю, сейчас уже не надо. То, что мы наблюдаем, это уже последствия.
- А что же дальше?
- Если я права, само пройдет в течение месяца-полутора.
- Хоть бы вы были правы! – она сложила ладони, явно обращаясь к кому-то, чьи полномочия много шире моих.

* * *

Через пару месяцев Боря стал прежним тихим, дружелюбным мальчиком, любящим лепку и рисование.

А я рассказала эту историю читателям не просто так. При внезапном и алогичном изменении в поведении и даже как будто в личности маленького ребенка (от 2 до 6 лет) вот этот вариант развития событий обязательно надо учитывать. Если предшествующее вирусное заболевание было соматически тяжелым (с высокой температурой, выраженной интоксикацией и т. д.), то хороший врач-терапевт обычно легко связывает с ним изменение поведения ребенка. А вот если недомогание было едва заметным, как в случае с Борей, и к врачу даже не обращались, – тогда распознать причину будет труднее.

Емеля

Два раза они ко мне записывались, но не приходили. Это всегда что-то значит, но я об этом не думала. Не приходят – и ладно. Но на третий раз они все-таки пришли, и я даже слегка этому удивилась.

Мама ввела сына в кабинет за руку. Сын был ростом с меня и, пожалуй, потолще. Шаркал ногами. Губы у него были пухлые, глазки маленькие, волосы стрижены ежиком с челочкой, выражение лица... «Альтернативно одаренный. Ага», – политкорректно подумала я. И решила пока не спекулировать на тему точного диагноза. Скорее всего, органическое поражение головного мозга, но может быть и любой из десятков метаболических синдромов, которые я и по названиям-то не знаю. Многие из них сопровождаются той или иной степенью слабоумия. Мама сейчас все скажет, наверное.

– Как тебя зовут? – спросила я на пробу у самого мальчика.

– Емельян! – сразу ответил он каким-то странным, блеющим голоском.

– Ну надо же, какое чудесное редкое имя! – с фальшивым воодушевлением воскликнула я. – Емельян – это полное имя. А как же тебя в семье зовут? Ян? Янек?

– Нет, Емеля...

– Замечательно! Емелюшка... – еще шире заулыбалась я.

Если честно, я плохо умею работать с умственной отсталостью (должно быть, тут сказывается отсутствие специального дефектологического образования) – обычно я либо переоцениваю возможности таких ребят, либо, наоборот, впадаю в ненужное и раздражающее меня самую сюсюканье. Чаще всего я направляю такие семьи в наше отделение абилитации, где есть соответствующие специалисты. Но для абилитации Емельян категорически не подходил по возрасту (там занимаются с детьми до 4 лет).

– Сколько тебе лет, Емеля?

– Тринадцать, – писклявый детский голос резко дисгармонировал с физическими размерами мальчика.

– Что вас сейчас беспокоит? – спросила я, обращаясь к матери.

– Да так в общем ничего, – тихо сказала она. – Нас невропатолог к вам направил.

«Смирилась уже», – мысленно вздохнула я, взяла карточку, чтобы все-таки узнать из нее диагноз Емели, и сказала вслух:

– А по какому поводу направил-то?

– Со сверстниками он не общается совсем. В школе и вообще... Все со мной да со мной. Невропатолог сказал, это проблема.

«О! Так Емеля учится в школе! – приободрилась я. – И мама не предъявляет проблем с усвоением той программы, по которой он обучается. Значит, все не так уж плохо! Наверное, это наша 370 спецшкола... Интересно, в каком он классе?»

– Емеля, ты знаешь, в какой школе ты учишься?

– В 452-й школе, в седьмом «Б» классе.

Я медленно открыла и закрыла рот. 452-я – это обычная районная школа, кажется, даже с усиленным английским.

– А какие у тебя оценки?

– Четыре четверки, остальные пятерки.

Не глядя на мальчика, я судорожно листала толстую карточку. Начиная с самого начала. Гипотония мышц, кривошея, задержка развития речи, шумы в сердце, консультация эндокринолога, ангина, еще ангина, плоскостопие, занятия с логопедом, занятия лечебной физкультурой, операция по удалению миндалин, аппендицит... – все не то!

Постепенно понимала и впускала в себя удивительное: у Емели нет никакого слабоумия и вообще никаких существенных неврологических или тем более психиатрических диагнозов. А что же я тогда перед собой вижу?!

– Рассказывайте с самого начала, – велела я матери.

– Но что рассказывать-то? – как будто растерялась она.

– Беременность, роды, первый год жизни, состав семьи... Когда и как вам (не невропатологу, а вам!) впервые стало понятно, что что-то идет не так? Как и где обследовали, что делали, чем и как лечили?

Скажу честно: ее рассказ ничего для меня не прояснил. Живут вдвоем с сыном. С мужем в разводе уже больше десяти лет. Отец с Емелей практически не общается, только поздравляет с праздниками и дарит подарки на день рождения. Беременность и роды, в общем, нормальные, хотя плод был крупный. Первый год – плохо спал, много плакал, но ел всегда хорошо. Избыточный вес – тоже почти с самого начала. Говорить начал только после трех лет, но до этого все понимал и все показывал жестами. Всегда был неуклюж. Мать работала на дому и в детский сад ребенка не отдала – побоялась, что ему там будет плохо. Приглашала на дом логопеда, сама много с ним занималась, научилась делать массаж, разминала вялые мышцы, ходили на лечебную физкультуру. Два раза Емелю по полной обследовали в городском диагностическом центре –

ничего такого особенного никто из специалистов не нашел. Хотя предполагали разное («Еще бы!» – подумала я).

– Со школьной программой он, как я понимаю, всегда справлялся?

– Да, здесь разве что несамостоятельность его. Без меня за уроки нипочем не сядет. А когда я ему помогаю, он неплохо соображает и делает хоть и медленно, но правильно и аккуратно.

– А как сейчас у Емели с социальным функционированием?

– Да вот никак, – покачала головой мать. – В магазин хлеба купить – и то сам не пойдет: «Я боюсь!» Но по дому мне помогает, что скажу, то и сделает. Мыться до сих пор сам не умеет, хотя воду любит. В школу я его до сих пор провожаю и встречаю, мы потом с ним в магазин идем, или в поликлинику, или куда еще надо. Ни с кем из ребят за все годы в школе так и не сдружился, никуда сам не ходит...

– Может быть, они его дразнят?

– Когда-то дразнили, конечно, но у них в начальной школе хорошая учительница была, как-то она всё сглаживала. А сейчас все в классе привыкли уже и просто внимания не обращают...

– Так. Медики ничего не поняли и ничего не нашли. Но что им Емеля – перед ними много детей проходит. А вот у вас он – единственный сын. Вы-то сами что уже делали, чтобы приспособить его к миру?

– Я? Да так... ну, все рекомендации выполняла – врачей, логопеда, учителей. Разговаривала с ним всегда много, книги читала... Что же еще?

– Я имею в виду социальную жизнь. Вы же понимаете: у парня сохраненный интеллект, но вот закончит он таким школу, даже, допустим, институт, а дальше-то что? Так и будете за руку водить?

– Ну, значит, такой мой крест...

– Ну уж нет! – внезапно разозлилась я. – До ваших крестов мне, если честно, дела нет, а вот у Емели своя, отдельная жизнь, и она только начинается. А у него наверняка есть возможности адаптации... Будете водить его ко мне раз в неделю!

И еще я по какому-то внезапному наитию добавила:

– Вот, видите: я это и здесь в карточке для невропатолога пишу!

Обычно я никаких записей в карточках не делаю, но здесь как-то поняла: надо!

* * *

С Емелей мы работали так: вместе придумывали, и он аккуратно

записывал на листочке по пунктам план на неделю. Приблизительно так:

1)

Сходить одному в булочную и купить себе кексик, а маме – булочку с помадкой.

2) Вымыть себе голову.

3)

Спросить у соседки по парте, какие сериалы ей нравятся.

4)

Спросить на улице у молодого мужчины, как пройти на улицу Костюшко, и т. д., и т. п.

Через неделю Емеля приходил ко мне с этим листочком, на котором стояли плюсики или минусы. Мы все обсуждали, несделанное переносили на следующий листочек и дописывали новое. Прогресс был очевиден. К концу третьего месяца Емеля впервые в жизни пошел на классную (новогоднюю!) вечеринку и даже помогал девочкам двигать и накрывать столы (потом, правда, час простоял у стены, ни с кем не общаясь, а потом и вовсе позвонил маме и сбежал, но все же, все же...). Мне казалось, что даже голос у него стал ниже и выражение лица не такое дебильное. Но, может быть, это я просто привыкла и себя обманываю?

А вот с мамой контакт как-то не ладился, и я совершенно не понимала, в чем дело. Я всю нахваливала ей успехи ее сына, всячески втягивала ее в сотрудничество. Ну должна же она видеть, что парень явно становится более самостоятельным, и радоваться этому! Вот он уже и из школы стал сам домой приходить... Посоветовавшись с нашим врачом лечебной физкультуры, я предложила Емеле и его маме комплекс ежедневной гимнастики.

«Слушайте, Катерина Вадимовна, а что с ним вообще-то?» – посмотрев на Емелю и полистав его карточку, врач лечебной физкультуры вернула меня все к тому же вопросу...

– Улучшения явно есть, – сказала я матери. – Но наверняка можно действовать как-то эффективнее, если бы все-таки удалось понять... – С подачи коллеги я снова взглянула на внешность Емели свежим глазом. – А вы по трисомии 21 хромосомы его не исследовали? Там же, говорят, бывают какие-то частичные, очень мягкие варианты...

Какой реакции на свой вопрос я ожидала? Ну, вероятно, того, что она недоумевающе спросит: «А что такое эта трисомия?» или вздохнет: «Да там врачи на что только не исследовали! Я уж и не помню...»

Мать Емели, не сказав ни слова, упала в обморок. Самый что ни на есть классический, как в литературе про XVIII–XIX века. Я,

разумеется, сначала жутко испугалась, а потом у меня, как выразилась бы литература восточная, «словно молния прозрения озарила ночные небеса непонимания».

Я наконец-то всё поняла!

Когда мне удалось привести женщину в чувство, я, будучи совершенно уверенной в своей правоте, чтобы не тянуть кота за хвост, высказала свою догадку вслух:

– До Емели у вас был ребенок с синдромом Дауна. Он умер, но вы до сих пор по нему горюете.

Можно ли воспитать дауна из обычного, здорового малыша? Есть норма реакции – почему нет? Известно ведь много случаев, когда отец хотел мальчика, родилась девочка, и он воспитал из нее... Или наоборот: мать хотела девочку, а родился мальчик.

Бурные рыдания, практически истерика. Я горда собственной проницательностью, полагаю рыдания катарсисом и спокойно их переживаю.

– Всё не так! – отрываюшись, говорит мать Емели.

– Да? А как же тогда на самом деле? – растерянно и совершенно непрофессионально спрашиваю я.

* * *

Она была совсем молода. И ее муж тоже. Никому и в голову не пришло обследовать ее по поводу даун-синдрома. Когда родился ребенок, это было как гром среди ясного неба. В роддоме ей рассказали про синдром, сказали, что такие дети долго не живут, что можно отказаться от ребенка, что она еще молода и наверняка сможет потом родить здорового ребенка. Предложили посоветоваться с родными. Свекровь и муж пришли с серыми лицами и честно сказали, что к такому не готовы. «Сын – это должен быть сын, продолжение, помощник, а не что-то такое... Давай лучше еще раз попробуем, раз врачи говорят... И забудем». Они, молодая семья, жили в квартире свекрови, которая помогала им деньгами...

Женщина сдалась почти без боя. Сейчас это почему-то особенно ее мучает: «Если бы я тогда спорила, настаивала, в истерике билась... Но они меня даже не уговаривали почти, я сама согласилась».

Согласилась, но никому не простила. Ни свекрови, ни мужу, ни себе. Когда родился Емеля, в первый день увидела в личике новорожденного того, которого бросила когда-то. Чуть позже, когда умер ее отец,

практически сразу рассталась с мужем и переехала с Емелей в освободившуюся квартиру.

– Ну надо же, как бывает, – удивилась я, выслушав всю историю. – То есть вам, получается, по жизни-то нужен был как раз даун, чтобы за ручку водить и чтобы все время при вас улыбался.

– Но я же не понимала... Я думала...

– Ну конечно не понимали. Вопрос: что теперь делать. То есть что с Емелей делать – оно понятно: продолжать социализацию. А вот с вами...

– Мне, наверное, лучше всего отравиться.

– Ну это-то проще всего... – я небрежно махнула рукой. – А сколько сейчас лет тому, первому?

– Это была девочка. Семнадцать.

– Так она-то, может, еще жива вполне, – вдруг сообразила я. – Живет себе в каком-нибудь интернате... Или, наоборот, в Европе. Там, кстати, общению с кровными родителями по закону не препятствуют. А у вас теперь такой опыт делания даунов из подручного материала! Так ведь его же и обратно развернуть можно. И заодно Емелю отпустите...

У матери глаза засветились, как два фонарика... и тут же погасли:

– А если она умерла?

– Ну, умерла так умерла, будете хоть знать, на могилке поплачете. Плюс вы, пока ее ищете, навидаетесь еще интернатских даунов-то. Неужто не подберете себе по вкусу на воспитание?

Она поблагодарила и сразу ушла, не желая терять больше ни одной минуты и даже забыв попрощаться. А я очередной раз подумала: чего только не бывает на этом свете!

Еще о детских страхах, или Прозрачная рука из унитаза

Это было давно, в доинтернетную эпоху. Женщина, яркая голубоглазая брюнетка, вела себя как шпион на явке из немого кинофильма. Она оглядывалась, обводила взглядом мой небольшой кабинет, как будто чего-то опасалась. Глаза у нее бегали, руки комкали платок. Мне хотелось уверить ее, что за занавеской у меня никто не прячется, а дверь надежно заперта на задвижку. Но я, естественно, сдерживала себя, так как понимала, что она готовится к тому, чтобы сказать мне что-то важное и, несомненно, болезненное для нее.

– Вы понимаете, она до сих пор ходит на горшок! – выпалила наконец женщина. Лицо у нее при этом было трагическим.

Я несколько удивилась. Ко мне довольно часто приходят с тем, что ребенок, которому вроде бы уже положено, на горшок *не* ходит. С обратным случаем сталкиваться пока не приходилось. Мне сразу показалось, что проблема (в чем бы она ни состояла) не в отсутствующем в кабинете ребенке, а в самой женщине. И именно ей нужна помощь психолога или даже врача.

– А что же в этом плохого? – спросила я успокаивающим тоном. – Ну, ходит и ходит. На горшок же, не в штаны.

– Да ей же десять лет скоро исполнится!

– Гм-м... Да, действительно.

Это было странно, но никакой трагедии в происходящем я по-прежнему не видела и попыталась подбодрить мою посетительницу:

– В прошлом и вполне взрослые люди всегда имели горшок под кроватью. Он даже поэтически назывался «ночной вазой». Если вашей дочери до сих пор почему-то некомфортно ходить в унитаз, этому может быть множество вполне обычных причин. Может быть, она когда-то поскользнулась, упала, испугалась, больно ударилась, может, она просто моторно неловкая или у нее запоры, и ей удобнее сидеть не на унитазе, а рядом, на горшке...

– Рядом?! – вскричала женщина, так что я от неожиданности вздрогнула. – Да она вообще уже много лет отказывается входить в туалет! Своей комнаты у нее нет, и она делает это либо в нашей общей спальне, либо в гостиной. Все непременно должны выйти, иначе у нее не получится.

При этом у нее действительно бывают запоры, и дело может продолжаться полчаса. А у нас открытый дом, почти каждый день бывают гости. И еще иногда приезжает на пару недель моя сестра с сыном, которому скоро будет тринадцать...

– Э-э-э... – масштабы проблемы прояснились. – А почему обязательно в гостиной? Почему нельзя, например, в ванной или в кухне? Когда это началось? И как дело обстоит в других местах, не дома? Ведь ваша дочь учится в школе, наверняка куда-то ездит, ходит в гости...

– У нас совмещенный санузел, – сказала женщина. – А в кухне я сама запрещаю, чтоб не воняло, где еда. А то меня тошнит. Началось – где-то года в четыре или даже раньше. Постепенно. Мы как-то сначала внимания не обратили, а потом уже все закрепилось. Мы сначала уговаривали, объясняли, потом, было дело, стыдили, настаивали, она плакала, терпела по полдня, пряталась, писала в штаны. Вне дома как-то справляется, мы об этом ничего не знаем, проблем не возникало, но в школе и в гостях она, кажется, просто терпит, а в поездках легко может сбегать «в кустики». Пошли к врачам – нефролог, гастролог и невролог ничего не нашли, но в один голос сказали: не смейте издеваться над ребенком, пусть ходит на горшок! И вот теперь я думаю: кто у нас над кем издевается?

«Манипуляция, точно!» – решила я. Такой мамой сам бог велел поманипулировать. Пока непонятно, какая цель; может быть, девочка слегка отстает в развитии и просто привлекает к себе внимание?

– Я вас поняла. Теперь мне нужно поговорить с самой Надей, – сказала я матери.

Надя оказалась худенькой, белобрысенькой и очень похожей на мать чертами лица. Разговор с ней у меня решительно не получался.

– Да, боюсь в туалет ходить. Просто боюсь. Или не боюсь, просто не хочу. Давно. Не знаю. Дома. В школе – нет. Там я с девочками хожу. Да, там не боюсь. Или все равно боюсь, не знаю... – и дальше в том же духе.

Что мне оставалось? Я выяснила, что Надя третий год ходит в художественную школу. Значит, рисунки.

Рисовать Надя не отказывалась.

Семья. Непременные гости за овальным столом. Приехавшая тетя с кузенком – отличный талантливый рисунок, по словам матери, очень уловлено портретное сходство, мальчик – романтический красавец, кажется, девочка в него слегка влюблена. И посреди всего этого – примитивная манипуляция с горшком? Что-то тут не вяжется... План квартиры, интерьеры в проекции (явно учат в «художке») – спальня, гостиная, кухня... туалет! Отлично нарисованный унитаз, за ним почему-то

схема сливных труб, а над ним...

– Я его знаю!! – внезапно, в тон Надиной матери, завопила я. – Только он у нас в школе жил, в девчоночьем туалете на третьем этаже!

– Как это? – настороженно, склонив набок головку, спросила девочка.

– У нас в школе все верили, что он живет в одном из трех унитазов, – объяснила я. – Поэтому на тот унитаз нельзя было садиться. И всех девочек предупреждали. Потому что если нечаянно сесть, он мог схватить...

– А кто он был?!

– Да мы толком не знали. Но ему можно было приносить жертвы, задабривать его, понимаешь? Моя одноклассница однажды положила на стульчак яблоко и потом клялась, что сама видела, как оттуда высунулась прозрачная рука и яблоко утащила...

– А вы в это тогда верили? – жадно спросила Надя.

– Да не знаю. Вообще-то не очень. Но того унитаза на всякий случай избегала.

– Так вы чего думаете: у меня – тот же самый? – Надя пристально смотрела на свой собственный рисунок, на котором что-то такое неопределенное из унитаза застенчиво выглядывало.

– Ну, это я тебе не могу сказать, пока больше про него не узнаю, – пожала плечами я.

Через некоторое время мы выяснили, что Унитазник (надо же было его как-то назвать) – существо одинокое и в общем-то несчастное (ну а вы бы как себя чувствовали, живя в канализационных трубах и имея возможность выглянуть в «большой мир» только через унитаз?). Никаких особых зловредных планов он не вынашивал (да и не протиснется десятилетняя девочка через унитаз, если ее попробовать, к примеру, украсть!) – просто пугал и так по-идиотски пытался пообщаться. «У нас вот Игорю Кравчуку моя подруга Зина нравится, так он тоже у нее ранец крадет и подножки ставит», – провела очень верную аналогию Надя.

– А кто ж его научит? – неизвестно кого (Игоря или Унитазника) имея в виду, вздохнула я.

После того как барьер был сломан и Надя начала говорить, фантастическая личность и история жизни Унитазника каждый день обрастали удивительными подробностями. В моей школе, как и следовало ожидать, жил его двоюродный брат. А в чувствах девочки к нему превалировали жалость и сопереживание.

– В общем, у нас уже все проблемы решились, – бодро сообщила мама Нади на очередной встрече. Женщина перекрасилась в блондинку (каковой, наверное, и являлась на самом деле), завилась «мелким бесом» и теперь была похожа на героиню из советского фильма 30–50-х годов. – Из туалета дочку нынче не выгнать, словно она там решила за все годы отсидеться. Но она зачем-то хочет еще к вам прийти, что-то еще рассказать. Это ведь не нужно, как я понимаю? И даже странно! Она ведь у нас всегда была такая серенькая мышка, совершенно не стремилась на авансцену, общаться...

– А кто вы по профессии? – только теперь догадалась спросить я.

– Театральная актриса, – улыбнулась женщина. – И мой муж тоже...

– А! – только и сказала я, потому что мозаика наконец-то сложилась целиком. – Значит, артисты? «Открытый дом»? А дочь, значит, малообщительная «серенькая мышка»? А вот фигурки вам! Ваша дочь, унаследовавшая художественность родительских натур, блестяще сыграла свою собственную пьесу, на много лет подчинившую себе весь распорядок жизни семьи. И знаете ли вы, с кем она себя в ней ассоциировала? И где живет это ее альтер эго?

* * *

Уходя от меня в тот раз, мать утирала слезы аккуратным платочком. Кажется, на нем была вышитая монограмма...

Жертва насилия

– Может быть, вы меня вспомните. Хотя я к вам приходила довольно давно...

Несомненно, я ее уже видела. Но когда и по какому поводу она ко мне обращалась? Гладкая прическа с одним тщательно уложенным завитком. Строгий костюм мягко-серого цвета с юбкой до середины колена (которые мало кому идут, но ей – в самый раз), розовая неяркая помада, искорки сережек в ушах, в тон им – неширокое обручальное кольцо с небольшим бриллиантом. Почти извиняющийся тон. Почти...

– У меня двое детей – мальчик и девочка. Мне угрожал мой бывший муж...

Я сама ощутила, как невольно втянула голову в плечи. Вспомнила! Конечно, я ее вспомнила! Один из тех, увы, многочисленных случаев, когда я ничем не смогла помочь человеку, семье, детям, страдающим и явно нуждающимся в помощи. Господи, зачем же она снова пришла? Она же еще в прошлый раз должна была понять, что у меня нет для нее никаких дельных рецептов или советов. Или речь теперь идет о чем-то другом? У кого-то из детей возникла какая-нибудь частная проблема? Но к психологу, который ничем не смог помочь, редко обращаются повторно. Это просто нерационально, а женщина запомнилась мне умной, хотя и очень печальной.

Молча глядя на нее, я невольно вспоминала ее предыдущий визит.

* * *

Ее звали Каролина – никаких нерусских кровей, просто причуда родителей. Ее сыну тогда, кажется, было семь лет, а дочке – пять. Она водила их в кружки. Старшего – на шахматы и какую-то борьбу, а младшую – в подготовительную группу при музыкальной школе. У девочки были хороший слух и музыкальная память, она легко воспроизводила из телевизора эстрадные песенки. Дети были не совсем здоровы – тяжелый диатез и аллергия на множество продуктов у мальчика, астматический синдром у девочки. В детский сад их не отдавали. На следующий год мальчик должен был пойти в школу.

Ее муж и отец детей уже год жил отдельно, снимая квартиру

не слишком далеко от их бывшего семейного гнезда. У него была какая-то другая женщина, но он и тем отношениям не придавал особенного значения.

– Вы когда-нибудь видели, как кошка играет с полуживой мышью? – грустно улыбаясь, спросила Каролина.

– Сама не видела, – ответила я, – но много раз читала.

– Я бы тоже хотела об этом... читать... – сказала она со вздохом.

Каролина хорошо и прилежно училась в школе и в институте, но ничем особенно не увлекалась и никогда не мечтала о карьере. Уважала старших, вообще авторитеты. Всегда хотела иметь семью, детей. Считала себя не слишком красивой, старалась ухаживать за собой, искала свой стиль, чтобы «набрать очки». Избегала экзальтации, полагала излишнюю эмоциональность вульгарной. Всегда выглядела спокойной, положительной, немного загадочной (последнее уже было частью образа). Мальчишки, юноши, мужчины обращали на нее внимание, ухаживали. Она могла выбирать. Вышла замуж сразу после защиты диплома за молодого перспективного преподавателя, который почти сразу ушел из института в бизнес и преуспел в нем. С самого начала семейной жизни Каролина старалась быть образцовой женой, хозяйкой дома, а потом и матерью. Все прибрано, все продумано. Красивые интерьеры. Любимые блюда мужа к обеденному столу. Бифштекс обязательно с яичком – он так любит. Если муж обращал ее внимание на какие-то недочеты, она старалась их исправить – ведь он старше, опытнее, ему виднее. Когда родились дети – мальчик, а потом девочка, – Каролина оглядела свою жизнь и сказала себе: вот как у меня все хорошо получилось! Именно так, как я хотела: прекрасный дом, красивый успешный муж, замечательные мальчик и девочка... Но, будучи честной сама с собой, дальше она задала себе вопрос: а почему же почти нет радости? Ни о каких карьерных свершениях она по-прежнему не думала, мечта написать книгу или доехать на оленях до Северного полюса ее тоже не посещала. В чем же дело?

Каролина была последовательна и наблюдательна. Поставив себе аналитическую задачу, она довольно быстро поняла, что замечания мужа вовсе не преследуют цель улучшить что-то в почти идеальном семейном быту. Ему просто нравилась роль. Она играла в хозяйку, а он – в хозяина. Только правила игры они понимали по-разному.

Она почитала книги о психологии семейной жизни и попробовала поговорить с ним о своих чувствах.

Он сказал: «Да о чем ты вообще говоришь? Ты и дети – вы живете полностью на моем обеспечении, и при этом я должен все время играть

по твоим „японским“ правилам! В своем собственном доме я чувствую себя какой-то куклой! Еще и не могли сказать, если мне что-то не нравится?! Ты лучше меня не доводи, честное слово!»

Книжные советы как-то решительно не пошли впрок. Все становилось только хуже. Дети болели, Каролина изо всех сил старалась всё успевать и при этом не запускать дом и хорошо выглядеть. Муж шел в гору в своем бизнесе и одновременно становился все более придирчив дома. Разладилась сексуальная жизнь – он требовал экспериментов, Каролина же была достаточно пуритански воспитана и к тому же после двух родов подряд не совсем здорова по женской части. К обычному уже набору попреков добавилось: ну и что со всего этого толку, если ты своего мужика удовлетворить не можешь?

От природы сдержанная, Каролина никому (ни друзьям, ни родным) не могла рассказать о том, что происходит в ее «идеальном» доме, в который муж так любил приглашать гостей-коллег, зная, что все всегда будет «на высшем уровне». После ухода гостей муж любил подробно рассказать жене о только что ушедших коллегих-женщинах – какие они веселые, раскованные, любопытные к миру, творчески реализовавшие себя в работе (при этом и дети у них есть, и всё у детей со здоровьем в порядке).

Всему когда-то приходит конец. Однажды вечером, хорошо подготовившись и собравшись с духом, Каролина сказала мужу: «Я больше так жить не могу. Мало того, это все отражается на детях. Давай разведемся и будем жить отдельно».

– Ты меня что, из моего же собственного дома, на мои собственные деньги обустроенного, хочешь выгнать?! – картинно удивился муж. – Не дождешься! Можешь обращаться в суд. Я работаю, не пью, не курю, а ты никто и звать тебя никак. Я заплачу кому надо денег и докажу, что ты тайная алкоголичка и никогда не хотела работать. Детей оставят со мной, а ты тогда убирайся на все четыре стороны.

Однако предложение Каролины выглядело рациональным. Хорошенько обдумав слова жены, мужчина пришел к выводу, что не так уж она и неправа, и немедленно обустроил всё на своих условиях. Развода не было. Он живет отдельно, нанял себе «экономку», которая готовит и убирает, иногда у него несколько дней живет любовница, потом он ее отсылает. Приходит в бывшую семью, когда захочет, без предупреждения. Дает деньги на содержание жене и детям во вполне достаточном количестве (никто не сможет упрекнуть его в жадности), но каждый раз привозит их лично и не отказывает себе в возможности покуражиться: «Ну чего, ребята, вот папа вам опять денежки привез, теперь ваша мама сможет

вас в кино сводить, купить чего-нибудь. А вот случись чего с папкой, пойдете ведь на папёрть милостыню просить...»

– Что мне делать? – Каролина совсем чуть-чуть (избегая вульгарности) заломила тонкие пальцы. – Наверное, было бы проще, если бы он меня просто бил... Я подумала, может, психотерапия какая-то нужна?.. И вот пришла...

«Какая тут к черту психотерапия?! – подумала я. – Это же форменное насилие. Только вот его, в отличие от побоев, ни один суд не признает. И в милицию с ним не сунешься...»

Дальше мы говорили о чем-то таком, чуть ли не профориентационном. Я понимала, что это всё не то, не то! Но «того» нащупать так и не сумела. Каролина поблагодарила меня, стоически улыбаясь, и ушла в свой ежедневный кошмар, к детям, которые, конечно, «считывают» всё с матери и болеют, болеют...

Но зачем же она все-таки пришла теперь?

* * *

– Моя дочь хочет бросить музыкальную школу, в которой ее считают звездой, и заняться верховой ездой. И вот я пришла к вам посоветоваться. Но это только повод, и я отдаю себе в этом отчет, – Каролина улыбнулась знакомой сдержанной улыбкой. – На самом деле я пришла поблагодарить вас за ваш совет, данный мне тогда. Он мне очень помог.

– Но я ведь тогда не давала вам никаких советов. Тем более хороших! – искренне удивилась я.

– Это вам так кажется. Конечно, вы же не можете всё помнить. Вы сказали мне: «Надо найти ресурс, зацепиться за него, как за веревку, и попытаться вылезти из ямы, в которую попали, в жизнь. Ресурс – это то, что умеешь лучше, чем большинство других». Так вы сказали, и я запомнила...

«Ну да, я действительно могла сказать именно так, – подумала я. – Люди часто довольно диковинным образом оборачивают в своих мозгах то, что слышали от психолога. Но Каролина, похоже, запомнила все верно. И что же с того?»

– И что же с того? – спросила я вслух.

– Я проанализировала ваши слова и поняла: есть только одно, что я умею лучше других. Я отлично научилась быть тем, кем уже являлась. И достигла в этом практически виртуозности.

Я ничего не поняла, но постеснялась признаться. Ждала, что она расскажет дальше.

– Я перестала прятаться от людей и вышла в жизнь, как вы мне и велели. Немножко подрабатывала (я могу быть очень ответственным организатором и администратором любого проекта). Занялась благотворительностью. Я очень положительная – вы ведь, конечно, заметили? – я кивнула. – Вот и другие это заметили тоже. – Каролина улыбнулась с еле заметным (упаси боже от вульгарности!) торжеством. – Снова вышла замуж. Мой муж, он... я не хочу хвастаться, но мой бывший муж ему и в подметки не годится. Бывший супруг, конечно, сразу дал мне развод, и теперь, чтобы иметь возможность видеться с детьми, ему приходится вести себя очень корректно.

– Я рада, что у вас все так хорошо образовалось.

– Да. У нас очень хороший гостеприимный дом в центре Санкт-Петербурга. Дети почти не болеют. Я всегда рада видеть у нас детей моего нового мужа от первого брака и даже его бывшую жену – у нас с ней вполне цивилизованные отношения... Правда, я не знаю, может быть, это с ее голоса, но... – Каролина задумалась. – Недавно мой теперешний муж сказал: «Знаешь, когда я тебя полюбил, ты была такая несчастно-загадочная, тонкая и закрытая, как фарфоровая куколка, тебя хотелось спасти, защитить. А сейчас я сам некоторым (бывшей жене?) напоминаю куклу на веревочках...» Знаете, мой бывший муж тоже говорил про куклу... Может быть, вы дадите мне какой-нибудь совет?

«Боже мой! – подумала я. – Как странна все-таки бывает жизнь. И кто же на самом деле жертва в этой истории?»

– И вот насчет музыкальной школы, – деловито сменила тему Каролина. – Мне самой кажется нерациональным ее сейчас бросать...

Жизнь по вектору

Редкий случай, когда я не уверена не только в решении (это бывает часто), но и в самом существовании проблемы, в правильности ее формулировки. Но люди с этим идут ко мне, и с каждым годом всё чаще. Хотелось бы осмыслить: что, собственно, происходит?

Случай первый

– Мы были у вас, когда дочке исполнилось 13 лет. У нее тогда как-то резко начались все эти подростковые дела, она стала курить, прогуливать школу, я просто по потолку бегала. Нас уже почти из школы попросили, а школа-то была математическая, всего пять девочек в классе, а у нее способности, она на городской олимпиаде дипломы получала. Вы тогда нам очень помогли – меня успокоили, с ней два или три раза поговорили, я перестала все время орать, она по вашей наводке пошла в клуб юных журналистов, стала не то чтобы мягче, но конструктивней, мы смогли как-то общаться. Наверное, вы помните?.. Теперь моя дочь уже выросла, но вот я опять не понимаю... Не знаю, могу ли я теперь к вам обратиться...

– Слушаю вас, – сказала я. Разумеется, я ничего такого не помнила. – Сколько лет сейчас вашей дочери?

– Двадцать два. Она учится на четвертом курсе педагогического института, правда, в школе работать вроде бы не собирается, там у них с языками можно устроиться, где больше денег платят. Еще она занимается в студенческом театре (больших ролей у нее там никогда не было, но это ради тусовки), крутит такие мисочки с огнем, знаете, они файерболы называются, шьет и вышивает крестиком средневековые платья, ходит на яхте, играет в какую-то длинную ролевую игру...

– Я поняла. Девушка живет наполненной всякими сложными событиями и увлечениями жизнью. А что же вас-то в этом не устраивает? То, что она мало бывает дома, с вами?

– Да она дома практически вообще не бывает! А если и бывает, то разговаривает по телефону – договаривается с кем-то о следующем мероприятии. Или сидит в компьютере и пишет о том же.

– И что же с того? – по-прежнему недоумевала я. – Она молода, активна, широкий круг общения в таком возрасте – это абсолютно

естественно...

– Мне все время кажется, что в этом что-то не так, – пожаловалась женщина. – У нее круги под глазами, и люди вокруг все время меняются. Я спрашиваю ее: «Ты куда сейчас?» Она отвечает: «Туда-то, мама, мне некогда, скорее, скорее!..» И глаза блестят, как в лихорадке. Я спрашиваю: «А зачем тебе туда? Может, отдохнешь немного?» Она обычно-то огрызается, а тут вот как-то присела на минутку в кухне и говорит: «Не знаю, мама. Правда не знаю. Но надо же что-то делать!» – и взгляд такой, прямо опустошенный, я бы сказала... Вот я хочу вас спросить: может, я могу ей чем-то помочь?

Я задумалась. Ну что я могу сказать, не видя саму девушку и не помня ее? Но ведь не отпускать же так просто маму, которая так тревожится за свою дочь...

– Если у вашей девочки математический склад ума, скажите ей вот что: в геометрическом смысле жизнь – не совокупность отрезков. Жизнь состоит из векторов (отрезок со стрелочкой, помните?). Пусть попробует определить направление, хотя бы на какой-то кусок, и оставить только то, что туда укладывается. Со временем можно нарисовать другой вектор.

– Я не уверена, что поняла вас, – с сомнением сказала моя посетительница, – но дочка вас помнит, и я ей обязательно передам.

Случай второй

Девушка была невысокой и очень симпатичной, с ярким и теплым румянцем. Звали ее Мариной.

– Вы решили не брать с собой ребенка?

– У меня, знаете, пока нет детей. Но я все равно к вам пришла. Вдруг вы мне объясните... Понимаете, я закончила институт два года назад. Работаю в довольно крупной компании, неплохо зарабатываю.

– По специальности?

– Можно сказать, что да. Наш отдел продвигает на рынок жевательную резинку.

Я промолчала, но девушка, кажется, всё прочла на моем лице и мысленно со мной согласилась.

– И вот моя семья, мои школьные друзья считают, что у меня все хорошо, что я добилась, и у меня есть перспективы. Но я так не чувствую! Я не знаю, что мне делать дальше.

– А из чего выбираем? И что вы уже пробовали?

– Я понимаю, что у человека должно быть хобби.

Я училась валять из шерсти. Еще съездила в Турцию, в Норвегию, в тур по европейским странам. Еще принимала участие в международном молодежном движении...

– А что оно, это движение, делает?

– Они делают проекты.

– Как это?

– Ну вот собирается группа членов и вместе делают проект.

– А в чем он состоит?

– Там могут быть разные направления – экологическое, про толерантность, еще что-то... Но в целом надо собрать людей и чтобы они что-нибудь сделали вместе...

– Вы ушли из этого движения?

– В общем-то да, хотя сначала очень увлеклась. Но потом я как-то перестала понимать, зачем я все это делаю.

– А что же в планах?

– Можно попробовать стать дизайнером, закончить курсы, мне всегда это нравилось на самом деле. Или попытаться поехать за границу еще поучиться – есть реальный шанс, только надо правильно документы оформить. А еще я думала: может, мне поучиться верховой езде? Я в детстве очень лошадей любила, но как-то не склеилось. А еще на гитаре играть люблю и петь и даже стихи немного сочиняю...

– Все это возможно, и каждое по-своему интересно...

– Именно! – воскликнула моя посетительница. – И еще сто разных возможностей, и все они какие-то... равноположенные. Я не знаю, что мне выбрать, на что ориентироваться. И потому сижу и ничего не делаю. И очень не люблю себя за это.

– А ваши друзья, подруги...

– Они говорят, что я просто дурью маюсь, но я на самом деле вижу, что у многих из них та же проблема. Просто я не люблю по пять часов в кафе сидеть и по ночам в инете. А еще меня не очень-то радует делать карьеру и все эффективнее продвигать эту жвачку или что-то ей подобное.

Ухоженное, «офисное» личико моей посетительницы вдруг преобразилось, и на меня смотрел уже яростный, ни с чем не согласный подросток. От этого она стала мне еще симпатичнее.

– Не могу сказать со всей определенностью, но тут, мне кажется, получился разрыв шаблона, – начала я. – Понимаете, еще сто лет назад дворянские девушки с удовольствием (или без того) тоже учились рисовать акварельки, вышивать гладью, танцевать, ездить на лошади, петь,

играть на фортепиано, принимать гостей... А девушки крестьянские – шить, печь хлеб, вышивать крестиком, водить хороводы, доить коров, прясть, петь, плести кружева... Но все они очень неплохо знали, зачем они всему этому учатся.

– Чтобы повыгодней выйти замуж и потом вести свое хозяйство, – моментально подхватила моя собеседница.

– Именно. А теперь обучение осталось, возможности и разнообразие умножились многократно, а смысл как-то оторвался и воспарил...

– Плюнуть на все и искать мужа? – усмехнулась Марина. – Я уже думала об этом.

– Поможет?

– Не знаю. У них ведь тоже, как вы говорите, все шаблоны разорвались. А что же делать?

– Попробуйте поставить нужную вам, желанную точку за пределами нынешнего этапа, как это делала девушка сто лет назад. И провести туда стрелочку от сегодня. Что на нее попадает?

Марина перестала усмехаться, задумалась.

– Жвачка не попадает точно. Ребенок, лучше два или три, – попадает. И еще... как странно... Но я буду думать об этом. И я, пожалуй, пойду. Спасибо!..

Заселить московский дворик

Большую зеленую папку с веревочными завязками они поставили между стульями. Я сразу догадалась, что там рисунки юноши (что же еще?), и душою потянулась к ней. Я в общем-то не очень люблю детские рисунки, хотя за много лет практики научилась их неплохо «читать». Обычно их восприятию мешает то, что родители ждут моего умиления, а сами дети – непременно похвал. Но рисунки подростков почти всегда интересны сами по себе, как разговор с миром просыпающейся и оглядывающейся по сторонам души.

Папку мне не дали. Сам юноша, с оригинальным для наших северных краев именем Тарас, угрюмо смотрел в пол, а его мать, представившаяся Натальей, протянула мне пухлую стопку каких-то медицинских документов со словами:

– Наверное, нет такого диагноза, который нам когда-нибудь кто-нибудь не поставил бы...

– И вода в колене? – с любопытством спросила я, вспомнив любимого Джерома К. Джерома. – Но ведь не родильная горячка?!

Женщина улыбнулась грустно и понимающе (читала Джерома):

– Неврологический куст с заходом в психиатрию.

– Что ж, рассказывайте по порядку, – вздохнула я, убрав с лица улыбку.

Тарасу семнадцать. Соматически он здоров и редко болеет даже насморком. Более того, он вполне благополучно учится в десятом классе обычной районной школы. Учится на тройки, четверки и пятерки – всего приблизительно поровну. Довольно прилежно выполняет домашние задания, не хамит учителям и родителям, не зависает в компьютере, не курит и, кажется, еще ни разу не напился. Учился в детской художественной школе. Сейчас посещает частную художественную студию для взрослых, в которой не пропускает ни одного занятия.

Но при всем при этом в семнадцатилетней жизни Тараса не было такого периода, про который родители и/или специалисты могли бы сказать: с мальчиком все в порядке.

Первый год жизни он почти непрерывно кричал. Даже самые тщательные обследования не выявляли никакой патологии. В конце концов невролог сказал, что, наверное, у младенца болит голова, потому что на короткое время его успокаивал банальный цитрамон, который пила от головной боли (и как-то от отчаяния дала внуку) бабушка. Уже тогда

выявилась странность: большинство орущих младенцев успокаиваются на руках у близких, но вопящий Тарас часто просто отталкивал протянутые к нему руки взрослых.

В дальнейшем ребенок категорически отказывался общаться с любыми детьми, а с окружающими его взрослыми (в семье, а потом и в детском саду) до четырех лет общался с помощью жестов. Причем все это развивалось как-то волнообразно, и семья никак не могла приспособиться к происходящему или уж смириться с ним. Одно время Тарас с испуганным криком убегал в никуда от подходящих к нему на площадке детей, и его приходилось вылавливать по всему кварталу. Потом вдруг сделался агрессивным: начал кидаться с кулаками чуть ли не на каждого ребенка, который заговорил с ним или протянул руку к его игрушке. Потом так же внезапно агрессия прошла, и дети просто перестали его интересовать. Он уже не пугался и не агрессивировал, а просто игнорировал их. К трем годам он не обнаруживал никаких признаков речи, даже «мама», «папа» и «дай». Но однажды на кухне, в присутствии трех членов семьи, в ответ на обращенный к нему вопрос (специалисты велели, несмотря ни на что, много разговаривать с ребенком и задавать ему вопросы), он вполне отчетливо сказал: «Я, пожалуй, буду гречневую кашу».

Никакие попытки ошеломленных родственников продлить словесный контакт к успеху не привели. Тарас продолжил объясняться жестами. Невролог сказал: «Вам показалось». Но Наталья и сейчас уверена: не могло показаться одно и то же трем людям одновременно!

После четырех лет внезапно, в течение приблизительно двух месяцев, появилась фразовая речь. Все выдохнули с облегчением. Но не тут-то было! Оказавшись в детском саду, Тарас опять замолчал. Коммуницировал (теперь уже и с детьми, и с воспитателями) привычными скудными жестами. Но иногда в одиночестве, словно в качестве издевательства над близкими, с хорошим произношением напевал себе под нос эстрадные песенки, услышанные по радио или на детских садиковских утренниках.

Специалисты на каждое ухудшение говорили: «Вот видите, это такой-то процесс!» (Названия процессов каждый раз менялись.) А на каждое улучшение – «Вот видите, лекарства (массаж, электрофорез, гомеопатия, остеопатия и т. п.) помогли!»

Кроме рядовых энцефалопатий и минимальных мозговых дисфункций, звучали грозные или непонятные диагнозы: ранняя детская шизофрения, аутизм, синдром того и этого, нарушения процессов миелинизации нервных волокон... Семья металась между надеждой и отчаянием.

– Я хотела несколько детей, – говорит Наталья. – Но мы так

и не решились. Ждали, пока с Тарасом хоть что-нибудь прояснится. Ведь некоторые врачи намекали: может быть, что-то генетическое, наследственное... Но оно так и не прояснилось, а наше время ушло.

К семи годам Тарас хотя и неохотно, но вполне внятно говорил. Научился читать. Охотно лепил и рисовал. Режимные требования со скрипом, но выполнял. С детьми по-прежнему по своей воле не общался. Со взрослыми – в случае жесткой необходимости. «Наверное, надо его в какую-нибудь специальную школу?..» – робко предположила Наталья. «А зачем это? – пожала плечами воспитательница. – Ему разве лучше будет, если вокруг будут всякие дефективные ходить? Он от этого нормальнее станет? Идите для начала в обычную. Выгонят – тогда и думать будете».

В обычную дворовую школу Тарас вписался на удивление удачно. Легко высиживал уроки. Выполнял задания. Не общался с одноклассниками и отказывался отвечать у доски, но это никого особо не волновало – учительница и дети быстро привыкли и не настаивали: мало ли у кого какие странности, он ведь другим не мешает...

К окончанию начальной школы учительница сказала Наталье:

– Смотрите, у него все тетрадки, все листки изрисованы. Странновато, конечно, но ведь есть и вполне интересное. Отдали бы вы его в какой-нибудь рисовальный кружок, что ли.

Эта незамысловатая фраза определила многое, ибо именно в художественной школе Тарас впервые в жизни начал задавать вопросы – преподавателю – и едва ли не впервые – улыбаться. Рассказывать, как обрадовалась семья, я не буду. Только через два года преподаватель уволился и уехал. Тарас снова перестал разговаривать, а потом и вовсе лег на кровать лицом к стене и отказался вставать.

– Что ж, это она, шизофрения, – хором вздохнули специалисты.

Из психиатрической больницы, зеленый и колеблемый ветром, Тарас вернулся в школу. Учился, разговаривал – сквозь стиснутые зубы. Таблетки прятал за щекой и выплевывал в унитаз. Родители подсмотрели, но не сопротивлялись – почему-то им показалось, что так и надо. Через два месяца мальчик начал рисовать.

– Дайте уже папку! – взывала я.

Все рисунки Тараса были так или иначе похожи на картину Ван Гога «Звездное небо» и прочие из этой же серии. Я отложила один – у меня не было времени взглянуть и понять, почему я выбрала именно его.

– Что сейчас? – спросила я.

– Конец школы. Надо как-то выбрать профессию, выходить в жизнь.

Но он же ни с кем по-прежнему не общается. Никуда, кроме школы и студии, не ходит. На наши вопросы не отвечает. Выйдет из школы и сядет дома? Мы не знаем уже, к кому и что...

– Вам страшно? Вы устали за эти годы?

– Бесконечно...

– В следующий раз я буду говорить с самим Тарасом.

* * *

Это было самонадеянно. Ибо говорить с Тарасом не получалось категорически. Говорила я, Тарас молчал. Рисунок, который я в прошлый раз выпросила у Натальи (Тарас никак на это не отреагировал), лежал передо мной на столе.

Молчание его не было равнодушным. В нем было напряжение, и это давало хоть какую-то надежду.

– В твоём мире нет людей. Я не знаю, почему так. Я не медик и не разбираюсь в диагнозах. Но это следует изменить. Заселить людьми, как другую планету, которую нужно колонизировать. Ты читаешь фантастику?

Отрицательное покачивание головой. Не читает? Или не любит? Но хоть какой-то контакт...

Рассказываю про свои отношения с фантастикой в отрочестве. Про жизнь писателя Ефремова («По стилю – ты мог бы иллюстрировать его романы»), про «Еврокон» – тусовку фанатов фантастики, про свою встречу с Гарри Гаррисоном. Как будто слушает. И вдруг:

– А если там уже кто-то живет? На той планете, которую колонизировать.

Бросил мяч. Словила! Отказывается. Но не от контакта – от фантастики. Причудливости хватает в его собственном, деформированном каким-то изначальным биохимическим нарушением мире.

– Конечно, живет. Другие. Не будем колонизировать, оставим исследовательскую группу, без задачи завоевания.

Нужно что-то посюстороннее. Но что? Единственная его реальная зацепка в этом мире – живопись... О! Есть!

– Ты знаешь художника Поленова?

Если бы он был собакой, то вопросительно поднял бы ухо.

– Сейчас объясню, – заторопилась я. – Он, этот Поленов, нарисовал

две картины под названием «Московский дворик» – они обе есть в музее, их можно увидеть. И вот на одной картине все такое уютненькое: церковка, травка, колоколенка, домики, – но нет людей. Вообще нет живых существ. А потом он подумал (или ему подсказали?): «А что, если оживить?» И появились мальчик, женщина с коромыслом, лошадка, гуси, собачка, может, еще кто-то, я не помню. И это стал совсем другой мир! Он живет, звучит и пахнет. Ты увидишь. Найди эти две картины, посмотри и приходи снова.

Он пришел, посмотрел прямо на меня (сторонников диагноза «аутизм» это всегда смущало – Тарас легко и охотно устанавливал визуальный контакт) и спросил:

– Как?

– Будем брать по одному персонажу, изучать подробно и вписывать. У тебя есть двор?

– Да, колодец, мы живем в центре.

– Отлично, очень колоритно. С кого начнем?

– С вороны. Я ее давно знаю.

– Ну, с вороны так с вороны, – согласилась я. – Но потом все равно перейдем к людям. Это же у нас не зоопарк!

* * *

Хотите душераздирающей романтики? Конечно, хотите, кто ж ее не хочет...

Я бы и сама не узнала, но мне рассказала Наталья.

Тарас, как мы и договорились, изучал людей. И рисовал, конечно.

У окна, прямо напротив их окон (напоминаю, это петербургский двор-колодец), часто сидела девушка с печальным лицом. Он, естественно, нарисовал ее портрет: окно, она, банка соленых огурцов и чахлый цветок алоэ. Наталья расплакалась и сказала: «Это потрясающе. Ты должен подарить этот портрет ей». Тарас, как всегда, промолчал.

А потом однажды Наталья увидела его во дворе. Он вез инвалидную коляску, а в коляске сидела девушка из окна и прижимала к себе деревянный складной мольберт.

– Я умру, если ты не скажешь, – сказала ему вечером мать.

– Ее зовут Вера, она живет в 47 квартире, ей двадцать лет, – тоном работника отдела кадров отчитался Тарас. – Она не может ходить. Она тоже любит рисовать. Я отвез ее в лавру. Она там сделала эскизы... Да. Вере

очень понравился ее портрет. Она передает тебе спасибо за то, что ты меня надоумила подарить его ей.

Я вытащила из-под бумажек давний рисунок Тараса и ткнула пальцем в ван-гоговские завитки небесно-космических вихрей.

– Я эмбриолог в прошлом, – сказала я Наталье. – А иначе бы нипочем не догадалась. Смотрите сюда: вот здесь, внутри завитков, кто это?

– Младенчики в утробе! – ахнула, приглядевшись, Наталья и прижала ладони к щекам. – Что ж это?..

– Не знаю. Может быть, братья и сестры, о которых он всегда мечтал, как и вы, Наталья?

– Я подумаю, – помолчав, сказала женщина. – С Тарасом в последнее время стало легче. И, в конце концов, по нынешним временам не так уж и поздно...

«Иакова я возлюбил»

Девочка была низенькая, полная, коротконогая, с прямыми темными волосами, открытым, но низким лбом и маленькими красноватыми глазками, которые ее недоброжелатель непременно сравнил бы со свинячьими. Улыбка у нее была добрая, но зубы явно плохие.

– У меня есть сестра, старше меня на два с половиной года, – сказала моя посетительница, представившаяся Машей. – Ее зовут Таня. Вот ее фотография.

Уже почти обо всем догадавшись, я хотела было отказаться от фотографии Тани, пробормотав что-то вроде: ко мне пришла ты, давай о тебе и поговорим, что мне до Тани... – но Маша буквально всунула ее мне в руки.

Я, естественно, посмотрела. И вопросов у меня практически не осталось – Таня оказалась высокой стройной красавицей с огромными фиалковыми глазами и пепельными локонами. Бедная Маша... Но, может быть, эта Таня все-таки глупа? (Должна же быть в мире хоть какая-то справедливость!..)

– Таня всегда хорошо училась, – развеяла мои предположения Маша. – Не отличница, нет. Она на этом не циклится, у нее всегда было много других увлечений. Ей просто все легко дается. Взглянет один раз на параграф на перемене перед уроком – и готово. зубрилка в нашей семье – это я. Меня еще первая учительница научила, сказала: у тебя, Маша, все получится, но придется задницей брать. С тех пор и зубрю... У меня троек почти нет, но вот задачи по физике, химии и алгебре... если бы Таня мне по сто раз не объясняла, не знаю, как бы я вывернулась...

Рассказчиком Маша оказалась прекрасным, язык ее для четырнадцатилетней девочки был очень образен и богат (я даже предположила, что вся история сестер много раз проговорена ею про себя). У меня на душе скребли кошки, я мысленно отпускала весьма нелестные эпитеты в адрес родителей.

Таня родилась прелестным эльфом. Когда она оказалась еще и носителем ранней детской одаренности (в два года декламировала детские стишки, в пять – охотно и с выражением читала вслух сказки младшей сестре), родители и все родственники просто обомлели и не вышли из этого обомления до сих пор. Рождение некрасивой, не очень здоровой тугодумки Маши в семье все воспринимали чуть ли

не как закономерность (ну не может же быть в одной семье два таких ребенка, как Таня!). Отец ласково звал Машу «Чернавкой». Скорее всего, само наличие Маши спасло Таню от явно угрожавшей ей звездной болезни. Старшей постоянно напоминали: ты звезда, мы тобой гордимся и восхищаемся, но младшая не может, не умеет, ее надо ждать, лечить, учитывать то, что она не может так же ловко двигаться и соображать так же быстро, как ты...

Таня всегда учитывала. Ждала и помогала залезть. Отдавала игрушки и сладости, которые ей дарили в избытке. С игрушками она почти не играла, предпочитая книжки, телевизор, а потом и Интернет, а сладости просто не любила. Маша лопала за двоих и всегда была пышкой, но родители и не думали ее ограничивать – должны же быть у этого «неудачного» по сравнению с великолепной Таней ребенка хоть какие-то радости. Обладающая безупречным вкусом, с детства занимавшаяся балльными танцами, старшая охотно делилась бы с младшей сестрой и своими красивыми нарядами, но это было невозможно – уже лет с восьми Маша просто не влезала в платья и брючки длинненькой и худенькой Тани.

Каждое лето девочек на месяц отправляли в лагерь. Тане там очень нравилось, Маше – нет. Маша малообщительна, но в лагере с ней все (и девочки, а потом особенно мальчики) заигрывали и как будто хотели дружить. Конечно, только для того, чтобы подобраться поближе к Тане.

– И как же ты ко всему этому относишься? Был ли хоть кто-нибудь, с кем ты могла поговорить?

– Нормально, – пожимает толстыми плечами Маша. – Поговорить?.. Да, я один раз говорила. У нас есть друг семьи. Он с юности в нашу маму влюблен, это все знают. И часто к нам приходит...

– А папа?

– Папа говорит: «Он здоровский, хорошо, что он есть! Если со мной что-то случится, я наверняка знаю, что мои девочки не пропадут...» И вот мы с ним говорили. Он сказал: «У каждого человека есть свой талант. Ты должна найти то, что у тебя получается лучше Тани».

– И ты?..

– Я искала. Пробовала из бисера плести. У Тани на образцы терпения не хватает, но все равно она узоры придумывает лучше меня. Больше как-то ничего не нашлось...

– И все?

– Еще прабабушка меня всегда жалеет. Она говорит: все проходит...

– Прямо не прабабушка, а Соломон!

– Да, она мне много историй из жизни рассказывает. Когда-то она

много лет любила одного человека, но он не мог на ней жениться. Она страдала, ночами не спала, писала ему письма. А теперь, она говорит, так странно: он, наверное, умер уже, а она даже об этом не знает и почти не помнит его лица. Все проходит... Я спрашивала: что мне делать сейчас? Она сказала: «Может, молиться?» Я пошла в церковь, крестилась (все очень удивились, у нас все атеисты), а потом прочитала, что у Бога всё так же, как у нас. Помните историю Иакова и Исава: «Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел...»?

– Господи...

– Да что мы всё обо мне да обо мне? – неожиданно встряхнулась Маша. – Я же насчет Тани к вам пришла!

– ?!

– Ей очень плохо. Она давно уже по ночам совсем не спит, сидит у компьютера или просто так и зубами скрипит. И говорит, что ни на чем сосредоточиться не может...

Я встревожилась. Ребенок с ранней детской одаренностью (которая начисто исчезает при взрослении в 9 случаях из 10), едва ли не с рождения возведен на пьедестал, фокус каких-то неопределенных надежд семьи, все ждут от него каких-то свершений и какой-то необыкновенно счастливой судьбы... Это не просто группа риска, это почти неизбежный слом.

– А когда с ней это началось? И почему вы не пришли вместе?

– Она не пойдет никуда, в том-то и дело! У нее же всегда все хорошо, она никому ничего не говорит, но я-то вижу... Она и мне запретила говорить и идти. Мне кажется, она просто не знает, что ей дальше делать, у нее же 11-й класс, от нее все чего-то необыкновенного ждут, а она ничего такого не знает и не чувствует. Никто ей ничего не советует даже, это про меня все говорят, что Маше, зануде, надо бухгалтером быть или нотариусом, если никто замуж не возьмет. Всегда себе на кусок хлеба с маслом работает...

– Родителей ко мне! – завопила я. Маша от неожиданности даже подпрыгнула на стуле.

– Нет, я не могу. Я Тане обещала... Она не хочет... И я не хочу! Вы должны пообещать, иначе – нет...

– Хорошо, я им не скажу.

– А что же вы тогда им скажете?

– Я буду им врать! – честно ответила я.

– Вы всё перепутали, – сказала я им, похожим друг на друга (как и большинство пар, состоящих в долгом удачном браке). – Возложили на бабочку-Таню (детская одаренность – это почти всегда бабочка-поденка: покружилась и к сумеркам умерла) непомерную ответственность, а настоящего таланта в своей семье вообще не заметили.

– Это какого же таланта? – мужчина и женщина одинаково нахмурили лбы.

– Ваша «Чернавка»-Маша – одаренный писатель, пишущий уже много лет. Она принесла мне свою последнюю повесть, я почитала. Для 14 лет это замечательно – поверьте, я сама пишу книги и знаю, о чем говорю.

– Но почему же мы ничего никогда...

– Нет, ну я видел, что она маленькая всё писала чего-то, думал, это просто так, упражнения в тетрадке... а сейчас же у них всё в компьютере... Так отчего же она нам не?..

– А вы спрашивали, интересовались?

– Нет, если честно, нет. А о чем повесть?

– Повесть историческая. И о любви вашей прабабушки.

– О Господи! Это же действительно потрясающая история! Он был известным архитектором, лауреатом Сталинской премии...

– Маша запретила мне вам говорить, понятно?

– Понятно.

– И постарайтесь быть помягче с Таней, чтобы для нее все это не было как с небес на землю. Советуйте ей побольше всего, жалейте, как раньше Машу жалели. Для таких, как она, самое трудное – из необыкновенного ребенка стать обыкновенным взрослым. Она же не виновата в ваших педагогических ошибках! Ясно?

– Ясно! – отозвались они.

* * *

– Почему все взрослые никогда слова не держат? – спросила меня Маша. – Они же вам обещали, а теперь меня достали уже: когда дам почитать? А я еще только половину написала...

– Как это все не держат?! – возмутилась я. – А я как же? Я ведь держу. Вот тебе прошлый кусок. Я уж его как следует отредактировала, ты не сердись.

– Да я не сержусь, что вы! У вас классно получается, вроде и я писала, и не я...

– Как Таня?

– Ой, спасибо, ей намного лучше стало! Они с мамой поговорили, и она теперь хочет на гостиничный бизнес учиться, чтобы потом у нее своя гостиница была где-нибудь на море, чтобы разные люди приезжали... Мы с ней уже всё придумали, даже какие скатерти в ресторане будут. И только представьте себе: Таня тоже поверила, что я писатель!

– Даже я уже поверила! – рассмеялась я. – А со следующего года пойдешь в ЛИТО (я тебе дам рекомендацию) и сама поверишь, способности-то у тебя явно есть...

Как я была Дедом Морозом

Хотелось к Новому году вспомнить (или хоть придумать, что ли) какую-нибудь рождественскую историю из своей практики, что-нибудь яркое, веселое, рассыпающееся искрами, как бенгальский огонь. Яркого не получилось, не обессудьте – что нашлось. Но новогодняя тематика в истории все же имеется.

* * *

– Вы не представляете себе, как я хотела ребенка! – патетически воскликнула женщина и сжала перед грудью кисть одной руки кистью другой.

– Почему же не представляю... – слабо возразила я. – Может быть, все-таки как-нибудь...

– Нет! Не представляете! – утвердила она. – Когда он родился, я иногда просто плакала от счастья над его колыбелькой! Вот он уснет, а я сижу, смотрю на него, и слезы сами текут...

«Интересное проявление материнского счастья, – подумала я, листая внушительной толщины карточку ее десятилетнего сына. – Но, кажется, я читала о таком где-то в классической литературе».

Вновь взглянув на женщину, я обнаружила, что по ее лицу действительно текут обильные слезы. Колыбельки с ребенком в моем кабинете не было, поэтому я сочла уместным спросить:

– Что с вами?

– Вот, взгляните! – она достала из сумочки и протянула мне обычный почтовый конверт. На конверте была нарисована елочка.

– Что это? – удивилась я.

– Это письмо, которое мой Кира неделю назад написал Деду Морозу.

– Я всегда подозревала, что родители перехватывают его почту! – лицемерно вздохнула я и развернула письмо.

Оно было на удивление коротким, всего из одной строчки.

«Дедушка Мороз, если ты все-таки есть, сделай так, чтобы они все от меня отстали. С уважением, Кругликов Кирилл».

– Нда-а, – неопределенно протянула я. – Ну что ж, рассказывайте с самого начала.

Долгожданный ребенок родился здоровым. Мать во всем следовала советам приходящего на дом педиатра, Кира хорошо ел, спал и развивался по возрасту. В два года пошли в первую обучалку-развивалку – там малышам преподавали хореографию, математику, английский язык и развивающие игры. Много гуляли – прогулки полезны для здоровья. Еда – только свежая и полезная, никакого фастфуда, чипсов, мороженого и кока-колы («Ею – вы ведь знаете! – шоферы колеса моют, чтобы были красивыми и блестели»). К трем с половиной Кириным годам мать вдруг поняла, что пора выходить на работу. Вышла. Кира пошел в частный детский садик, ему там очень нравилось, там была небольшая группа, хороший уход и много развивающих занятий. Говорят, другие дети отказываются ходить в сад и много болеют. Кира почти не болел, на пороге сада говорил: «Пока!», отпускал мамину руку и сам бежал в группу, даже не оборачиваясь. Иногда матери было даже обидно: она же видела, как другие дети...

Школу выбирали два года. Нельзя было терять английский, это понятно. И потом, хотелось, чтобы был хороший первый учитель. Плюс – общая обстановка, дополнительные занятия, ремонт и все такое. Это все важно, ребенок ведь проводит в школе значительную часть жизни. Нужная школа нашлась, до нее было почти час ехать, но дело того стоило: обстановка в школе прекрасная, учитель очень сильный и понимающий. Сейчас Кира учится в третьем классе, учится в основном на четыре и пять...

К этой части рассказа я уже соскучилась и почти зевала, но заставляла себя концентрироваться – я-то это только слушаю, а Кира так живет!

– Расскажите, как устроен ваш день.

– Да-да! Я понимаю, именно в этом дело! Мы встаем в семь часов, я его поднимаю, он практически еще спит, засыпает на каждом шагу, я его все время подгоняю, завтрак, потом едем в школу. Я его забираю иногда в два часа, иногда в четыре, в зависимости от того, есть ли там кружки или какие-то дополнительные мероприятия. Пока едем домой, я его расспрашиваю, как прошел день в школе, какие оценки, что задано, сдал ли он творческие работы, которые мы дома делали, спрашивала ли его учительница... Все это приходится клещами тянуть! Еще пытаюсь настраивать, как учительница рекомендовала: «Сейчас, чтобы не расхолаживаться, быстро сделаем уроки, чтобы вечером ты мог поиграть». Он соглашается, дома я его кормлю, у нас есть полтора часа

до музыкальной школы (у него прекрасный слух, преподавательница по музыке говорит, что если бы он не ленился...), я пытаюсь усадить его за уроки, но тут оно и начинается... «Я хочу попить, пописать, мне надо поменять ручку, я тут не понимаю, это нам не задавали, это я не буду делать, Марья Петровна по-другому говорила...» Бывает, я выхожу из себя, мы ссоримся, потом либо он, либо я просим прощения, миримся, но время уже ушло, все переносится на вечер, а там он становится еще капризней, тянет все просто до невозможности. И еще компьютер! Мы в прошлом году подарили ему на день рождения ноутбук – ну что же, они компьютерное поколение, нельзя закрывать на это глаза, да ему даже и по учебе нужно, им много всяких творческих работ задают. День рождения у него весной, а летом мы у бабушки на даче как-то это дело упустили. Бабушка давала ему играть. Ей удобно: он не мешает, и искать его не надо, придет к нему друг, они и сидят... Когда началась школа, на игры, конечно, времени не остается, только по выходным. Он вообще-то сова, на неделе, я уже говорила, его не добудиться, а тут он сам вскакивает в семь часов и сразу к компьютеру. И сидел бы целый день, без прогулок, без всего; еду, дай ему волю, тоже к компьютеру притащил бы. Но это же вредно! Я ему сказала: «Два часа! Так врачи рекомендуют. В остальное время почитай книжки, поделай поделки, порисуй». Он говорит: «Ты меня последней радости в жизни лишила!..» И теперь это письмо... Если идти у него на поводу, так надо тогда бросить все кружки, уроки делать тяп-ляп, посадить его к компьютеру и забыть. Но так же нельзя!

– А папа у вас есть? – заинтересовалась я (о муже она как будто мельком упоминала).

– Да, конечно!

– А какую роль он во всем этом играет?

– Иногда он Киру в школу отвозит и из музыкальной школы забирает. Компьютер ему настраивает. А вообще воспитание, конечно, на мне, так с самого начала повелось... Но, доктор, что же нам теперь делать? Кира стал плохо спать, у него истерики, учительница говорит, он в школе рассеянный. Мы ходили к неврологу, он написал: «Неврозоподобное заболевание» – и прописал массаж и глицин, но это не помогает!

– Да, из этого круга надо выходить, – согласилась я.

– Но как?! Мы же не можем не учиться, не ходить в музыкалку, а заниматься дополнительно английским ему даже нравится, там интересно, он любит преподавательницу!..

– Вы, кроме самого начала нашей встречи, все время говорили про Киру. Потому что думаете, что так надо, раз вы пришли в детскую

поликлинику, к детскому психологу... Но сейчас я опять спрашиваю про вас: как вам – лично вам – все это?

Женщина как-то сникла и долго молчала, напоминая сдвинувшийся шарик. Потом тихо сказала:

– Я устала. Мне неинтересно. Мне его жалко и себя. Но ведь без образования в нынешней жизни никуда, и родители должны... – интонация начала повышаться.

– Стоп! – я прервала ее. – Достаточно. Проведем эксперимент. Для начала вы просто перестанете говорить с Кирой о школе. Вообще. Тотально. Ни разу. Никогда. Все остальное – строго как было. Время эксперимента – две недели. Если по-честному сделаете, через две недели предъявите мне следующую проблему. Какую – не скажу. Но вот смотрите: я записываю ее на бумажке, рисую три звездочки и кладу вот сюда. Жду вас через две недели.

– И все?! – удивилась женщина, явно настроившаяся на долгую психотерапевтическую беседу.

– И все, – кивнула я. – До свидания.

* * *

– Стало лучше, но это ужасно! – темпераментно заявила она мне две недели спустя.

– Что лучше и что ужасно?

– Нет истерик. Стал лучше спать. На прошлой неделе нахватал двоек, но сейчас вроде выправляется...

– А что ужасно?

– Мы живем как чужие. Мы молчим! Я не знаю...

Я достала бумажку со звездочками и протянула ей. На бумажке было написано: «Я не знаю, о чем с ним говорить».

Она опять заплакала. Я переждала и сказала:

– А вот теперь, когда место освободилось, давайте учиться.

* * *

Сначала она училась ничего не выпрашивать у Киры, а рассказывать сама – о работе, о новостях, о проблемах, о погоде и природе, о своих ассоциациях и умозаключениях, которые возникают по всем этим поводам.

Мало кто понимает: наши родители и наши маленькие дети – это единственные люди на планете, которым мы *по-настоящему* интересны. Потом она училась опознавать свои чувства и говорить о них Кире: мальчишку надо было этому научить, а другого способа я не знаю. «Оказывается, он такой умный и понимающий!» – сказала она в итоге. «Те, кто нас внимательно слушает, всегда кажутся нам умными и понимающими», – подумала я, но, конечно, промолчала.

А еще они стали вместе играть в какую-то компьютерную игру.

– Вы знаете, это оказалось очень увлекательно, – сказала она с удивлением и, подумав, добавила: – Так это что ж получается, Дед Мороз все-таки исполнил Кирино желание?

– Конечно! – энергично кивнула я. – На то он и Дед Мороз.

Конфетки для Женькиной мамы

Эта женщина не плакала, не ломала пальцы, не выглядела изможденной. Ребенка с ней не было. Увы, часто случается, что психолог ничем не может помочь обратившемуся к нему человеку или семье. Но у психолога тоже есть чувства, и они бывают разными. Здесь мне почему-то было страшно с самого начала, еще до ее первых слов.

– Я не знаю, могу ли я к вам обратиться, ведь у вас детская поликлиника. Потому что совет сейчас нужен именно мне, а не моему сыну.

– Любая семья, как и организм, – полуоткрытая система, – сказала я. – Всё влияет на всё и на всех. Ваша семья – это вы, ваш сын...

– Еще собака...

«Наверное, все-таки ушел или даже умер отец», – с некоторым малопонятным для себя облегчением подумала я. А она его очень любила и теперь не понимает, как жить. Отсюда ощущение свисающей прямо с потолка в кабинете связки кирпичей.

– Вы, сын и собака. Рассказывайте с самого начала.

– Раньше, десять лет назад, мы жили втроем. Муж, дочка и я.

Ее сыну 15 лет. Ее дела так плохи, что она путается в поле своих детей? Ее дочка сменила пол?! Спокойно, черт тебя побери, кто тут психолог?! Она сейчас все расскажет. Если честно, я сама не понимала своей реакции, ведь женщина вела себя совершенно уравновешенно и никакой психиатрии я не чувствовала даже поблизости.

Она, конечно же, рассказала. И все встало на свои места. Но, как я и подозревала с самого начала, лучше бы эти места были какими-нибудь другими!

Десять лет назад у ее 11-летней дочери диагностировали онкологию. Боролись три года, продали все, что могли, и перепробовали все, что подворачивалось, – от экспериментального лечения в московском институте до знахарки в Псковской области. Но опухоль была очень агрессивна. Муж был рядом, поддерживал и помогал во всем. Девочка умерла, попросив напоследок: «Мам, пап, вы уж тут без меня не скучайте...»

После смерти дочери мужчина честно пытался сохранить семью. Приглашал жену в театр, в ресторан, в гости. Она была в каком-то оцепенении, ей все это казалось пошлостью, но она покорно везде ходила

и чувствовала, как носит с собой полный до краев стакан своего несчастья. Другие, конечно, его тоже видели. Кому же захочется иметь дело с человеком с таким стаканом? Потом муж заговорил о другом ребенке, другой девочке (может, она тебя отвлечет), и тут она наконец сорвалась в полноценную истерику: ты хочешь заменить нашу умершую дочь, как сгоревшую лампочку в люстре?! Следующим ребенком?! А вдруг это гены, ведь все знают, что онкология бывает наследственной! Ты хочешь, чтобы она тоже...

Муж ушел через два месяца. До этого спокойно объяснил, что он живой человек и не может жить ни в склепе, ни в пантеоне. Но его уход стал для нее все же неожиданностью – она пришла с работы, нет мужниных вещей, везде по квартире лужи, на диване сидит, расставив толстые лапы, лопоухий щенок никакой породы, а на столе – записка: «Я ушел. Надеюсь, ты не подумаешь, что Дружок – это вместо меня. Он бегал у нас на заводе во дворе, его чуть не сбило насмерть машиной. Если он тебе не понравится, можешь отдать его в приют...»

Спустя полгода по инициативе мужа они развелись. Он сразу снова женился на молодой женщине, и у него с женой родилась дочка. Теперь у них еще и сын. Ему всего девять месяцев, но он уже говорит «ма-ма» и «та-та» (сестру зовут Наташа).

– Откуда вы это знаете? Вам бывший муж рассказал?

– Нет, его жена, Танечка. Она мне часто звонит, советуется, если с детьми что. Да и я у них бываю, и они с Наташей у нас... Сейчас, правда, они затихли...

Дружок, конечно, остался в доме. Он был глупый, дружелюбный и невероятно общительный. Любил всех людей и особенно детей. И всех собак – от той-терьеров до волкодавов. Дети, родители, собаки и их хозяева относились к его горячему желанию общаться по-разному (Дружок вырос в довольно крупную дворнягу шоколадной масти). Поэтому она старалась гулять с ним, когда никого не было. Он расстраивался, ему хотелось играть и вращаться в обществе. Она бросала ему мячик, чувствуя себя заводной игрушкой.

Однажды на стадионе неподалеку от их дома проводили выставку собак. Везде висели объявления, внизу была приписка: вход с собаками разрешен. Она вдруг решила пойти – должны же быть у Дружка развлечения. Собаки на четырех рингах были гордые, расчесанные и благоухали цветочными шампунями. Дружок смотрел на них, наклонив башку и вывалив язык, и даже, вопреки обыкновению, не порывался бежать и общаться. Как будто осознал свое неизбывное плебейство.

– Не думайте, он у вас самой лучшей породы! – сказал кто-то сбоку от нее.

Она оглянулась. Рядом стоял мальчик. Дружок радостно кинулся к нему и облизал круглую физиономию. Мальчик едва устоял, схватившись рукой за огородку. Когда он отошел, она увидела, что у мальчика что-то с ногами – он даже не хромал, просто как-то странно передвигался. Какая-то деформация суставов?

– Прости! – извинилась она. – Дружок у меня добрый, но глупый...

– Нет, – сказал мальчик. – Дворняги – самые живучие и лучше всех приспособляются!

– Откуда ты знаешь? У тебя тоже дворняга? Где же она?

– Нет, у нас собак держать не разрешают, – сказал мальчик и улыбнулся. – Я знаю, потому что я сам дворняжка.

Она отчетливо почувствовала, как сердце пропустило удар, и спросила:

– Где это – у вас?

– В интернате, – ответил мальчик. – Нас сюда на автобусе на экскурсию привезли. Во-он коляски стоят, видите? А я-то ходячий...

Мальчика Женю ей отдали на удивление легко. Она раньше слышала: проблемы с усыновлением, справки, бюрократическая волокита... Ей все помогали! Все! Буквально за руку водили из кабинета в кабинет. До чего же в мире много хороших людей...

И как все хорошо складывалось! Женя пошел в обычную школу. Его там почти не дразнили. Она сама занималась с ним русским. Бывший муж был призван на предмет подтягивания математики. Он честно отзанимался, потом вышел покурить на знакомый балкон. Она, что-то почувствовав, вышла за ним и вдруг увидела, что он... плачет!

– Что с тобой?!! – потрясенно прошептала она.

– Я так рад за тебя... – сдавленным голосом сказал он. – Наконец-то... И какое же спасибо этому Женьке...

Женя еще в интернате занимался оригами и увлек этим сводную сестру Наташу. Их квартира была засыпана обрезками бумаги и снова стала похожа на место, где живут люди. Женя, конечно, играл с Дружком.

Однажды они все вместе гуляли. Дружок бросился к маленькой собачке, Женя побежал за ним, споткнулся, упал...

Пожилой врач в районной травме сказал: гипс я, конечно, поставил, но что-то мне этот перелом не нравится. И изначальное заболевание, и вот тут на рентгене что-то непонятное... Поезжайте-ка вы в институт Турнера...

– Вы должны быть готовы ко всему, – сказали ей институтские врачи.
– К чему?! – шепотом закричала она.
– Вполне может быть, что это онкология. А ваш перелом – всего лишь симптом. Точнее вам скажут на Березовой аллее (Санкт-Петербургский городской клинический онкологический диспансер. – *Ред.*)...

По совету подруги она пошла к взрослому психоаналитику или кому-то вроде того. На третьем сеансе ей сказали: ничего удивительного, это у вас подсознательное влечение – у вас дочь умерла от онкологии, вот вы и выбрали ребенка уже с предрасположенностью. Она пришла домой и выбросила в мусоропровод целиком всю аптечку – боялась, что не справится с желанием покончить со всем разом. Это было бы несомненным облегчением, но как же Женька?

* * *

– И вот мой вопрос к вам, – закончила она свой рассказ. – Где мне теперь взять силы? Чтобы, если придется, пережить все это еще раз и не угробить Женьку собой раньше времени?

Я очень долго молчала. Она меня не торопила. Если знаешь или хотя бы предполагаешь, что говорить, можно быть какой угодно – резкой, настойчивой, ироничной, даже грубоватой. А если совсем не знаешь? Если не знаешь – тогда со всем соглашайся. Порой это вывозит.

– Вы очень правильно поставили задачу, – сказала я. – Она чисто энергетическая. Это даже не психология...

– Да, я так и чувствую, – кивнула она.

– И решать ее надо так же. Больших источников энергии у нас нет, и выдумать или выстроить их сейчас совершенно нереально. Значит, надо брать помалу и плюсовать. У вас есть друзья?

– Да, конечно. Из школы, из института, волонтеры из Жениного интерната. И коллеги. И бывший муж и его семья. Они все сейчас в полной растерянности. Боятся лишний раз позвонить, я их очень понимаю...

– Именно! Они очень хотят вам помочь, но не знают, что делать. Им кажется, что тут помочь вообще нельзя, но они не догадались посмотреть с энергетической стороны. Вы им скажете...

– Что же?

– Каждый принесет вам по энергетической конфетке. И будет целый кулек. Из которого, конечно, достанется Жене. А им будет облегчение – они помогли, не остались в стороне от чужой беды.

– Конфетки – это все-таки что?

– Я не знаю, что приносит вам радость, свет, облегчение. Футбольный матч или лекция в Эрмитаже? Только не говорите, что ничего. Вам много лет, есть личная история, сейчас всё сгодится. Одной из своих приятельниц вы скажете: рассказывай мне 15 минут про выставку фарфора, которую ты посетила (или организовала), другой – едем на берег залива и просто так идем от Морской до Лисьего носа. Про болезни не говорим. Третьей по вашему же заказу, в ограниченных заранее временных рамках, выплаетесь в жилетку как раз про болезни.

– Это все искусственное, не поможет, – сказала она разочарованно.

– Другого нет, поэтому будем пробовать, – возразила я. – Неделю делаете (не меньше семи конфеток, лучше больше), потом придете, расскажете подробно. Все просьбы о конфетах начинаете одним запевом: «Мне нужно, чтобы ты...»

Она пришла удивленной.

– Вы знаете, действительно лучше! В основном, мне кажется, потому, что я очень много времени и сил трачу на изобретение этих ваших конфеток. Зато уже придуманное весь мой круг ловит на лету и моментально исполняет...

– Конечно. Люди любят помогать, если то, что нужно сделать, понятно и четко ограничено. Что Женька?

– Он молодец. В больнице задачки решает и английским занимается... Заметил, солнышко: «Мама, какая у тебя красивая прическа!» Это тоже конфетка: у меня есть знакомая парикмахерша, и мне всю жизнь нравилось, когда голова аккуратная...

– Замечательно. Прическа и вправду хорошая, лет пять-семь скидывает точно. И помните: не меньше семи конфеток в неделю, тогда продержитесь.

– Хорошо, я постараюсь.

* * *

Спустя два месяца мне в регистратуре передали огромную коробку шоколадных конфет (увы, как всегда, с черной начинкой – это, кажется, больше комифо, но я их не ем!). Только в кабинете я заметила, что за ленточку заткнута записка. Развернула ее и сама почувствовала, как физиономия расплывается в улыбке:

«От мамы Женьки. Это не онкология! Какое-то сложное заболевание костей и суставов. По сути, инфекция. Лечить долго и сложно, но оно

лечится! Рассказала про конфетки подруге, у которой умерла мама. Ей тоже помогает. Удачи вам!»

Эх! Знала бы я заранее – сказала бы ей, что люблю конфеты с вареньем!

Кружок художественного свиста

В нескольких материалах я писала о том, что для решения тех или иных проблем ребенка необходимо найти ресурс, который поможет ему поднять самооценку и адаптироваться в среде сверстников. Ведь ресурс – какие-то умения, навыки и способности – есть у каждого. Мне пришлось с десятком писем с вопросом: а как же, собственно, этот ресурс использовать? Неужели только по наитию психолога? Может быть, есть более верифицируемый способ? Получив очередное письмо, я решила, что об этом действительно следует рассказать подробнее.

Женщина подробно и монотонно жаловалась на тринадцатилетнюю дочь: «По дому ничего не помогает, уроки не делает, врет про оценки, в школе на уроках ворон ловит, бабушке хамит, с младшей сестрой дерется, от компьютера не отогнать, уйдет в ванную и по три часа с подружками обо всякой ерунде треплется...» Дочь (в прыщах, броской косметике и оригинально уложенных кудряшках) сидела тут же и слушала с выражением привычной скуки на физиономии.

– Будьте так любезны, назовите, пожалуйста, достоинства вашей дочери, – заскучав вместе с девочкой, попросила я.

– Достоинства? Ну... незлая она, быстро отходит... Не жадная – вечно всё подружкам раздаст, а они этим и пользуются, я ей сто раз говорила...

– Стоп. Мы говорим о достоинствах.

– Ах, да. Да я как-то сообразить сразу не могу...

– Недостатки вы сразу перечислили. Но изменить жизнь к лучшему, построить что-то новое, стоящее можно, только опираясь на ресурс, на сильные стороны человека. Я вижу вашу дочь первый раз в жизни. Вы живете с ней тринадцать лет. Ее достоинства?

Озадаченное молчание.

– А ты сама можешь что-то дополнить? – обращаюсь я к девочке. – Твои сильные стороны?

– Нет их у меня, – мрачно бурчит она.

– Так, – вздыхаю я. – Тогда давайте попробуем иначе. Возьмем что-нибудь уж совсем перпендикулярное нашему случаю. Пусть у нас есть дядечка средних лет – лысый, плюгавенький, не очень умный и к тому же с детства слегка прихрамывает. Впрочем, у этого дядечки есть и достоинства: он любит кошек, маленьких детей (от 0 до 11, подростков он уже побаивается) и умеет художественно свистеть, причем может

просвистеть не только любую песню, но даже классику.

Девочка усмехнулась – ей явно нравился поворот разговора (наконец-то от нее вроде бы отстали). Мать смотрела с недоумением.

– И вот нам с вами нужно улучшить жизнь этого дядечки, сделать ее полнее, добавить красок, событий. Предлагайте.

– Это вы к чему? – спросила мать.

– Пусть кошку заведет, – сказала девочка.

– Хорошо. Завел кошку, – согласилась я. – Общается с ней, гладит ее, кормит. Но все равно как-то одиноко...

– Можно с ней на поводке гулять, я видела... – девочка явно хотела предложить что-то еще, но тут встряла мать:

– Так есть же клубы всякие, выставки кошачьи, пускай туда ходит, общается с единомышленниками.

– Отлично! – обрадовалась я. – Расширили дядечке круг общения. Но есть еще дети и художественный свист...

– Пусть усыновит ребенка, – предложила девочка.

– Так ему и дали! – огрызнулась мать. – Да и что он с ним делать будет? Нет! Надо ему в какой-нибудь небольшой дом культуры пойти.

– Точно! – воскликнула дочь. – И там предложить организовать кружок художественного свиста для детей.

– Замечательно! Значит, кружок художественного свиста. Наверняка найдется с десяток маленьких мальчишек, которые захотят повысить свой социальный статус за счет такого замечательного навыка. А кто у нас в основном работает в маленьких домах культуры и посещает клубы любителей кошек?

Девочка смотрела вопросительно, а мать, конечно, поймала мяч на лету:

– Тетки, часто одинокие, часто с ребенком. Он дядечка добрый (раз детей и животных любит), одинокий, стало быть, они его быстро в оборот возьмут. А раз ему детишки в радость, значит, ему и женщина с ребенком подходит вполне, он пасынка или падчерицу сразу будет любить. А там, глядишь, она ему и их общего родит...

Лица матери и дочери сделались умиротворенными и одинаково симпатичными – им явно нравилось, что жизнь выдуманного мною дядечки откровенно налаживалась.

– Скажите, а вот за все время, пока мы устраивали нашего дядечку, мы хоть раз вспомнили о его недостатках, весьма, надо сказать, существенных? – спросила я. – О том, что он глуповат, лыс, хром?

– Нет, ни разу, – быстро сориентировалась дочка.

– Да, говорили только о достоинствах, – подумав, согласилась мать и продолжила, возвращаясь к интересующей ее теме: – Так что же, это значит, я должна не обращать внимания на то, что она врет и бездельничает?

– Нет, это значит, что вы должны обратить очень серьезное внимание на ресурсы вашей дочери, составить реестр, а потом задействовать их как можно полнее, стараясь ничего не упустить. Так, как мы это только что сделали с нашим хромым, но очень симпатичным дядечкой.

* * *

Из списка, который они принесли мне на следующую встречу (составляли всей семьей, включая тетю, младшую сестру и двух кузенов), мы выбрали для начала три пункта:

1.

С раннего детства любит причесывать кукол и вообще всех. Регулярно, несмотря на репрессии, что-нибудь подстригает на голове у себя, сестры или кузенов.

2.

Обожает (до сих пор!) играть «в домики». Тщательно и со вкусом составляет игрушечные интерьеры для сестры и ее подружек.

3.

Любит учиться чему-то конкретному, что можно сразу применить на практике: сделать цветок из бумаги, приготовить красивый салат, завязать бант.

В результате девочка отправилась на курсы юных парикмахеров и визажистов и уже к концу года делала подружкам, себе и сестре совершенно сногшибательные, креативные прически, которые привлекали всеобщее внимание. При поддержке преподавательницы курсов провела в родной школе конкурс на лучшую прическу и стала известна. Со временем завоевала авторитет среди подруг, помогая создавать индивидуальный стиль. Отношения с младшей сестрой улучшились кардинально (она теперь подлизывается к «знаменитой» старшей), компьютер используется целевым образом, от поднявшейся самооценки улучшилась успеваемость, а мать старшей дочерью гордится и говорит: «Ну и что, что она в учебе звезд с неба не хватает и в математике ни в зуб ногой? Не всем же Перельманами быть, и слава богу! Обычных дел на земле тоже хватает. И кружок художественного свиста тоже пригодится,

главное, чтобы себе и другим в радость...»
И я с ней совершенно согласна.

«Курощение» Марьи Петровны

Это проблема актуальная, с которой каждый год в нашей стране сталкиваются сотни, если не тысячи родителей учеников и учениц начальной школы.

Три живых голоса:

– Доктор, помогите, я просто не знаю, чего мне делать! Она говорит, мой Петя идиот и ему нужно в школу для умственно отсталых, но он же не идиот, я знаю, он просто медленно все делает. Он всегда такой был, и в садике тоже. Медленно ест, медленно одевается. Если его не торопить, он все эти задачи решит и даже ошибки в диктанте найдет... Ну не все, конечно... но что-то найдет точно! А если его подгонять, так он просто в ступор впадает. А она говорит, что не может все время его ждать и им заниматься, у нее в классе еще 35 человек...

– Мы всесторонне обследовались и консультировались у лучшего невролога города. Он сказал, что никаких противопоказаний, ребенок интеллектуально даже превосходит свой возраст, просто он очень подвижный. Я специально выбирала школу и учителя, о котором говорили, что она может именно заинтересовать детей. И что же? Теперь, в середине второго класса, она говорит, что гимназическая программа Валентину не подходит, на уроке он не подчиняется дисциплинарным требованиям и мешает другим детям усваивать материал. Говорит, она выставит неудовлетворительное поведение и вынесет вопрос на педсовет, но может и ничего не выносить, если мы согласимся просто тихо уйти в другую школу с обычной программой. Но мы не хотим уходить! Это хорошая школа, Валентин привык к детям и учительнице, и по всем предметам у него бывают двойки, но бывают и пятерки! И разве это не дело учительницы – обеспечить дисциплину на уроке?!

– Танечка так расстраивается, плачет, когда двойки получает... Она говорит, из-за того, что дети кричат, балуются, она сосредоточиться не может. И сдает пустой листок. А у учительницы один разговор: «Не усваивает материал». Но Танечка любит в школу ходить, и подружек своих, и учителей. Вот по английскому группы маленькие, и там у нее все хорошо. И по труду, и по рисованию... Мы просто в садик из-за здоровья не ходили, поэтому, может, ей труднее других привыкнуть? А учительница говорит: я

не могу объяснять ей отдельно, у меня другие дети есть, идите на домашнее обучение. Но ведь Танечка теперь хочет со всеми, она уже дома, когда болела, насиделась! Как бы нам так сделать?..

Итак, у вашего ребенка в начальной школе есть реальные проблемы – гипер– или гиподинамический синдром, нарушения концентрации внимания, дисграфия, еще что-то, – но нет реальных противопоказаний для обучения в массовой школе. При этом ваш ребенок мешает учителю: нарушает дисциплину, плохо соображает, отвлекается, тормозит и т. д. И вот учитель явно готовится его «слить» – из класса или из школы. А вы-то хотите оставить. В этой школе, в этом классе, у этого учителя.

Чего делать нельзя?

Обвинять учителя и требовать «индивидуального подхода» для вашего ребенка. Опытные учителя начальных классов говорили мне (и я им верю), что, если в классе три «электровеника» и один «тормоз», работать еще можно, но на пределе. Если больше – учебную (основную для учителя) задачу выполнить невозможно. Единственный выход в этом случае – сверхштатного персонажа из класса убрать любым способом. Вам нужно, чтобы это оказался не ваш ребенок.

Ваши действия.

1. Покупаете блокнот с яркой картинкой и игрушку, которую часто можно видеть на торпедах машин, – некая зверюга с подвешенной на пружинке головой. Машина едет, голова качается.

2. Учитесь долго и ритмично качать головой так, как это делает купленная зверюга.

3. Берете ручку, купленный блокнот и идете к Марье Петровне.

4. Непрерывно качая головой, как та зверюга, говорите, не жалея вежливых и даже лстивых оборотов, приблизительно следующее: «Марья Петровна, я знаю, что у моего ребенка есть проблемы. С ним нелегко. Мы работаем над этим, занимаемся каждый день, ходим к психологу и т. д. Но, Марья Петровна, ничто не заменит рекомендаций опытного педагога, который видит ребенка каждый день. Скажите, что нам делать, я записываю».

Марья Петровна что-то вам скажет, и вы это запишете. Если покажется здоровым – делайте.

5. Поблагодарили, ушли.

6. Каждый день формально спрашиваете у ребенка про его успехи.

7. Через три недели (срок, проверенный более чем десятилетней практикой: реже – забудет, чаще – надоест) снова появляетесь пред ясны очи Марьи Петровны и говорите:

– Марья Петровна, мы всё делаем, как вы сказали. Что-нибудь заметно? Есть сдвиги?

– Да как-то нет, – честно отвечает Марья Петровна.

– Еще мудрости! – восклицаете вы, пожирая глазами начальство и не забывая ритмично качать головой. – Я записываю и каждый день, как отче наш...

Марья Петровна чуть напрягается и выдает еще каких-нибудь рекомендаций.

– Свет истинного знания просиял перед моим внутренним взором! – радостно заявляете вы и уходите работать.

8. Повторение эпизода номер 7. С одной поправкой: Марье Петровне как-то неловко (ведь вы же уже больше месяца действуете по ее *собственным* рекомендациям!), и она говорит (врет, конечно): «Ну, может, есть какое-то улучшение, но ма-а-аленькое...» «О радость! Еще мудрости!!!» – взываете вы, поудобнее перехватывая блокнот и привычно качая головой.

9. На следующий день Марья Петровна невольно приглядывается к вашему ребенку (мать так старается!) и полусознательно дает ему чуть-чуть форы: подольше ждет ответа, если речь идет о «тормозе», дает возможность собраться рассеянному и т. д. Ребенок принимает неожиданную поддержку и отвечает или успешно выполняет задание. А она ему говорит: «Вот видишь, ты можешь!»

Вечером вы задаете ребенку дежурный вопрос об успехах, и он радостно докладывает:

– Марья Петровна меня сегодня похвалила! Сказала, что я – могу!

– О! – замечаете вы. – Процесс пошел! Я знала, что так и будет. Заяц, к завтрашнему дню мы с тобой хорошенько подготовимся, чтобы Марью Петровну не разочаровать. Ты поднимешь руку и... Я верю в тебя, заяц!

10. Назавтра Марья Петровна чувствует неловкость (вчерашний «обман» стучится из подсознания) и, увидев поднятую руку, решает проверить свои ощущения. Но ребенок действительно отвечает лучше, чем обычно! Ей не показалось, и, значит, вчера не было никакой натяжки! Он действительно выправляется благодаря ее рекомендациям и настойчивости матери в их выполнении! Ребенок получает полноценную, эмоционально возвышающую похвалу (хотя Марья Петровна хвалит не только и не столько его, сколько себя и вас), которую, естественно, пересказывает дома. Все радуются, ребенок воодушевлен и готов к новым свершениям.

11. Вы бежите в школу с неизменным блокнотом и, не забывая

непрерывно кивать, благодарите Марию Петровну (при этом не забудьте запросить еще мудрости).

– Да-да, нам нужно еще много работать! – строго скажет Мария Петровна, но ее глаза будут сиять добротой.

12. На этом месте замыкается петля обратной связи. Вы и ваш ребенок теперь для Марии Петровны – ее удача и достижение. Она говорит коллегам: «Вот возьмите Васю! Одна ходячая проблема! Но если семья борется, не опускает рук, мать готова слушать настоящих профессионалов (меня!) и исполнять рекомендации, то даже зайца можно научить стучать на барабане!»

Вася по-прежнему пропускает буквы, путает подлежащее со сказуемым и болтает с соседями, но петля обратной связи захватила и его: Мария Петровна его любит и ценит, он стал лучше учиться и больше не запускает в классе бумажных голубей, чтобы не расстраивать учительницу.

Ложка дегтя: кого-нибудь Мария Петровна все равно «сошьет» (работать-то надо). Но это будет *не ваш* ребенок. Свою удачу не сливают.

Лишние люди

Парень мне не нравился. Хотя пришел сам, без всяких родителей, а я обычно очень это ценила.

Как правило, из мальчишек его возраста (16 лет) каждое слово приходится клещами тянуть, а тут – хорошая литературная речь, слова льются прямо потоком. Впрочем, он говорил уже полчаса, а я так толком и не понимала, зачем же он ко мне пришел. Полная семья – мама, папа, младший брат, бабушки и дедушки в комплекте (живут отдельно). Все как будто вполне обеспеченные (несколько раз упомянул заграничные поездки всей семьей и отдельно – какую-то свою обучающую поездку в Англию), учится в хорошем математическом лицее, в школе вполне успевает, дополнительно много лет занимается шахматами и имеет 1-й разряд, есть друзья, уже почти год встречается с девушкой...

При этом жалуется вполне художественно на всех: на родителей, на прародителей, на брата, на учителей, на приятелей. Родители достают своими придирками, бабушки – мелочной опекой, младший брат все время сам лезет и подначивает, а когда терпение старшего кончится и все-таки получит по заслугам – бежит жаловаться и оборачивает все перед родителями таким образом, что старший неизменно оказывается виноватым. Друзья – либо ужасные заучки, все время старающиеся выслужиться неизвестно перед кем и мечтающие как можно скорее свалить из России непонятно куда («кто их там ждет!»), либо, наоборот, забили на все, не отлипают от сетевых компьютерных игр и своих айпадов. Учителя либо считают свой предмет пупом вселенной, задают по нему совершенно немереные задания, а потом кипятятся, как чайники на плите, обнаружив эти задания невыполненными; либо просто равнодушно отбывают свои уроки и транслируют ученикам всё то же: в этой стране жить нельзя! Касательно девушки: друзья ему завидуют, а у него такое впечатление, что за этот год он встречался с несколькими разными девушками – она подражает то одной, то другой светской или актерской знаменитости и при смене периода меняет все, от гардероба до акцента. Причем она сама называет это «развитием своего образа». По идее, ему это должно быть смешно, но почему-то раздражает.

В общем-то, я вполне могла списать все это на «каждому человеку иногда хочется пожаловаться на жизнь, просто выговориться» и спокойно выслушать, сакраментально размышляя про себя на вечную тему: «У кого-

то суп жидкий, а у кого-то жемчуг мелкий».

Смущало меня вот что: он жаловался на всех и вся хотя и литературно грамотно, но как-то неубедительно, без малейшей напряженности чувств, как будто по обязанности (но я-то знала, что его никто не обязывал! Он сам пришел, и, если ему верить, родители даже ничего не знают о данном визите).

Да, кстати, я не сказала, что его звали Велимиром (а его брата Ратибором). Это, конечно, о семье что-то говорило, но всякие славянофильские и истинно православные вещи он отверг: «Да ничего особенного, просто так выпендрились, чтобы было не как у всех».

Подумав, я решила не быть дипломатичной и не ходить вокруг да около.

– Ты знаешь, – сказала я, – во времена моего детства это называлось «мимо кассы». Я не знаю, зачем ты мне все это рассказываешь, но у меня складывается впечатление, что тебя и самого-то это не слишком волнует...

– Я надеялся, что вы заметите... – спокойно произнес Велимир.

Ага! Так это всё был тест? Но тогда на что, собственно, меня тестировали?

– Я немного интересуюсь психологией, и я читал ваши материалы в Интернете. Вы иногда пишете о другом. И я подумал: вдруг вы знаете?

«О другом относительно чего или кого? И о чем я знаю?» Но я решила пока помолчать. На тот момент у меня сложилось впечатление, что Велимир не очень нуждается в наводящих вопросах.

– Вы наверняка по моему рассказу поняли, что я живу там, где всё, в общем-то, благополучно. Но все равно у меня такое ощущение, что все мы никому не нужны. Мои друзья не хотят об этом думать и говорить, они хотят... ну, я вам уже говорил, чего... А вот в инете ребята, с которыми я в игре разговаривал, из разных городов, подтвердили: да, я прав, они тоже это чувствуют, я просто лучше формулирую.

– Попробуй чуть более конкретно, что это значит для тебя: «все никому не нужны»? Кто – все? Подростки? Вообще люди не нужны? И кому это – «никому»? Семье? Государству? Человечеству?

– Я же сказал: никому. Понимаете, есть хлеб и вода – ну, обязательные какие-то для жизни вещи, а есть кока-кола и марципаны, без них можно вполне обойтись. Я вот только начинаю жить (так любят выражаться наши учителя), но уже давно чувствую себя таким марципаном, который, в сущности, никому не нужен. Даже родителям. Мы с братом – просто такое украшение полноценной семьи. Так положено. Пока думали, что я стану великим шахматистом (я играл с трех лет), мною интересовались

больше: демонстрировали меня всем и друг другу, как марципанку на блюдечке; когда стало ясно, что не тяну, переключились на моего брата, теперь он у нас – будущий великий хоккеист. В школе то же самое. У нас в классе есть пять «математических гениев» – все хорошие учителя на них работают, это их как бы цель, оправдание их труда. На остальных, в общем-то, плевать. Но один из наших «гениев» говорит: «Я вот все думаю: интересно, а как они видят мою задачу? Свалить отсюда в Европу? Так там для своей молодежи работы нет. Здесь что-то такое никому не понятное открыть, опубликовать, а потом мхом порости в своей дыре, как этот Перельман?» А я ему отвечаю: «Будь доволен, что хоть какая-то задача видится». У нас рядом с бабушкиной дачей цыгане живут. Я в детстве с ними даже играл, хотя мне и запрещали. Этим летом курили (не скажу что) с моим детским дружкой, говорили за жизнь. Я ему рассказывал, как я в Европу ездил. Он говорит: ты счастливый и свободный, а я вот цыган, вроде как кочевать должен и хочу, но выкуси: ведь я – младший сын, поэтому дом и родители до смерти – на мне. Обычай у нас такой. Так я ему в тот момент позавидовал даже: он злится, но знает, зачем он, младший у своих родителей сын, и какая у него по жизни задача. А я не знаю, почему это так, но я так чувствую: нас много, и мы не нужны никому. Это иногда просто невыносимо. Я вам признаюсь: я уже ходил к психологу. Он сказал: ты должен быть нужен сам себе, и тогда все встанет на свои места. И моя девушка так же говорит. Но у меня не получается. А вы писали о чем-то похожем, и я подумал: вдруг вы знаете, что мне еще сделать?

Я держала паузу.

– Я знаю, что вы сейчас скажете, – тяжело вздохнул Велимир. – Вы скажете, что я вполне могу стать нужным, если буду помогать родителям и бабушке на даче, если стану сам растить хлеб или работать волонтером с больными. Я даже пробовал. Однажды папина фирма повезла в детский дом две машины игрушек, я с ними поехал. Больше не поеду. Они там, эти дети, с волонтерами были такие же, как наш «математический гений» с учителями. И я такой же, как они. И игрушки эти были им не нужны, они их посмотрели и сразу отложили...

– Нет, – сказала я. – Не поможет тебе. Ни концентрироваться на собственном пупе, ни тщательно выстраивать свою нужность людям мелкими услугами.

– Стать известным?

– При нынешней плотности информационного потока – ерунда. Исчез на неделю с экрана или из Сети – и завтра твое место уже заняли трое других, а о тебе никто не вспомнит.

– Значит, все безнадежно?..

Он замолчал, уже окончательно, и я поняла, что его разговор с самим собой наконец закончен.

– Есть способ. Ты в детстве был любопытен к миру, к жизни людей, раз бегал к цыганам (а они еще и далеко не всех до себя допускают). А в сыщиков не играл?

– Играли как-то с ребятами на даче, следили, кто с электрички идет... И еще с братом маньяка выслеживали, но это уж совсем мелкие были. А что?

– И логика у тебя работает (шахматы).

– А делать-то что?!

«Вот оно, настоящее-то чувство, проклюнулось!» – довольно усмехнулась я.

– Играть. Иначе как играя с нынешним миром не справиться. Ты будешь играть в сыщика, ты вообразишь себя разведчиком в тылу врага, инопланетным агентом, ты придумаешь себе задание и будешь его выполнять. Суть твоего задания, суть любого внедрения – изучать окружающих тебя людей, интересоваться ими, строить умозаключения...

– Это вы мне, что ли, такое задание даете?

– Я?! Вот насмешил! Ты что, никогда не слышал максимы: «Человеческий разум – это орудие, с помощью которого Вселенная познает саму себя»? Так что считай это заданием Вселенной. Придешь через два месяца, расскажешь.

* * *

Через два месяца Велимир не пришел. Но где-то в электронных сумерках раздобыл мой е-мейл и прислал к Новому году поздравительную открытку с припиской: «Выхожу на связь, докладываю: внедрение проходит нормально. Вселенная как будто довольна. Спасибо. Велимир».

На стороне подростка

– Мы с мужем развелись, когда Павлику было восемь лет. Конечно, он всё помнит. Да и вообще он больше на отца похож, чем на меня...

– Причина развода?

– Муж пил. Еще до женитьбы злоупотреблял, но я, знаете, как многие молодые дуры, думала: семья, любовь, ребенок, все такое... Исправится, я ему помогу... И он первые года три действительно в основном держался, надо отдать должное. Изредка уходил в запой, но старался, чтобы не дома. А вот потом – понеслось.

– В пьяном виде он был агрессивным?

– Сначала не очень, приходил, спать ложился, и всё. А потом постепенно, когда его собственная жизнь от пьянки стала рушиться, начал обвинять во всем меня...

– Вы пытались что-то сделать?

– Всё перепробовали. Из запоев выводили, лечили. Кодировали, зашивали. Он все равно срывался, водка уже была главней всего. Павлик от скандалов запирался в ванной. Когда муж в первый раз поднял на меня руку, я сразу сказала: всё! Но развелись мы только через полгода. А разъехались – и вовсе через полтора. Теперь я виню себя за это и спрашиваю: я что, еще на что-то надеялась? И у меня нет ответа...

– Вы больше не выходили замуж?

– Нет. Был один человек, умный и ласковый, но он тоже мог выпить, и я подумала: а вдруг это вправду со мной что-то не так, как бывший муж говорил, – никто же точно не знает; и вот он тоже сопьется окончательно, зачем же рисковать... Да и Павлик того мужчину не особо привечал, у него тогда как раз трудный возраст только начинался...

– И теперь...

– Теперь Павлику четырнадцать, скоро пятнадцать будет. Он учится в гимназии, в девятом классе.

– Как учится?

– Да ни шатко ни валко. Себя не перенапрягает, но если где-то грозит двойка – мигом сам и с учительницей договорится, и выучит, и меня попросит помочь. И исправит, где нужно.

– Разумный мальчик.

– Да, голова у него хорошая, это все учителя признают.

– Стало быть, вы обратились ко мне не по поводу его учебы?

– Нет. Мне неловко говорить... Дело в том, что на той неделе, вечером, Павлик попросил у меня денег на какое-то их развлечение, его друзья шли куда-то – кафе, или клуб, или еще что-то, я даже толком не поняла. Довольно большую сумму попросил. Я сказала, что у меня столько нет и вообще уже поздно. Он сказал: «Все идут, что же я им скажу?» «Скажи правду», – предложила я. И тогда он заорал: «Знаешь, в чем правда?! В том, что ты сука и стерва! А я все равно уйду!» И побежал в коридор – одеваться. Я попыталась его остановить. Он меня оттолкнул так, что я стукнулась о стену.

Ночевать он не пришел и телефон выключил. Я уже хотела в милицию звонить, а потом все-таки решилась и в три часа ночи позвонила его однокласснику Мише. Тот (хороший мальчик!) меня успокоил и сказал, что они все были в клубе (деньги Павлику одолжили), а потом Паша пошел к Ване ночевать. Я, естественно, спать не могла и все думала: как же так получилось? И что мне теперь делать? Позвонила по телефону анонимной психологической помощи для подростков и их родителей, реклама по телевизору была, я номер записала... Там мне сказали, что я всегда должна быть на стороне своего сына, принять его. Что у него трудный возраст, а в гимназии учатся дети обеспеченных родителей. Что он от этого переживает и еще помнит скандалы, которые были у нас с отцом. И это на нем отразилось, хотя он в этом и не виноват, а если я буду давить, он вообще может дойти до самоубийства... В общем, я поняла, что во всем виновата сама, но вот что конкретно делать? Как это на практике-то в нашем случае – быть на его стороне? Вот я и пришла у вас спросить...

– А чем закончился тот эпизод, о котором вы мне рассказали?

– Да ничем. После школы и кружка (он на дополнительный английский ходит) он пришел как ни в чем не бывало и спросил поесть. «Только я рис, говорит, не хочу, хочу мяса...»

– А вы?

– Я ему сказала о своих чувствах (мне так по телефону посоветовали): мол, Павлик, я очень волновалась, я чуть с ума не сошла... А он: «Да не ври ты! Я же знаю, что Мишка меня тебе заложил... А вообще-то будешь знать в следующий раз».

* * *

Вот этот недавний случай из моей практики сподвиг меня наконец-то обсудить с читателями тему, которая давно меня интересует.

В своей колонке я рассказываю много историй, в которых участвуют подростки. Все они очень разные. Некоторые истории вызывают много откликов, некоторые – практически не вызывают (решение проблемы очевидно? Или она неактуальна?). Но вот какую закономерность я наблюдаю уже несколько лет: почти всегда и почти все комментирующие в своих высказываниях находятся на стороне подростка. Тонко и творчески объясняются мотивации самых странных и сомнительных с этической точки зрения поступков подростков (и даже молодых взрослых – были у меня и такие материалы); звучат очень серьезные обвинения и нелестные определения в адрес их родителей и воспитателей. Они-де всегда виноваты, подросток – всегда жертва.

Только однажды я, не удержавшись, выступила против этого очевидного тренда (кажется, моя заметка называлась «Помилосердствуйте, господа!»). Если судить по многолетним комментам к моим материалам, то всем абсолютно очевидно следующее: подростков надо понимать и принимать, их нельзя ни к чему принуждать силой, говорить с ними надо очень тонко и осторожно (они очень ранимы), если с ними что-то не так, то всегда виноваты родители и/или учителя.

Но ведь равно очевидно, что реальность – мнения взрослых людей и их поступки по отношению к конкретным подросткам – устроена совершенно иначе.

Вот какие гипотезы приходят мне в голову по этому поводу.

1 вариант.

На сайте «Сноб» собрались уникальные люди, всегда и во всем действительно находящиеся на стороне подростка и так поступающие в своей реальной жизни.

2 вариант.

Анализируя чужую жизнь, люди говорят о теории, которую разделяют: «Надо „принимать подростка“». Другое дело, что на практике это не всегда выходит. Но всем нужно пытаться.

3 вариант.

Что бы там ни говорили в теории, но подростка в нашей культуре никто не считает полноценным человеком, реально отвечающим за свои слова и поступки. Если с ним что-то происходит или он что-то делает, то в этом всегда виноват кто-то другой (обычно семья).

4 вариант (он же вопрошание к читателям).

Все были подростками. Но ведь многие являются и родителями тоже. Почему же, читая мои истории, все легко разделяют чувства героя-подростка и как бы идентифицируют себя с ним, но в то же время

отказываются разделять чувства родителей?

Может быть, это так пишу? Или собственные подростковые раны читателей болят больше, чем родительские? Или все просто автоматически встанут «за слабого», которым принято считать именно ребенка, подростка?

* * *

Павлик был кудряв и симпатичен, почти смазлив. Он охотно рассказал мне, как мать ограничивает его подростковую свободу и как ему стыдно перед друзьями за ограниченные финансовые возможности семьи. Сообщил, что у них в гимназии тоже есть психолог, кандидат наук.

– Если тебе мало денег на развлечения, пойди и заработай, – сказала я ему. – С 14 лет у нас на работу берут даже официально, через молодежную биржу труда. Ты умеешь организовывать исправление двоек – сумеешь и это. А с матерью ты поступил, как мелкий трусливый гаденыш. Еще нет никого, кому в этом мире ты был бы так же нужен, как ей, – ты пока не заслужил этого своими делами, своим творчеством или своей любовью. А материнская любовь достается детенышу бесплатно, по праву законов природы. Но ты уже вырос. И должен понимать: тебя как человека характеризует то, как ты ведешь себя по отношению к чувствам матери. Сила, слабость, великодушие, понимание, садизм, глупость, ум, достоинство, честь... Какие пункты выберем, чтобы описать твоё поведение в этой истории? Можешь не отвечать... Главное, что будут еще ситуации, и все зависит только от тебя.

Она зашла ко мне спустя где-то месяц.

– Спасибо вам, – сказала она. – Я не знаю, о чем вы с Павликом говорили, он мне ничего не рассказал, но он, вы знаете, после этого разговора как-то притих. Даже сказал, что хочет устроиться работать, правда, пока это только слова...

– Притих? Ну вот и вы притихните, – посоветовала я. – Каждый одновременно – и на своей стороне, и на стороне другого (кто вообще придумал эти стороны разводить?!). Глядишь, и проскочите «трудный возраст».

Найти прием

В своих новеллках я много пишу о детях, о чувствах, о понимании и непонимании в семье, о том, как трудно бывает докопаться, что, собственно, в семье происходит. Но мало – о методах и приемах. Касательно методов это легко объяснимо: в основном я работаю в режиме психологической консультации и всякие классические методики, типа свободных ассоциаций, «горячего стула», психодрамы или даже арт-терапии, использую редко. Хотя когда-то им и училась. Но вот приемы приходится изобретать часто и иногда прямо по ходу дела. К классической психологии и психотерапии это отношения не имеет, но срабатывает иногда удивительно точно. Хотите сами попробовать? Давно уже у нас не было «психологических загадок». Сегодня я расскажу две реальные и на первый взгляд совершенно разные истории жизни двух женщин. И сразу скажу: это истории со счастливым концом – обеим женщинам помог один и тот же очень простой прием (не имеющий отношения к психологической классике). Попробуйте догадаться, что именно решило их проблемы. Удачи!

История первая

– Мне было 13 лет, когда в ужасной автокатастрофе, в которую мы попали всей семьей, погибли моя мать, отец и младший брат. Удивительно, но я сама тогда не только выжила, но и практически не пострадала, отделавшись несколькими царапинами и трещиной в запястье. Потом я жила у бабушки с дедушкой с материнской стороны. Они были добры ко мне, почти никогда ни за что не ругали, за глаза бабушка называла меня «наша сиротка». В школе меня тоже все жалели, первые два года после несчастья явно завышали оценки. При такой позиции взрослых я могла бы распуститьсь, спекулировать своим несчастьем, связаться с дурной компанией и т. д., но вместо этого я прилежно училась, успешно поступила в институт, потом в аспирантуру, самостоятельно нашла хорошую работу... Но вот друзей после гибели родных у меня, по сути, никогда не было. В школе я не понимала почему – ведь я не была ни злой, ни глупой, хорошо училась, никогда никого не предавала... На выпускном вечере я спросила об этом у подвыпившей одноклассницы, которая была моей подругой

в начальной школе. Она ответила: «Да ты сама нормальная, но с тобой долго невозможно, ты как будто свою погибшую семью таскаешь с собой в сумке, а кому это надо?»

В институте я посещала психолога. Он тоже сразу сказал, что я не прожила ту давнюю травму, мне надо ее прожить и идти дальше. Я стала проживать под его руководством, много плакала, похудела на 12 кг, мама и брат снились мне каждую ночь, разговаривали со мной. Днем не могла заниматься, все думала о них, о том, как бы сложились наша, моя жизнь, если бы они не погибли. Потом психолог сказал, что нужно уже прекращать думать, но я не могла – они для меня опять стали как живые, я по ночам звала маму. Потом разрешила себе вены, но не до конца, испугалась. Тогда дедушка запретил мне к этому психологу ходить, и я понемногу успокоилась. И все равно у меня было ощущение, что я живу как бы не своей жизнью или не в полную силу. Ну, так, в общем, и было: я работала в хорошей фирме, делала карьеру, но у меня не было друзей и подруг. Личная жизнь тоже не складывалась – я была довольно привлекательна внешне, молодые люди начинали со мной встречаться, но вскоре отношения почему-то сходили на нет. Сказать, что я сильно пыталась их удержать, тоже нельзя...

Я стала сама ходить к психоаналитику и многое поняла. Какие сложные отношения у меня были с отцом и как это на меня влияло. И что, если бы я тогда реально разбилась, была в больнице, на грани жизни и смерти, мне сейчас было бы легче. И то, что родители всегда любили брата больше, чем меня. Но он действительно был ярче и интереснее – всегда смеялся, имел много друзей, талантливо рисовал, сочинял песни. Если бы в той катастрофе погибла я, а он выжил, было бы, наверное, лучше. Он, в отличие от меня, сумел бы создать семью, родить детей, продолжить наш род, родителям (где бы их души сейчас ни находились) это было бы приятно... Я сама понимала, что такие мысли – это тупик, но что еще делать, не знала. Одна коллега, много старше и много умнее меня, однажды вызвала меня на разговор и по его результатам сказала: «Ты живешь не с людьми, а с покойниками. Прекрати немедленно!»

Но как прекратить? Это ведь единственная жизнь, которая у меня есть. Я перестала ходить к психоаналитику, пыталась все забыть, ездила в командировки, занималась спортом, вступала в отношения с мужчинами и даже один раз – с женщиной, но внутри меня от этого мало что изменилось. Наверное, я еще могла бы родить ребенка, но это кажется мне безнравственным, потому что я никому не желаю такой матери – женщины, много лет живущей с покойниками, с которыми она никакими усилиями

не может расстаться...

История вторая

– Понимаю, что так нельзя, что сама все разваливаю и сама же от этого страдаю, но сделать ничего не могу. Помогите, пожалуйста! Я ведь отлично всё вижу: у всех свои проблемы, нельзя на них заикливаться, от этого любой рехнется. Да я уже и рехнулась почти! Никогда в церковь не ходила, а тут пошла, разнюнилась, чуть священнику рясу слезами не замочила. Он сказал: «Да, это за грехи нам, но Бог милостив, надо молиться, поститься, причащаться – станет легче. Всех прощать, не сквернословить, не роптать, смириться»... Я воодушевилась, даже материться и вправду перестала, но муж сказал, что, если я надену платок и стану святошей, вот тут он точно уйдет... А куда я без него? Мне и так снится, что он по улице уходит – ночь, фонарь горит, а я ему вслед из окна смотрю. А иногда он почему-то на лошади уезжает, и копыта так по мостовой цокают: цок, цок, цок... Вот вы знаете, к чему лошади снятся? Какие у меня проблемы? Так мы ж с Ванькой к вам приходили с полгода назад, не помните? Слабоумный он у меня, Ванька-то, в спецшколе учится, в четвертом классе, тогда ни с того ни с сего вдруг драться начал, вот я к вам и пришла. Сейчас полегче стало, да, отец, как вы и велели, стал его с собой на рыбалку брать, мы с ним гулять, в торговые центры ходим. Ну, люди на Ваньку пялятся, конечно, по нему слабоумие-то его заметно. Да я уж привыкла. Мне главное, чтобы муж не ушел – вы ж сами знаете, из семей, где ребенок больной и точно не поправится, мужики чаще всего уходят, я в Интернете читала, да и сама знаю. Я-то волнуюсь, его спрашиваю, а он говорит: «Ты еще спроси, спроси раз сто – тут я вас и брошу». Но я и сама вижу: подумывает, надоело ему, да я и сама себе надоела. А что делать? Мама у меня с онкологией, когда получше, когда похуже. Операцию сделали, врач сказал: «Сердце у нее здоровое, настраивайтесь, организм будет долго бороться». Ну, я переживаю, конечно. Мама же капризная стала от болезни. Так вот я, когда плохое подумаю, потом виню себя: как ты могла, дрянная такая, матери смерти желать?! И сестра у меня, погодка (другие-то, бывает, в детстве дерутся, делят всё, а мы с ней всегда были не разлей вода), так вот у нее теперь муж-алкаш – как чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить жалко. Всё она его лечит да спасает, а он то ей руки целует, то в морду даст. Это жизнь? Я за сестру, бывает, плачу, а бывает, и думаю: «Что ж она все с ним возится и с матерью мне совсем

не помогает, у меня ж Ванька еще»... А потом опять себя виню: у меня-то хоть и несчастья, но все мирно и понятно, а у нее каждый день как на бой. И так жалко сестру становится, просто вот – поверите ли – кусок в горло не лезет. Спать не могу, есть не могу, всё переживаю: то за мать, то за Ваньку, то за нас с мужем, то за сестру...

Сестра моя говорит совсем не то, что поп: «Да плюнь ты, говорит, жизнь одна, у всех свои заморочки, живи, как будто все нормально, развлекайся». Я попробовала, но тоже не могу – что ж я за человек такой, как же я тут развлекаюсь, когда... Неправильно это, я понимаю, но как посмотрю на мать, она там спокойненько носок Ваньке вяжет, а я сразу думаю: «Вот, она умрет скоро». Или на Ваньку взгляну, подумаю, какая его дальше-то жизнь ждет, – и опять слезы... И про мужа тоже. Он хороший мужик, за что же ему моя семейка? Ушел бы, жил нормально, но ведь и я без него одна с двумя детьми и больной матерью пропаду... А тут мне и старшая дочь сказала: «Мама, с тобой невозможно стало, на тебя посмотришь, поговоришь, и сразу настроение портится»... Скажите вот, что же мне теперь с собой сделать? Разве удавиться? Да только кому с этого толк будет?

* * *

Как можно помочь этим женщинам? (напоминаю: один прием для обоих случаев).

Отгадка

Вот как все было с ними дальше.

Мой ход мысли был приблизительно таков: первой, за давностью проблемы, несомненно, нужна либо индивидуальная глубинная психотерапия, либо какая-то групповая деятельность (например, для людей с такими же проблемами или, наоборот, благотворительность по помощи таким же или кому еще хуже – всё это в комментариях предлагали). Но всё это опять отсылает ее к боли (ее собственной или чужой), от которой она никак не может отвязаться и начать жить.

Вторая живет в плотном кругу своих проблем и тоже «отвлечься» от них с помощью хобби, благотворительности, смены имиджа и т. д. никак не сможет.

Первая – одиночка, интеллектуальна и алгоритмична, ей нравятся четкие, понятные методы. В «разговорной» терапии она давно разочаровалась. Вторая – семейственна, эмоциональна и совсем не интеллектуалка, ей ближе нечто типа катарсиса или вообще чуда. Ей, в сущности, понравились рекомендации священника, она готова пойти к экстрасенсу для снятия порчи. Уход в любую общину (включая долговременную групповую психотерапию), несомненно, облегчит ее собственное состояние, но тут же сформирует психологию сектантки, и тогда же уйдет муж (а это ее главный страх).

При этом обе – сильные женщины, способные успешно нести очень большую тяжесть и одновременно радоваться и достигать. Но для этого нужно освободить место, занятое сейчас виной, воспоминаниями, анализом, дурными прогнозами и т. д. Изгнать их страхи, боль и прочее прямо сейчас не представляется возможным. Значит, нужно их подвинуть.

Первой я сказала приблизительно следующее:

– Тот день был преждевременной инициацией. За один день вы повзрослели, и дальше жил уже взрослый человек, поэтому на вас и не подействовали разрушающе все поблажки, предоставляемые миром «несчастной сиротке». Как ни крути, но это ужасное событие – самое яркое и действенное, что было у вас в жизни. Ничего круче потом не было. Это ужасно, но этого нельзя забыть. Так бывает. Часто. Например, тысячи, если не миллионы, людей десятилетиями психологически не возвращаются с войны, на которую они попали в 18–20 лет и где прошли ту самую инициацию. Если вы думаете, что это только про мужчин, ознакомьтесь с биографией поэтессы Юлии Друниной. Итак, вы не вернулись до конца. Давайте примем это. Но уже давно идет другая, мирная жизнь. Ею тоже нужно жить. И мы просто поделим сферы влияния. Я предлагаю: два часа в сутки вы посвятите воспоминаниям, сожалениям и сокрушениям, выстраиванию альтернативной истории и т. д. Боль по погибшим на фронте товарищам; как сложилась бы жизнь, если бы не было войны; не случившаяся из-за войны любовь и всякое такое. Вы понимаете? Два часа. Можете ставить будильник. Сели, налили бокал вина, зажгли свечи, включили военный марш – и время пошло. Все остальное время дня вы гоните всё это метлой в сторону намеченного вами на сегодня срока и живете обычной теперешней жизнью. Это честно и ни для кого не обидно.

Она пришла через неделю и сказала: это трудно.

– А вы что думали: проблеме два десятка лет, и будет легко?! – буквально рывкнула я. – Продолжайте!

Через месяц она светилась:

– Вы знаете, я не верила, делала, потому что просто прилежная от природы, но оно помогает! Я теперь их как будто навещаю в урочные часы, как старенькую тетюшку. Здоровуюсь, рассказываю, как прошел день, что-то спрашиваю, делюсь трудностями. Если они всплывают в другое время, я им говорю: не сейчас, не сейчас, ребята, подождите, вот сяду в машину... Я от дома до работы приблизительно час еду. А если еще пробки, так и больше... Очень удобно. А остальное время – живу, вы представляете, действительно живу! Моя коллега заметила, сказала: не знаю, куда ты их дела, но там им и самое место... Только вот мы собираемся в Таиланд (я заметила «мы», но не стала уточнять) – я заранее волнуюсь: как там?

– Везите с собой в чемоданчике. Изловчитесь и найдите для них время.

– Два часа – это много. Можно меньше? Мне кажется, мне теперь хватит, я научилась.

– Можно меньше, но каждый день.

– Хорошо, спасибо.

Про вторую женщину понятно? Все то же самое. Те же два часа всех жалеть, обо всех переживать, представлять себе ужасы ужасные, молиться Богу, перечислять грехи, каяться и все такое. Остальное время – мама еще жива, Ванька, в общем, приятный, незлой мальчишка, с мужем поболтать, в кино сходить, с дочкой посмеяться, всей семьей – на дачу или на пикник, сестру с сыном – с собой. Алкоголика, когда в ремиссии, – тоже. Если лезут в неурочное время – «ужас-ужасы, подождите до своего срока, придет час, я вас всех приголублю...» Никакой вины, все при деле.

Она вообще-то о чем-то таком и мечтала, еще со времен священника. Всем сказала: мне психотерапевт два часа прописал, чтоб у вас была хорошая жена, дочь и мамочка, так что не лезьте. Они согласились, и сразу легче стало. Потом она мне говорит: «Два часа подряд что-то многовато, приходится заставлять себя думать. Можно я еще в это время чего-нибудь другое поделаю?» Я говорю: «Нельзя! Знаю я вас, дел у вас много – так вы постепенно всё на тормозах спустите, а потом чувство вины – раз! – и вернется. Нельзя. Два часа. Можно на кусочки разбить, разрешаю».

Она меня не послушалась – конечно, русский человек всегда всё наоборот сделает. Но у нее это было не как у первой – навсегда. Осталось потом, именно как прием: «Ага, чувство вины? И вообще – чего это я так распрыгалась, разрадовалась? Забыла, что ли? Здравствуйте, ужас-ужасы, я ваша – на полчаса!»

Вот так получилось. Вдруг кому пригодится?

Не хочу быть взрослым

– Нашему сыну двадцать четыре года по календарю, но у нас с отцом такое впечатление, что ему все еще 14–15... Когда-то (сыну было лет тринадцать) мы посещали вас по направлению невропатолога, нам тогда действительно стало чуть легче находить с ним общий язык. Может быть, вы и теперь нам чем-то поможете? Что нам делать, чтобы он наконец повзрослел?

Медицинской карточки мать не принесла.

«Бедолаги! – подумала я сочувственно. – Наверное, у парня какой-нибудь вариант олигофрении». Я мысленно рассуждала о том, что в двадцать четыре года все ресурсы для компенсации практически исчерпаны... Вероятно, речь идет о том, как им с отцом принять ситуацию. К тому же 14–15 лет (если они не приукрашивают ситуацию) – это не так уж плохо, может быть, окажется возможным даже какой-нибудь простенький вариант трудоустройства...

– Наш сын закончил школу без троек и учится уже во втором институте, – прерывая полет моей мысли, сказала женщина. – Причем учеба везде дается ему чрезвычайно легко. Он совершенно не привык напрягаться, зубрить, просто прилежно работать...

– А почему бросил первый институт? – спросила я, пытаясь срочно перестроиться. – И что за специальности?

– Сказал, что это «не его». Отучился три курса в Электротехническом, теперь учится в Институте киноинженеров, на звукооператора.

– В армию ходил?

– Нет, что вы! Куда ему, такому, в армию! Мы его за взятку «откосили».

– Подрабатывает? Все-таки возраст отнюдь не детский...

– В этом году мы поставили вопрос ребром, попросту «наехали» на него. Он сразу устроился на полставки где-то на кафедре в институте. Работает там три раза в неделю по три часа, получает пять тысяч. Всё.

– Учеба и работа по совокупности не отнимают у вашего сына много времени. Что же он делает все остальное время? – спросила я, ожидая услышать про «проклятый компьютер» и сетевые игры.

Но в этот день моя прозорливость явно отказывалась работать.

– Он с детства увлекается аниме. Смотрит фильмы, рисует. У него много друзей по увлечению, друзья из школы, из обоих институтов, он часто ходит в гости, они где-то собираются, общаются, ездят за город,

ходят в боулинг, играют в бильярд...

– Так сформулируйте: что же все-таки вас на данный момент не устраивает в вашем сыне?

– Время идет, а он не взрослеет!

Наш разговор замкнулся в кольцо.

* * *

– Это просто бред какой-то! – воскликнула ухоженная женщина средних лет, некрасиво скривив губы. – У меня одна дочь, я по полной вложила в ее воспитание и теперь все время думаю: что же я сделала не так?!

– А что, собственно, не так? – почти равнодушно спросила я, зная уже, что дочери сидящей передо мной дамы 25 лет и она уже год как замужем. Поздно дочку воспитывать, уж что выросло, то выросло...

– Мы дали ей прекрасное образование, она два раза стажировалась за границей, училась там, где хотела, и тому, чему хотела. Вот вы в своих книжках все время пишете, как это важно – не препятствовать ребенку найти себя. И что? После окончания колледжа перед ней были все возможности, а она теперь говорит, что за карьерой гонятся только идиоты, которые путают жизнь с таракаными бегами. Делает иногда какие-то «проекты»... Родители мужа купили им квартиру. Мы подарили ей на 25 лет машину. Может, это зря? Пусть бы снимали, как мы с мужем когда-то, комнату в коммуналке, работали до ночи, чтобы ее оплатить и прокормиться? Но это вроде тоже глупо – искусственно создавать сложности, если мы можем себе позволить для единственного ребенка... Но вот у нас и выросла какая-то Митрофанушка, прости Господи! Не хочу учиться, хочу жениться! Иногда мне даже страшно: может, я что-то медицинское пропустила, надо было лечить? Но их там целая компания такая, многие уже поженились-развелись, у некоторых уже и дети есть... Даже внешне: дочь до сих пор даже «на выход» носит какие-то дурацкие бантики и юбочки, ее муж – рваные джинсы...

– А что в этом плохого?

– Они все живут как бабочки-однодневки, не желая замечать сложности этого мира, не принимая ответственности за него... Я мать, мне тревожно за них, за нее...

Два этих случая из моей практики выглядят какими-то «пограничными». Есть ли вообще проблема? Или ее нет, и она попросту придумана тревожными родителями, родившимися и выросшими в решительно другом мире? Происходит или не происходит что-то особенное (плохое или хорошее) с теми молодыми людьми, о которых идет речь выше?

Во время обсуждения этой темы на страницах «Сноба» практически сразу родился термин «неотения» – явление, реально существующее в природе. Неотения биологическая – это особь, которая всю свою жизнь проживает в личиночной стадии, не проходя метаморфоз, то есть ни во что не превращаясь и никак не меняясь. Личинкой может и размножаться. Пример – аксолотль, личинка амфибии амблистомы. Психическая неотения – когда особь вырастает физиологически, получает способность размножаться, но не становится взрослой психически, остается детенышем. Примером могут служить домашние собаки. Благодаря искусственному отбору они на всю жизнь остаются щенками психически. Только это и позволяет человеку реально управлять крупным и опасным хищником. А вот так же управлять волком, даже выращенным в неволе, нельзя. Потому что, хотя у них и общая генетика с собаками, но волк становится взрослым!

У меня дома живут два аксолотля – Асмодей и Аурика, вокруг них первоначально и завязался разговор. А потом вдруг выяснилось, что термин «неотеническая личинка» очень точно описывает поведение некоторых знакомых собеседникам, вполне взрослых биологически людей.

И вот вопросы, которые я хотела бы предложить читателям этой книги:

1)

Существует ли в реальности «психическая неотения» у людей? Сталкивались ли вы с ней в практической жизни?

2)

Является ли она «веянием времени», или, наоборот, это раньше почти все были «личинками», а теперь, начиная с века Просвещения, все больше людей становятся «по-настоящему взрослыми»?

3)

Если есть тенденция к увеличению количества «невырастающих», то опасно ли это для функционирования отдельной личности, семьи, страны?

4)

Можно ли заставить человека «пройти метаморфоз», т. е. стать взрослым? Если да, то как это сделать?

5)

Не кажется ли вам, что современные СМИ и прочие общественные институты «психическую неотению» поощряют и даже культивируют? Если да, то какой в этом смысл для общества? Какова польза?

О ненависти и любви

Мальчишка поудобнее устроился в кресле и улыбнулся мне «социальной», западной улыбкой, навык использования которой все больше проникает в молодое российское поколение.

– Я ненавижу своих родителей, – спокойно сказал он, подумал немного и уточнил: – Мать и отца.

Его заявление меня, разумеется, встревожило, но со стула я отнюдь не упала. Передо мной сидел подросток, а подростки – единственная категория населения, которая часто и охотно оперирует словом «ненавижу». Все прочие понимают, что ненависть – очень сильное, разрушительное и редко встречающееся в человеческой практике чувство. Большинство реально взрослых (задержавшуюся подростковость не рассматриваем) людей европейской цивилизации на вопрос «Ненавидите ли вы что-нибудь или кого-нибудь?» ответят отрицательно или неуверенно пробормочут что-то общепринятое, про нацизм, например. Подросток же вполне может сказать, что он страстно ненавидит манную кашу, попсу, младшего брата, всех, кто убивает животных, и учительницу по черчению.

– Любая ненависть разрушает, – сказала я мальчишке. – С ней трудно, иногда даже невозможно жить. Особенно если это ненависть к близким людям. Ты правильно сделал, что пришел с этим ко мне. Как тебя зовут?

– Арчибальд Аввакумов, – сказал мальчишка.

Каюсь, я не удержалась от улыбки. А вы бы удержались? Арчибальд, разумеется, мою улыбку заметил и кивнул, как будто где-то внутри поставил галочку.

– Как сокращают твое имя? – убрав улыбку, спросила я. – Арчи?

– Нет. Бальд, я сам так решил. Тоже по-дурацки, конечно, но хоть непонятно. Когда мне исполнится шестнадцать, я поменяю имя и фамилию. – Он снова подумал и сказал: – И отчество тоже. Я уже узнавал, это можно по закону.

– Хорошо, но это будет потом. А сейчас мы про твою ненависть все уточним, разберем и обсудим...

– Да вообще-то нечего тут и разбирать, – мальчик отрицательно покачал головой. – Ну ненавижу и ненавижу, так получилось. Я вам не вру, поверьте, – снова социальная улыбка. – Я к вам за справкой пришел.

– За какой справкой?! – оторопела я. – За справкой о том, что ты, Бальд

Аввакумов, ненавидишь своих родителей?!!

– Да, да, именно так! – на этот раз улыбка на лице Бальда была совершенно искренней. Он обрадовался возникшему, как ему показалось, взаимопониманию. А я, напротив, впала в тягостное недоумение.

– А зачем тебе такая справка? Кому ты ее понесешь?

– Ну, если кто попросит...

Кто может попросить у ребенка справку о ненависти к собственным родителям?! Мне становилось все неудобнее. Я уже внимательно приглядывалась к мальчишке, к его мимике, к движениям рук – может, за его внешней воспитанностью я проглядела какую-нибудь психиатрию?

– В суде там или еще где...

Ага! Хоть что-то. Намечается какой-то суд. Стало быть, дело, скорее всего, не в психиатрии.

– Справка для суда. О'кей. А что же я должна была бы в ней написать?

– Ну, что мне с родителями плохо, потому что я их, как я уже сказал, ненавижу, – мальчик объяснял мне всё терпеливо, как воспитатель детского сада объясняет дошколенку. – Что у меня от проживания с ними будет психологическая травма, стресс... или какие-то еще слова – вы, наверное, знаете, как правильно написать.

Так. Я решила, что уж теперь-то мне все ясно. Парень выглядит вполне приличным, но в семье, наверное, какой-то ужас-ужас. Пьянство, наркомания, побои, сексуальное насилие? Раз дело дошло до суда, наверное, хотят лишать родительских прав. Единственное, что непонятно: почему к психологу за психологическим освидетельствованием частным порядком пришел в одиночку четырнадцатилетний мальчишка? Что там себе соответствующие службы думают?!

Есть ли кто-нибудь, кто может взять его под опеку? Или я сейчас должна говорить с ним о детском доме?

– С родителями ты жить не хочешь, это мне понятно, – сказала я. – А с кем же хочешь?

– С папой, конечно, как раньше.

– Так. Ничего не понимаю. Давай все с самого начала. Твоя семья на сегодняшний день – это...

– Папа, я и Ариадна, моя сестра. Но Ариадна теперь уже больше с родителями живет. Она к отцу вроде привыкла.

– Сколько пап в этой истории? – я поставила вопрос ребром. – Детей двое, а мать вроде одна... У вас с Ариадной разные биологические отцы?

– Нет, что вы, один и тот же, – улыбнулся Бальд. – Мы же с ней двойняшки.

– Всю историю – и с самого начала! – потребовала я и сама услышала истерическую нотку в своем голосе. – Итак, четырнадцать лет назад у ваших папы с мамой родились разнояйцевые близнецы, которых называли Арчибальд и Ариадна...

* * *

До определенного момента история семьи казалась мне весьма банальной.

Отец был музыкантом – творческая натура, бывший вундеркинд, бывший маменькин сынок, нерегулярные заработки, никто не понимает, как он талантлив, его мама недолюбливает невестку и подливает масла в огонь («Ты не можешь стирать пеленки, у тебя руки!»). Жена искренне любит мужа, но двое недоношенных, часто болеющих детей требуют круглосуточного ухода. На мужчину (во всех смыслах) у нее ни времени, ни сил просто не остается. И однажды он сказал:

– Я творческий человек, я больше так не могу! Ты не обращаешь на меня внимания, ты не следишь за собой, у нас в квартире все время бардак и воняет. Я должен жить отдельно, я буду приходить, я буду приносить деньги...

Ушел и не вернулся. Через полгода познакомился с девушкой-музыкантом, стал жить с ней вместе. Никаких денег, никаких навещаний детей. Он, видимо, решил: «Лучше для всех, если они меня забудут. Никто (на самом деле, конечно, только он сам!) не будет нервничать, испытывать чувство вины...»

Молодая мать не стала ничего просить и никому ничего доказывать и погрузилась в уход за детьми. Ее родители продали дом в Новгороде, переехали в Питер и помогали по полной программе.

Дети постепенно выправились, поздоровели, пошли в садик. Были спокойными, дружными, дисциплинированными, удобно замкнутыми друг на друге и не требующими особого внимания. Мать вышла на работу и там познакомилась с мужчиной, который полюбил ее и просто «запал» на очаровательных двойняшек – готов был возиться с ними хоть круглые сутки. Дети, естественно, его тоже полюбили, особенно Арчибальд, который после отъезда дедушки обратно в Новгород очень тосковал по «мужской руке».

В новой семье все складывалось хорошо. Всего хватало, никто не повышал голоса, каждый год все вместе ездили в отпуск – сначала

под Новгород, а потом на юг; дети учились вполне прилично и по-прежнему дружили между собой.

Биологический отец двойняшек проявился чуть больше двух лет назад, и совершенно неожиданно. Он написал матери своих детей письмо, которое долго пролежало в почтовом ящике. Потом на дне его обнаружила Ариадна.

«Я негодяй и мерзавец и понимаю это, – писал он. – А ты святая женщина, я помню тебя в ореоле жемчужного света, склонившуюся над детской кроваткой. Я сейчас плач'у по счетам и считаю это справедливым. Не смею навязываться, поэтому пишу письмо – если захочешь, ты сможешь просто выкинуть его и обо всем забыть. Единственное, о чем я тебя прошу, – дай мне перед смертью увидеть детей...»

Женщина решила, что это, конечно, манипуляция, но все-таки позвонила по указанному в письме телефону. Реальность строго соответствовала написанному в письме: ее бывший муж в одиночестве жил на старой семейной даче (его мать умерла, а городскую квартиру он сдавал) и умирал от онкологии.

– Детей я туда не повезу, – сказала она мужу. – Но сама все-таки поеду. Суп вот сварю, котлеты. Мы же люди все-таки...

– Конечно люди! – ответил нынешний муж. – Поезжай.

Что было дальше? Человеческое участие и воспоминания о молодости делают чудеса, кто бы сомневался! Еще облечение, химия – и радостное удивление врачей: «А вы знаете, кажется, ваш муж выкарабкался!» «Да он мне не муж...» – робко пыталась возразить женщина. Кто ее слушал? Трагически похудевший, с горящими от благодарности и вновь дарованной жизни глазами, он был так похож на того человека, которого она когда-то страстно полюбила... Еще дрожащими от слабости, длинными, изящными пальцами при свечах он играл ей мелодии их юности, а сосны грозно шумели за окном старой дачи...

Она попросила прощения у второго мужа. Он понял и простил, но сказал:

– Оставь детей мне. Ведь детям там у вас по-прежнему, как и когда-то, нет места – только ты и он.

– Но я же мать! – возразила женщина. – А ты им даже не биологический отец. Что скажут люди?

Ариадна сначала сдалась на уговоры и слезы матери. А потом и «новый» отец сумел как-то ее очаровать. А вот Арчибальд готов бороться до последнего: «Я лучше в приют пойду, но не к ним».

– А как бы ты хотел? – спросила я. – Чтобы она тогда, не читая, выкинула это письмо в мусор? Или прочла и выкинула?

– Только не говорите мне, что любовь либо есть, либо нет, как лампочка, которая либо горит, либо не горит, – серьезно сказал Арчибальд. – В это верят только девчонки и только до седьмого класса. На самом деле всё много сложнее...

– А как бы ты все-таки хотел?

– Я хотел бы остаться с отцом. А они пусть как хотят.

– Я буду на твоей стороне, Бальд, и дам тебе самую лучшую на свете справку, – сказала я. – Если сейчас ты согласишься говорить со мной о ненависти и любви.

– Я соглашусь, – кивнул Бальд. – Я понимаю, что это важно.

О мечтах

Весной хочется говорить о мечтах.

Вам не кажется, что сейчас, сегодня это слово стало встречаться реже, чем встречалось, допустим, в восьмидесятих годах двадцатого века, и уж тем паче – в веке позапрошлом?

Мне – кажется. И хотелось бы с этим разобраться.

Люди перестают мечтать?

Недавно один молодой человек девятнадцати лет от роду сказал мне:

– Мечтать не нужно. Это бесполезная трата сил и времени. Нужно ставить себе исполнимую цель и добиваться ее. А когда добился, ставить следующую.

– И вот так и жить все время? – несколько растерялась я.

– Да, только так, – уверенно кивнул головой молодой человек (учащийся в институте на маркетолога).

– Кажется, я бы так не хотела... – задумчиво протянула я.

В моем профессиональном арсенале есть диагностическая игра: волшебник и три желания. Это когда я прошу детей или подростков вообразить себе встречу с волшебником и загадать три любых желания, которые он может исполнить с помощью взмаха волшебной палочки. Причем перед началом игры я даю детям понять, что речь идет не о воображаемом походе в супермаркет, а именно о мечтах. «Понимать язык животных», «уметь летать» – все это тоже можно загадать, это же волшебник.

И именно в последние годы обнаружилась вот такая тревожная для меня вещь: всё больше детей на вопрос «Так что бы ты попросил у волшебника?», честно подумав, отвечают: «Ничего. Ничего бы я у него не попросил». В этот момент у нас обоих (и у меня, и у ребенка) резко портится настроение. Мы оба понимаем: что-то не так! Но что?

Может быть, все дело в вещевой и информационной избыточности современного мира? Ведь мы-то в нашем детстве могли мечтать и о фирменных джинсах (которых было не купить в магазинах и которые были слишком дороги у фарцовщиков), и об интересной книжке, про которую только слышали, но никак не могли найти, чтобы прочесть. Абсолютное большинство из нас могли только мечтать о своей собственной комнате, а о поездке в Париж и думать-то могли немногие. Вполне хватало мечты о том, как летом поедem на море – в Прибалтику или в Крым. Может

быть, все дело именно в этом? Мир стал более богатым, разнообразным, и мечты уступили место наступающей со всех сторон реальности общества потребления всего?

А может быть, на мечты у современного человека просто нет времени? Ведь по сравнению с нынешними детьми у нас была просто сенсорная депривация – по телевизору показывали один фильм за вечер, да еще «Спокойной ночи, малыши». Обычные родители никаким специальным развитием детей практически не занимались – и мы занимали себя сами: играми во дворе и дома, чтением, рисованием, разговорами, вполне медитативным наблюдением за окружающим миром, мечтами и фантазиями... Сейчас всё не так. Многие дети заняты программой, тщательно разработанной для них родителями, просто «под завязку». Иногда даже не знаешь, смеяться или плакать.

Бабушка (живет отдельно от семьи дочери, но принимает активное участие в воспитании внуки) и внука десяти лет.

Спрашиваю девочку:

– Что ты любишь делать?

Ответ:

– С бабушкой пирожки печь!

– Замечательно! Печете? – спрашиваю я.

– Нет, всё некогда! – отвечает бабушка.

– Но почему?! Вы же забираете внука из школы и... Не может быть, чтобы в третьем классе задавали столько уроков!

– Да я ее только покормить успеваю – и сразу на хоккей!

– На хоккей?!

– Да. Она у нас пять раз в неделю занимается. Дочка говорит: серьезные занятия спортом приучают к дисциплине и тренера этого все ее знакомые хвалят...

Какие уж тут мечты, если ребенок вместе с родителями годами мечется между серьезной школой, полезными кружками, приготовлением уроков (которых в серьезной школе просто не может быть мало) и репетиторами, которые ему в этом помогают!

А потом он поступает в институт учиться на маркетолога, потом становится этим самым маркетологом и, как мой знакомый юноша, уже не мечтает, а просто ставит цели...

Но, может быть, мечты и вправду в современном мире не особо нужны даже детям, только вступающим в жизнь? Время пустых мечтаний прошло? Оставим их древним героям, тургеневским барышням, темным аллеям... И будем жить в реальном мире! С реальными целями и задачами.

Но меня все равно снедают сомнения: ведь детские и юношеские мечты – это, в конце концов, не что иное, как построение личного перспективного плана с захватом воображением новых, волшебных горизонтов... Где бы мы сейчас были, если бы много тысячелетий назад кто-то из наших предков не мечтал, завернувшись в вонючую шкуру, в холодной сырой пещере? Если дети перестанут мечтать о космических просторах, что будет с нами завтра?

Скажите, читатель, а вы помните свои детские мечты? А сейчас вы мечтаете? Мечтают ли ваши дети и внуки? И если да, то о чем?

* * *

И хочется рассказать еще одну историю о волшебных желаниях из моего собственного детства, о которой я, кажется, когда-то уже упоминала в комментах на «Снобе». Но уж больно она сегодня «на злобу дня», поэтому не удержусь.

Мечтают чаще весной, но звезды чаще падают осенью (это время, когда земля проходит через метеорные потоки). В моем детстве все знали: пока звезда падает, надо успеть загадать желание, и тогда оно наверняка сбудется.

Мне было 11 лет, и мы с моим дворовым другом Гришкой собирали желуди в Невском лесопарке на берегу Невы (они были нужны мне для поделок, и Гришка, как более старший – ему было 13, – согласился меня туда отвезти). Осенью в Ленинграде темнеет очень рано (оборотная сторона знаменитых белых ночей). Мы с полными карманами упругих прохладных желудей шли по парку к автобусной остановке, чтобы ехать домой. С темно-синего неба то и дело падали в Неву золотые звезды.

– Ты желание загадала? – спросил Гришка.

– Да я никак не успеваю, – пожаловалась я. – Я только начинаю говорить, а она уже упала...

– Надо короткое желание, тогда успеешь, – сказал Гришка.

– А какое – короткое?

– Миру – мир! Короткое и самое важное. Чтобы не было войны. Разве ты не знаешь?

– Миру – мир! Точно! – обрадовалась я, остановилась среди темных, влажно шевелящихся дубов, стиснула рукой Гришкину ладонь, задрала голову к звездному небу и, дождавшись стремительного росчерка, убедилась: действительно успеваю! – Спасибо, Гришка!

– Да не за что, – снисходительно откликнулся он. – Все так делают...

Много лет спустя я рассказала эту историю своему мужу:

– Я потом еще многих этому научила, в классе, в пионерском лагере и везде... А у вас так загадывали?

– Я плохо помню, но, кажется, что-то такое действительно было, – ответил он и улыбнулся. – Но зато я теперь наверняка знаю, почему тогда не случилось атомной войны, которой все боялись. Представляешь: миллионы детей смотрят на небо и загадывают на падающие звезды: миру – мир! Оно просто должно было сбыться!

* * *

Пожалуйста, все, кто может, и все, кто еще верит в доброе волшебство мироздания: посмотрите на небо этим вечером, дождитесь падающей звезды (или хотя бы пролетающего спутника или самолета) и загадайте: МИРУ – МИР!

Сегодня это опять очень актуально.

Обычная жизнь

Внимательно рассмотрев двух сидящих передо мной женщин, я решила, что они незамужние сестры, выращенные матерью-одиночкой. Я ошиблась – они оказались лесбийской парой.

– Но дело совершенно не в этом! – решительно сказала старшая из них, рубанув воздух жесткой на вид ладонью с круглыми, коротко подстриженными ногтями.

«Вы так уверены?» – подумала я, но, конечно, промолчала.

– Мы читаем вас на «Снобе», и все это должно остаться между нами, – продолжала женщина.

– Простите, – удивилась я. – Вы скрываете от кого-то факт чтения вами сайта «Сноб»? Или речь идет о ваших личных взаимоотношениях?

– Нет! – женщина досадливо потрясла головой. – Ни то ни другое. Я имела в виду, что то, что мы вам сейчас расскажем...

– Ну это же само собой разумеется... – я изобразила тень обиды («Да как вы могли подумать!...»), и на подвижном лице младшей она тут же отразилась тенью вины («Ах, простите мою подругу, она вовсе не сомневается в вашем профессионализме...»).

Я понадеялась, что сейчас младшая вступит в беседу, но опять ошиблась. Продолжала старшая, назвавшаяся Викторией:

– У нас трое детей. Двоих родила Надя в предыдущем браке – Ире сейчас 14 лет, а Владiku семь с половиной... – она замолчала, покусывая нижнюю губу, и я отчетливо поняла, что проблема, с которой они ко мне пришли, кроется не в Ире и Владике, а в ее собственном ребенке. И именно поэтому молчит Надя.

– А третий ребенок? Его родили вы? – я использовала ее формулу и опять попала впросак.

– Нет. Мой Сережа – приемный.

Я отметила слово «мой» и уточнила:

– Вы усыновили Сережу до того, как встретились с Надей?

– Да.

Виктория опять замолчала, и всю дальнейшую информацию я из нее вытаскивала и собирала буквально по крохам. Надя нам не помогла ни одной репликой, но всей невербалкой демонстрировала активное сочувствие обеим.

Виктория приехала в Ленинград из небольшого таежного поселка.

Пробивалась сама, работала, потом через систему рабфаков поступила в институт и получила хорошее инженерное образование. Почти двадцать лет прожила в разных общежитиях, потом наконец получила свою собственную большую комнату в коммуналке в центре. Личной жизни как таковой у нее не было, мужчины раздражали еще со времени жизни в родном поселке. Хотя за время общежитной жизни и случались какие-то эпизоды интима (в основном по пьяни), но они ничего не затрагивали внутри и моментально забывались. Виктория не придавала всему этому значения и не видела никакого своего отличия от других (поселковое детство и молодость в общежитиях не способствовали формированию любовных грез практически у всех ее однокашников независимо от пола, а словосочетание «большая и чистая любовь» числилось в их среде издевательски-ругательным). Но, обрета собственное жилье, женщина вплотную задумалась о ребенке – в жизни должен быть хоть какой-то смысл. Случайное пьяное зачатие отмела сразу. Романов по-прежнему не намечалось. Репродуктивные технологии были где-то далеко и вызывали неотчетливую брезгливость. Оставалось усыновление.

Возраст, работа и собственные склонности – к младенцам как-то не тянуло. Коллега по работе, с которой делилась планами, сказала: «Вика, ты права. Ты очень сильная и умная, но жесткая и неласковая, а малышу или малышке обязательно нужна ласка. Почему бы тебе не взять уже мальчишку побольше и построптивее, у которого мало шансов, что его кто-то возьмет в семью. Одну душу спасти и в жизнь вывести – большое дело».

Она даже не знала, что так бывает: когда она уже «положила глаз» на Сережу, ее стали отговаривать. Причем не какие-то чиновники, а прямо персонал – отзывали в сторонку и говорили, что мальчишка лживый и вконец испорченный, что он со дня, как появился в детдоме, издевается над другими детьми, что без «мужской руки» она точно не сможет с ним справиться... «Вконец испорченному» Сереже скоро должно было исполниться десять лет. «Возьмите лучше Любочку, – подсовывала любимицу сердобольная воспитательница. – Она чуть-чуть отстаёт, но зато поет как хорошо, ее можно музыке учить, и помогать так любит...»

Сережа смотрел исподлобья. Родом из такого же почти поселка, как и сама Виктория. Мать лишена родительских прав. В детдоме с восьми лет. Чего навидался до того – бог весть. Его не спрашивали, а он не рассказывал.

– Ну что, наговорили тебе про меня? Ясное дело, ты меня теперь к себе не возьмешь...

Ловил «на слабо»?

Поймал.

Дома не было почти никаких проблем, ибо требования Виктории были четкими и недвусмысленными. Утром Сережа застилал кровать, делал зарядку, обливался холодной водой, завтракал вместе с матерью, с ней же шел до школы, после продленки делал уроки, потом получал игровую приставку; вечером они вдвоем (или втроем с соседкой) с удовольствием играли в настольные игры на деньги (Виктория один раз дала приемному сыну сто рублей мелкими монетами, и с тех пор он ни разу не проигрался и только приумножал свой капитал). В выходные ходили в зоопарк, в музеи или ездили за город. Сережа охотно помогал Виктории по дому, быстро научился готовить несложные блюда и даже без понуканий мыл в очередь огромный коммунальный коридор.

В школе же с самого начала образовался кошмар кошмарыч. Сережа воровал в раздевалке, дрался, вымогал деньги у малышей, дерзил старшим детям и учителям (всем, кроме основной учительницы). Родители написали директору петицию, чтобы его убрали из класса и отдали в школу с ЗПР, к дефективным, где ему самое и место. Виктория и учительница решили бороться. Медико-психологическая комиссия подтвердила: развитие по возрасту, никакого ЗПР нет и в помине.

Виктория сказала: давай, дружок, выходи с малой сцены на большую дорогу. Где угодно, но не в школе. Заберу с продленки, буду выпускать тебя на улицу. Хочешь стать бандитом? Дерзай! А я буду возить тебе передачи в колонию. Но это можно было и после детдома, по статистике. У меня, если честно, были на тебя другие планы. Но девять классов пригодятся даже в колонии.

– О'кей, мама, я подумаю над этим, – сказал Сережа и действительно ушел на улицу. Там быстро нашел себе компанию и организовал устраивающее его времяпрепровождение. В школе стало много легче: отсиживал уроки, учился на тройки, но и четверки с пятерками попадались.

Тем временем Виктория поменяла работу – с повышением по должности, на большую зарплату. И в новой конторе, в бухгалтерии повстречала Надю...

* * *

– Мы вместе уже два года, Сереже на днях исполнится тринадцать, но он так и не смирился. Надю игнорирует, знает, что будет с моей стороны, если попробует ее тронуть. Терроризирует названных сестру

и брата – Владика просто бьет, а над Ирой исподтишка издевается, она плачет, у нее обострились гастрит и экзема, но она даже не решается нам пересказать, что он ей говорит, – видимо, какие-то уж совсем запредельные гнусности...

– Что ж, приводите Сережу. Говорить буду с ним, без вас.

– Но он провоцирует, вы это учтите, – я даже вздрогнула, впервые услышав голос Нади.

– В каком смысле?

– Мы уже водили его к психологам, – объяснила Виктория. – Он молчит, смотрит в окно, может на пол лечь, может матом выругаться...

– Переживу как-нибудь, – вздохнула я.

* * *

Вести должен взрослый, в этом я всегда была уверена. Это правильно. У меня есть способ установления контакта с негативно настроенными детьми: я рассказываю об экспедициях, о том, как работала в цирке и зоопарке. Я хороший рассказчик, подросткам обычно интересно. Но Сереже было все равно, его не цепляло. Он не ругался матом, просто откровенно скучал.

– Знаешь, тут слишком много всего, в чем я, в общем-то, не разбираюсь, – честно призналась я в конце концов. – Жизнь в поселке, жизнь в детдоме, да еще и жизнь в лесбийской семье... Что я про все это знаю? Ничего! Несмотря на все экзотические примочки, у меня-то самой была самая обычная жизнь. Мои дети – восьмое поколение ленинградцев-петербуржцев, мы никуда не переезжали, все занимались самыми обычными вещами, работали врачами, инженерами, учителями...

– А сколько у вас детей? – вдруг, словно проснувшись, спросил Сережа.

– Двое.

– А квартира у вас какая?

– Трехкомнатная.

– А обои какого цвета? А муж у вас есть? А собака? А что ваши дети любили есть, когда маленькие были? А между собой они дрались?

Я отвечала, ничего не понимая: это что, уже начались «провокации», о которых меня предупреждали? Не похоже...

В конце визита я пригласила Викторию и при ней спросила Сережу:

– Ты еще придешь?

– Да, – ответил он.

Мы с Викторией обменялись одинаково изумленными взглядами.

* * *

Дальше было странное. Сережа, сильный, умный и жесткий подросток, вел наши сеансы. В основном я рассказывала о жизни своей семьи, начиная с XVIII века (откуда сохранилось предание); даже по его просьбе принесла и показала фотографии – он рассматривал их долго и внимательно. О его семьях (родной и приемной) не говорили ни разу. Все мои попытки он жестко блокировал. Я продолжала эту странную игру, потому что Виктория давала обратную связь: дома стало легче, даже Ира это признала. И Надя чуть-чуть расслабилась.

– Но чего же он от меня хочет? – непрофессионально спросила я у Виктории.

– Я спрашивала его: что вы там делаете? Он сказал: говорим о самом обычном.

И вот тут я догадалась: Сережа, с его неоднократно и трагически разорванной биографией, с моей помощью строил для себя «точку отсчета»! Ухватившись за мои слова, он хотел разобраться, что такое «обычное» и от чего ему самому следует отталкиваться в своих оценках происходящего вокруг.

На следующей встрече я озвучила свою гипотезу. Сережа надолго задумался, потом неуверенно кивнул: может быть...

«Наверняка!» – подумала я, потому что именно с этого момента он стал рассказывать о себе. Местами его рассказы были черны настолько, что у меня перехватывало дыхание: не должно быть *такого* опыта у десятилетнего ребенка! Но он-то видел все это как *норму* человеческого существования...

– Виктория! – сказала я однажды. – Без вас тут не обойтись. Понимаю, как вам это будет трудно, но тем не менее: вы должны рассказать Сереже вашу собственную историю чувств – от депрессивного поселка, через нравы рабочих общежитий, к поиску и наконец обретению любви. Ничего не приукрашивайте, его собственный опыт таков, что... Надо, Вика, надо! – и я, как она сама делает, рубанула воздух ладонью, отменяя все возражения.

* * *

Виктория не смогла. Рассказывала эмпатка Надя по подготовленному Викторией тексту, добавляя от себя и время от времени заливаясь слезами. Сережа слушал хмуро и сразу по окончании, ничего не сказав, ушел на улицу.

На следующий день Виктория и Надя с утра стояли у меня под дверьми:

– Он сказал: «Верните меня в детдом, вам всем без меня только лучше будет».

– Знаете, что ответить? – спросила я у Виктории.

– Не верну! – застоявшийся поликлинический воздух шевельнулся от движения пронесшейся мимо ладони.

– Надя?

– Надо ответить так: «Моя первая любовь – это ты, Сережа. Именно ты научил меня любить. Я никогда не предаю тебя».

Я могла только кивнуть.

Памяти товарища Сухова

– Проблема у нас такая: она плачет все время, как мы куда-нибудь приходим, – сказала молодая и очень красивая узбечка по имени Гузаль.

Ее дочь Бахмал, которой уже скоро должно было исполниться три года, спокойно обходила кругом мой кабинет, рассматривая игрушки.

– Ну вот, вы же ко мне пришли, а она не плачет, – заметила я.

– Бывает... – сказала мать.

При этом девочка не ответила ни на один мой вопрос, а разрешение взять игрушку спрашивала жестом или нечленораздельным бормотанием.

– Бахмал вообще разговаривает?

– Почти нет. Несколько слов говорит – «мама», «папа», «пить»...

– На каком языке говорят в семье? На каком языке говорят с Бахмал?

Гузаль говорила по-русски с акцентом, но согласовывала слова и строила предложения практически без ошибок.

– На русском, только на русском. Муж вообще узбекского не знает.

– А вы?

– Я знаю, конечно, – обаятельная улыбка.

– Я имела в виду: на каком языке вы говорите с дочерью?

– Тоже на русском. Только песенки иногда на узбекском пою.

– Когда вы приехали в Санкт-Петербург?

– Четыре года назад, чуть больше. Бахмал здесь родилась.

– Расскажите подробнее, как родилась и развивалась Бахмал и что вас сейчас беспокоит. И дайте мне карточку...

Беременность и роды без патологий. Невропатолог ставит девочке 1 группу здоровья (что сейчас, если честно, редкость). Мать молода и тоже здорова, выросла в поселке (ауле?) где-то под Хивой. Сейчас семья полная: мама, папа, бабушка, дедушка (со стороны отца). Бахмал все обожают. При всем этом у девочки сильная задержка развития речи и очень странное социальное поведение. До самых недавних пор у нее начиналась истерика даже при входе в автобус. Она часто отказывается заходить в магазин, и ее приходится тащить. В поликлинике она не позволяет врачам до себя дотронуться. Если совсем расстраивается и боится, может сама вызвать у себя рвоту. Никуда не отпускает от себя мать. Пробовали отдать ее в ясли, там она месяц сидела в углу и плакала, ничего не ела и не давала никому себя успокоить. В конце концов бабушка с дедушкой велели невестке не мучить ребенка и оставить Бахмал дома. Воспитатели в яслях

в принципе это решение поддерживали.

– А как Бахмал ведет себя дома?

– Когда мы с ней вдвоем, все в порядке, – говорит Гузаль. – Она меня слушается, может сама поиграть, поесть, раздеться. А как бабушка с дедушкой придут – все плохо! Кормить – только с ложки, если что-то не дать – падает и кричит.

– Бабушка с дедушкой сразу дают?

– Конечно. Говорят: «Она маленькая, не понимает еще, начнет говорить, тогда уж...»

– А она всё не начинает и не начинает... – пробормотала я в раздумье.

Уже понятнее, но все равно противоречивого поведения родственников при отсутствии неврологии мало для всего букета симптомов. Есть что-то еще, что от меня пока ускользает. Не все симптомы Бахмал принадлежат ей. Но кому?

– Гузаль, а вы пытались выработать какую-нибудь общую воспитательную стратегию со своими старшими родственниками? Ведь для ребенка вредно...

– Нельзя, никак. Они меня слушать не будут.

– А на чьей стороне муж?

– На стороне телевизора. Как придет с работы, так туда. А вообще – как мама с папой сказали...

– Но это же ваша семья. Вы же могли бы поговорить с ним отдельно, объяснить ему. Когда вы идете куда-нибудь вместе...

– Мы не ходим никуда. Один раз за три года в кино были. Родители говорят: «Зачем деньги тратить?»

– Гм... Но вы могли бы и сами постараться. Ведь когда-то, до рождения Бахмал, вы понимали друг друга. Вспомните то время, когда он за вами ухаживал...

– Не было того.

– Как это не было?!

– Они тут, в Петербурге, давно живут. Тридцать лет уже. А женить сына на родину повезли. За месяц всё – приехали, узнали, и свадьба была. Потом сюда уехали.

Вот оно, оказывается, как. Достаточно преуспевшие, по меркам земляков, давно закрепившиеся в северной столице узбеки решили, что пора женить сына. Поехали на родину, выбрали и купили себе там красивую, умную, образованную, воспитанную и здоровую невестку. Привезли сюда. Здесь она живет по сути на положении инкубатора для наследников, няньки и домработницы. Сразу, как забеременела,

родители сына отселили ее спать в отдельную комнату – нечего, все важное уже случилось, вдруг ребенку повредит? Сын подчинился. Зарабатывают в семье сын и отец. Женщинам выдают деньги строго на хозяйство. Сходить с дочкой в зоопарк считают баловством, «да и она в метро будет плакать, зачем?»»

– Гузаль, как вы учились в школе, в техникуме, там, под Хивой?

– Я отличница была, самая веселая в нашем классе, много друзей, все меня любили.

– А что вы теперь чувствуете, когда стоите перед свекром и свекровью и не можете ничего сделать?

– Меня тошнит.

Ага. Вот теперь все симптомы проявились.

– Приведите ко мне бабушку Бахмал. Чтобы пришла, скажите так: психолог хочет говорить с главной женщиной в семье.

* * *

Бабушку звали Адолат, что в переводе с узбекского означает «справедливость». Она с ходу пошла в наступление:

– Небось невестка вам жаловалась на меня, да? Гулять не даю, на ребенка кричать не даю, по дому всю работу проверяю. Вы скажете: ваши традиции здесь не работают, надо по здешнему порядку жить, надо самостоятельность дать, пусть гуляет где хочет, пусть старших не слушает, мужа не слушает, пусть спит допоздна, пусть на дочку кричит...

– Помилуйте! – я подняла руки ладонями к собеседнице. – Я что, похожа на товарища Сухова или председателя Общества освобождения женщин Востока? Вы совершили всего одну ошибку, но ее уже не исправишь.

– Какую это ошибку? – подозрительно спросила Адолат.

– На рынке провинциальных узбекских невест вы, столичные жители из России, могли выбирать. Понятно, что вы выбрали лучшее. Но здесь и таилась ловушка. Вы приобрели для себя и своего сына *слишком* красивую, умную и самостоятельно мыслящую девушку. Для ваших целей надо было брать что-нибудь понежнее. Сейчас Гузаль бьется о прутья клетки, а страдает развитие вашей внучки.

Адолат надолго задумалась.

– И что же теперь? – спросила она.

– Вы старше и умнее, – сказала я. – Вам и придется всё налаживать.

Знаете, как лишнюю воду при поливе отводят?

– Конечно. Еще один арык открыть надо.

– Ну вот. Отведете от внучки ее злость, напряг, разочарование. Отправите невестку на какие-нибудь курсы, медицинские или педагогические, чтобы полезно было. Потом, когда Бахмал подрастет, – на работу. Можно прямо в садик, в школу, чтоб за детьми (будут же еще?) присматривала. И еще: раз в неделю – в кино, в театр или в музей, под присмотром вашего сына, конечно, – вы же видите, какая она красавица, а у нас сейчас в городе неженатых гастарбайтеров пруд пруди, так что, сами понимаете...

– А Бахмал как же?

– А вы-то на что? Годик уж еще помучаетесь, а потом – в садик, ей ведь нужно социализироваться. А сейчас отдельными тройками (вы, ваш муж, Бахмал; мать, отец, дочь) возите ее в наши парки – это для нее менее травматично, чем закрытые помещения, пусть постепенно привыкает. Два раза в месяц – обязательно, как лекарство, лучше чаще. Каждый месяц будете приходить ко мне вместе с Бахмал, отчитываться о проделанной работе.

– Я буду приходить?

– Конечно вы. Мне нужно разговаривать с тем, кто решает. Сейчас позовите мне Гузаль на десять минут, я ей скажу, как карточки сделать для развития речи у дочери.

С Гузаль мы в основном говорили об ее отношениях с мужем. Что ж, могло быть и хуже: ей достался вполне добродушный, спокойный и неглупый экземпляр. Есть с чем работать. Про карточки я велела ей прочесть в Интернете.

* * *

– Здравствуйте, тетя! – сказала мне Бахмал через три месяца, входя в мой кабинет. – Как поживаете? Можно ту куклу взять?

– Конечно, можно, зайчик! – я так и расплылась в улыбке. – Какой прогресс в речи! Адолат, да вы просто волшебница!

– Тогда хватит, может? – хитренько глядя, спросила практичная Адолат. – А то какой расход! Им, вишь, понравилось везде ходить-бродить...

– Нет-нет, ни в коем случае не прекращать! – воскликнула я. – Бахмал еще как минимум год нужно нагонять сверстников в речи

и социализации...

«А потом уж пусть Гузаль сама крутится как хочет», – подумала я.
Почему-то мне кажется, что она справится.

Плохой человек

Девочка пришла ко мне в конце вечернего приема. Тогда, я помню, на дворе стояла мокрая желтолапая осень, запах холодной воды и увядающих кленовых листьев заползал в приоткрытое окно, и фонарь светил сквозь уцелевшую листву.

На ней была клетчатая юбка из дешевой шотландки и грубоватые осенние туфли. Она сняла их в предбаннике и прошла в кабинет в шерстяных колготках, осторожно ступая по ковру (бахил тогда еще не было, а тапки она с собой не принесла).

Села на стул, сложила узкие кисти лодочкой в подоле, склонила голову на бок и сказала:

– Меня зовут Маргарита. Понимаете, я очень плохой человек.

– А давай-ка пока не будем вешать ярлыки. Расскажи мне сначала, почему ты так решила. Или это решил кто-то другой?

– Нет, нет, я сама, в том-то и дело, – покачала головой Маргарита. – Если бы кто-то другой, так я еще могла бы не согласиться...

– Но почему? Когда и как ты пришла к такому выводу?

Как психолог, я честно приготовилась бороться с этим Маргаритиным неконструктивом. Я недавно закончила психологический факультет университета. Там меня учили, что человек должен принимать и даже любить себя. Только тогда у него получится все остальное. Я даже прошла несколько тренингов, в процессе которых это самое «принятие» должно было сформироваться. Но до сих пор мне в работе все больше встречались люди, которые «не принимали» других, например, своих родителей, или детей, или учителей в школе, а себя считали, на американский манер, вполне ок.

И вот Маргарита...

– У меня умерла прабабушка, – грустно сказала девочка. – Когда я была маленькой, она рассказывала мне сказки и вязала полосатые шерстяные чулочки. Я ее очень любила. По крайней мере, все (и я сама) так думали. И вот, когда она уже умирала (и я это знала), я вдруг поймала себя на том, что я думаю о том, что скоро освободится комната, и мне, может быть, ее отдадут, и, раз прабабушки не будет, ей уже днем никто не будет мешать, и я смогу привести подружек, и еще о других... выгодах ее смерти, иначе я даже и сказать не могу... Когда бабуля умерла, я сильно плакала, и все думали, что по ней, а на самом деле я плакала... по себе... вы

понимаете?

В этом месте я наверняка должна была подать какую-то важную психотерапевтическую реплику, но у меня почему-то не нашлось слов, и я просто кивнула.

– Я с детства очень люблю читать и читаю много. И классику, и современную литературу, и вот сейчас стала – фантастику, фэнтези. Наверное, можно сказать, что я представляю себе, как человек устроен изнутри, – по книгам, ведь к живым-то людям внутрь не заглянешь. И вот после смерти бабули я, может быть, впервые стала думать о себе, какая я, сравнивать, и поняла...

Я уже знала, что она скажет дальше, и по спине у меня пробежал холодок. Послать Маргариту на тренинг «принятия себя»? Но я-то знаю, что это не поможет...

– Я поняла, что почти никогда не радуюсь по-настоящему успехам своих друзей. Я лицемерю, говорю: «Как здорово! Как красиво! Какая удача!» – но сама так не думаю. Больше того – я испытываю что-то вроде удовлетворения, когда у них что-нибудь не получается. Я не жалею своих родителей и, в общем, не люблю младшего брата, хотя вот его мне иногда действительно бывает жалко – когда он, например, упадет и коленку разобьет. Но когда он был совсем маленький и мешал мне, а родители требовали, чтобы я с ним играла, я хотела, чтобы его совсем не было, и даже представляла себе это. Больше всех мне жалко кошку и вообще животных, даже засохшую осу между рамами, что, конечно, неправильно.

– Послушай, Маргарита, но ведь животные в нашем мире более беззащитны, и это...

– Нет! – Маргарита сделала отрицательный жест рукой. – Я давно думаю ужасные вещи и делаю неприличные. Я иногда делаю гадости просто так, нипочему. Я много вру. Не фантазирую, как маленькие дети (хотя это я тоже умею), а именно вру – ради своей выгоды, чтобы что-то скрыть или показаться кому-нибудь получше и поинтересней. Я очень злопамятная, а если обычно не мщу за обиды, так это потому, что труслива и еще мне лень. Большую часть времени я не делаю ничего стоящего. Я могла бы что-то узнать, чему-то научиться, но я этого не делаю, зато уже научилась притворяться, что в чем-то разбираюсь лучше других. Я просто не отдавала себе в этом отчет. А тут вот поразмыслила как следует и поняла, что во мне вообще нет ничего, что определяет достойного, порядочного человека. Ни чести, ни совести, ни милосердия... И я вдруг подумала: а что, если все люди внутри такие же, как я, и всё вокруг (и в книжках тоже) вранье? Ведь про меня тоже все думают, что я тихая,

скромная девочка... Я очень, очень испугалась, даже есть два дня не могла, мама уже хотела меня к врачу вести. Но я набралась храбрости и спросила сначала у подружек, а потом у родителей...

– И что же они тебе ответили? – мне было очень интересно.

– Они сказали, что с ними-то все в порядке, что они – хорошие и всегда хотят и стараются поступать правильно и хорошо. Бывает, конечно, что у них не получается, но это тогда обстоятельства...

Я, не удержавшись, рассмеялась.

– И ничего смешного, – сказала Маргарита. – Я очень обрадовалась. Потому что печально, конечно, что я получилась такая плохая, но если бы все были такие, то осталось бы просто пойти и повеситься...

– А вот этого не надо! – запротестовала я.

– Да нет, я не собираюсь, – заверила меня Маргарита. – Я ведь к вам зачем пришла-то?..

– Ты, наверное, хочешь измениться?

Призрак тренинга все еще несколько тревожил мое воображение.

– Да нет, я же понимаю, что я уж какая получилась. Кто меня теперь изменит? Мне интересно, почему? И как это все остальные получились другими?

– Ты, по крайней мере, получилась честной и отважной, – сказала я ей. – В твоём возрасте и положении я, например, ни разу не решилась ни у кого такого спросить. Ни у друзей, ни, уж тем более, у родителей или психолога. Так и осталась со своим открытием...

– И вы тоже?! – серые глаза Маргариты распахнулись от удивления.

– И я. Редко кто умел врать так изощренно, как я. И редко кто из моих сверстников умел так ударить словом. И, когда меня все-таки настиг раж самопознания, я легко отыскала в своей душе все известные мне пороки, но не нашла ни одной регулярно действующей добродетели, кроме все той же любви к животным. Но к тому времени я уже давно решила, что буду биологом, и здесь все сходилось. Относительно же прочего я некоторое время считала себя выродком, а потом, поработав с литературой (я тоже любила читать), помнится, решила, что я циник, и немного успокоилась этим определением. Логика, кажется, была строго математическая: если есть термин, значит, есть и группа...

– А потом? – замороженно спросила Маргарита.

– Потом я выросла, стала, как и собиралась, биологом... – я усмехнулась. – В процессе взросления, создания семьи и прочего узнала о существовании новых человеческих недостатков и благополучно обнаружила все их у себя...

– И вы так жили и практически ничем от других людей не отличались?

– Да вроде ничем особенным... Может быть, чуть меньше других люблю рассказывать о своих достоинствах...

– Я тоже не люблю! – воскликнула Маргарита. – Мне это кажется смешно или глупо! Как у Джерома К. Джерома, помните, когда Гаррис, судя по его рассказам, не страдал от качки?

– Да! – подхватила я. – Во время шторма все умирали, и на ногах всегда оставались только капитан и Гаррис, или Гаррис и помощник капитана, или только Гаррис...

Мы вместе засмеялись – «книжные девочки», бывшая и действующая, вполне понимающие друг друга.

А потом она ушла по совершенно пустому гулкому коридору вечерней поликлиники, а я смотрела ей вслед. В двери, ведущей на лестницу, Маргарита обернулась:

– Вы знаете, я ведь вам не соврала насчет «всех». Я правда рада, что все вокруг не такие. Но мне все равно немного легче, что нас с вами по крайней мере двое...

– А то! – я подмигнула ей и закрыла дверь кабинета.

Выключила лампу, села в кресло и еще долго смотрела в окно на фонарь, который светил и светил сквозь осеннюю листву.

Преступление и наказание

Мальчишка смотрел в пол, на вопросы отвечал односложно. Общаться не хотел, несмотря на все мои ухищрения. Отец, которого, как и сына, явно притащили к психологу насильно, вел себя аналогично. Фактически говорила за троих одна мать. И в голосе, и в словах ее, сквозь напористость и возмущение, отчетливо слышалась растерянность.

Что-то такое у них происходит? Не понять ничего. И с чего началось – тоже не понять. Подростковый кризис у тринадцатилетнего сына? Ну да, может быть... Но вот дочка у них росла, она сейчас взрослая уже, своим домом живет, так ведь ничего же такого, хоть и бывало, ответит там, дверью хлопнет: «Вы меня не понимаете!», но не так, понимаете, не так, она, конечно, характер показывала, но не давило это, вот что! У всех по-разному бывает? Ну да, да... А когда ж это кончится? Так же ведь жить невозможно... Что такое «это»? Да вот на языке вертится, да никак не схватить. Не писатель она и не говорун из телевизора – маляр-штукатур, бригадир. А муж – мастер на заводе, он, правда, и в институте когда-то учился, но как разговаривает – сами видите. И сын... да он вот еще недавно все рассказывал, как придет из школы и начинает – не остановить, бывало, мы с отцом смеялись даже: как миксером слова мелет, – а вот теперь замкнулся, не понять с чего. В учебе съехал. И муж тоже – то нормально с ним, то вдруг как заорет ни с того ни с сего. Раньше-то они много времени проводили, и на рыбалку, и в гараже, а теперь... Я спрашиваю их, почему так, а они оба молчат. Я мужа специально сюда привела, меня-то он не слушает, так хоть вы ему скажите: нельзя так, он же взрослый мужик, а у мальчишки сложный возраст... Он уже, глядите, и чесаться начал, прыщи ковыряет, туда инфекция попала, вздулось, даже вот резать пришлось, живот у него то и дело болит, тут вот как-то на сердце пожаловался, я вообще забеспокоилась, у меня мама от сердца умерла... Давит, давит что-то, все это чувствуют, даже дочка, когда в гости приходит, а не словить никак, не рассмотреть поближе... Может, хоть вы разберетесь?

К окончанию материнского монолога у меня было две рабочих гипотезы. Первая, уже озвученная, – подростковые проблемы у мальчика Вани. Ощущаемая всеми тяжесть могла объясняться какими-то неизвестными семье запутками мальчика – денежные долги, затяжной конфликт со сверстниками, запущенная учеба, какой-то криминал, самое страшное, конечно, – наркотики. Все это объясняло внезапную замкнутость прежде

общительного подростка, его проблемы со здоровьем и учебой и в какой-то степени его ухудшившиеся отношения с отцом.

Вторая гипотеза касалась уже отца семейства Ивана. У него серьезный роман на стороне. Возможно, он даже подумывает об уходе из семьи. А сын обо всем этом как-то прознал, но скрывает от матери. Возраст отца для похода налево самый подходящий – старшая дочь уже живет самостоятельно, сын тоже подросток. Но чувство вины (кажется, в первую очередь перед сыном) мужика сдает, вот он и ведет себя слегка неадекватно. Ваня тоже разрывается между любовью к отцу и жалостью к матери. Эта гипотеза как будто бы объясняла все. Но совершенно не проясняла алгоритма моих действий. Не могла же я спросить у насильно притащенного в детскую поликлинику Ивана: «Скажите, пожалуйста, а у вас есть любовница?» То есть спросить-то я, конечно, могла, но что он мне ответит? Хмурый Ваня тоже явно на контакт по такому деликатному вопросу не пойдет... Рекомендовать матери внимательнее присмотреться к поведению супруга, с которым они вместе уже около четверти века? Тоже какая-то сомнительная рекомендация...

И я пошла по пути наименьшего сопротивления – решила сначала отработать первую гипотезу. Мать, видимо, реально устала от «ощущения нависшей угрозы» (так называют это психологи) в семье и действовала быстро и решительно. Конфликт в школе и во дворе отрицали все опрошенные (друзья Вани, учителя и т. д.), с учебой все оказалось не блестяще, но вполне приемлемо, прогулов не было, непонятных отлучек из дома тоже, тест на наркотики отрицательный. Оставался все тот же гипотетический внутрисемейный конфликт. На всякий случай я спросила о прародителях. Бабушка со стороны матери умерла «от сердца» (это я уже знала), отец давно женился снова и с семьей дочери встречается два раза в год, на дни рождения внука и внучки. Дед со стороны отца пил по-черному и как-то нелепо погиб, когда Иван был подростком. Мать Ивана и по сей день живет в их родном маленьком городке; дети, когда были маленькими, иногда ездили к бабушке на каникулы. Как у Ивана с алкоголем? На праздник – одна или две рюмки водки, и все. Не уважает он это, в детстве посмотрелся. И тут не за что зацепиться...

Ваня между тем, кажется, поверил, что я действительно хочу помочь матери разобраться в происходящем, и слегка оттаял.

– Ваня, – сказала я. – Подростков обычно считают деревянными, но они бывают очень наблюдательными и видят и слышат то, что вовсе не предназначено для их глаз и ушей... И то, что они видят и слышат, им бывает иногда очень трудно понять и принять, особенно если это касается

самых близких для них людей...

– Это вы про что? – спросил мальчик. – Про материного любовника дядю Пашу, что ли? – я молча открыла и снова закрыла рот. – Так они уже разбежались давно, – успокоил меня Ваня. – Как тот объект сдали, так у них и кончилось все. Отец и не узнал ничего.

– А у отца? – я решила, что играть в дипломатию больше не стоит.

– У отца сейчас никого нет, – твердо сказал Ваня. – У него просто крыша едет. Отчего – я не знаю. Но это точно из-за меня, я же чувствую...

Я ничего не понимала. Несколько раз нарисовала на листочке кружочки, обозначающие всех известных мне персонажей (включая дядю Пашу), соединила стрелочками так и так... Ничего не выходило. Есть еще кто-то, кто мне неизвестен? Может быть, муж дочери, конфликт Ивана с ним? Но тогда при чем тут Ваня?..

В поисках инсайта все автоматически обращаются к своим сильным сторонам. Художник берется за кисть, писатель – за перо... Я – возрастной психолог. Если последовательно пройти по их онтогенезам... И вот!

Мой вопрос матери: сколько лет было Ивану, когда погиб его отец?

Ее ответ: 13.

* * *

– Мальчишка ничего не понимает, – сказала я Ивану. – И у него идет соматизация тревоги. По линии жены – заболевания сердечно-сосудистой системы. У нее тяжелая физическая работа. Она на пределе. Вы хотите остаться вдовцом с больным сыном?

– О чем вы вообще говорите? – в голосе нет возмущения, агрессии, только холодная тяжесть. Ассоциация с могилой.

– Как погиб ваш отец?

Пауза. Пауза. Пауза... Даже занавески в кабинете тяжело обвисли...

– Я его убил.

Ну вот. Докопалась. И что ты теперь будешь с этим делать?!

– Говорите, Иван. Да говорите же, черт бы вас побрал!!

– Он пил. Когда пьяный, бил мать, бил меня. Чем попало, как попадет. Когда я был маленький, мать меня собой прикрывала, потом – я ее. Мать два раза в больнице лежала, у меня как-то рука была сломана – он стул кинул.

– Как все случилось?

– Я заранее его и мать предупредил. Сказал: вот еще раз, и я его убью.

Это называется, я потом узнавал, «преднамеренное убийство».

– Как вам удалось с ним справиться?

– Я колун взял, а он уже и на ногах не стоял.

– А потом?

– Мы с матерью его в погреб скинули и железяку под голову положили, будто разбился.

– А милиция?

– Это маленький городок. Там все всё знали. Они, конечно, поняли все, но прикрыли меня, написали «несчастный случай в состоянии алкогольного опьянения». А старший их мне сказал: ты, пацан, скорее уезжай отсюда. Тебе теперь надо так свою жизнь в узел завязать, чтобы из этого дерьма человеком вылезти, что я даже и не знаю... Я в армию ушел, потом уже туда не вернулся. Я в ВДВ служил... – кажется, он хотел показать мне татуировку, но я отрицательно помотала головой.

– А потом?

– Мать просто расцвела. Похорошела, помолодела, по службе продвинулась. А я вдруг почему-то понял, что как-то стал к ней равнодушен, хотя раньше очень любил, умереть был готов за нее. Я вспоминал, как мы с ним змея пускали. И как он учил меня на лодке грести. И еще как он за мной на дерево лазил, когда я маленьким совсем на спор залез и не мог слезть. Он стоял в последней развилке, тянул ко мне руки и говорил: прыгай, не бойся, я тебя удержу, я же сильный, я твой отец. И смеялся, чтобы мне не страшно было... Он, когда не пьяный, был смешливый очень, выдумщик и любил всякие приключения...

Иван замолчал и как-то жутко, из ворота вверх покраснел. На шее у него надулась какая-то жила, а на виске что-то задергалось. Я испугалась, что его прямо вот здесь, у меня в кабинете хватит инфаркт или инсульт, и от растерянности стала вспоминать что-то из времен гражданской обороны – оказание первой помощи. Потом сообразила, что я теперь по другому ведомству.

– Да тут теперь вообще-то много всяких разных вариантов есть! – бодро сказала я. – Только вы сейчас в таком состоянии, что не запомните, пожалуй. Поэтому берите ручку, бумажку и записывайте...

Иван, как я и предполагала, несколько оторопел от такого поворота событий. Ведь ситуация уже больше тридцати лет представлялась ему совершенно безысходной... Он тупо вертел в руках выданную мной ручку, но красная волна медленно стекала обратно.

– Ну первое, конечно, это вы идете и наконец сдаетесь ментам. Не знаю, как там по законам со сроком давности, но про вас пишут инет

и газеты, все упоминают про Достоевского и Раскольникова, у вас пытаются взять интервью, что для вас с вашим складом ума уже нехилое наказание. А дальше отсидите и – на свободу с чистой совестью! Второй вариант – вы садитесь и честно, но без подробностей рассказываете сыну, что с вами такое случилось и почему вы сейчас не можете с ним нормально общаться. В конце рассказываете, как вы его любите. Это для него будет, конечно, стресс, но однократный, лучше, чем длящаяся неопределенная тревога...

– Не могу я на мальчишку...

– Так, как сейчас, – хуже всего. Решайте!

Пауза.

– А вы... вот вы теперь знаете... Вы меня осуждаете? Или думаете, что такое можно простить?

– Послушайте, я вам что, поп? – разозлилась я. – Или прямо господь бог? А может, я похожа на Сонечку Мармеладову?

– П-почему на С-сонечку? – от моего внезапного наезда Иван даже начал заикаться. – К-какая Сонечка?!

– Я всегда работаю из интересов ребенка, – отчеканила я. – У меня был папаша, который в Чечне двух мальчиков лет четырнадцати-пятнадцати почти в упор убил. А они – пять его однополчан, во имя Аллаха. Не мое дело разбираться, кто из них там прав или не прав, и отпускать им грехи. Но раз уж он (или вы) решил после этого размножиться, мое дело – сделать так, чтобы жизнь его детей была по возможности комфортной и независимой от тараканов папаши. Ясно?!

– Двух мальчишек? Как мой Ванька? – задумчиво переспросил Иван. – Прямо вот так застрелил? О Господи... Ладно, я понял. Пошел думать.

– Да. И помните: самое худшее в вашем случае – оставить все как есть.

* * *

Поразмыслив, Иван твердо решил идти сдаваться. Но подумал, что непорядочно будет, если жена узнает обо всем не от него, а от следователя или из газет (я его прямо «зазомбироваала» этими газетами – жена сказала, он даже пытался сам про себя статью сочинить). И накануне ночью разбудил жену и все ей рассказал. Она, как и следовало ожидать от «простой русской женщины», сначала ужаснулась, потом кинулась к нему с воплем: «Бедный ты мой, как настрадался!», а потом деловито объяснила ему, что нагружать и без того перегруженную бумажной работой

милицию (женщина любила смотреть сериал «Улицы разбитых фонарей») – просто наглость с его стороны, так как посадить в результате его все равно не смогут (ему же и четырнадцати не было на момент совершения преступления), а время занятым людям тратить придется. Пусть они лучше за это время нынешнего какого-нибудь преступника поймают. А насчет отца – пусть он не думает, они сейчас же всё сделают: и в церковь сходят, и службу закажут, и на могилку съездят. А там он сам сыну всё и расскажет: и как страдал потом, и про свою семью, и про внуков, небось ему там приятно будет...

Выслушивая все это, я, психолог и атеист, думала о том, как далеко все-таки современной психотерапии до народной мудрости, складывавшейся веками.

Разговор с Ваней все-таки состоялся. Мальчику не сказали про убийство, но объяснили совпадение по датам. Отец взял на себя всю вину за недавно испорченные отношения с сыном и попросил прощения. Ваня, естественно, радостно простил. В этом месте у отца случился гипертонический криз, дальше семья очень сплоченно провела две недели у его койки в больнице, ну а потом вроде бы стали жить дальше...

Призрак бродит

Они пришли вдвоем – мальчик и девочка. Явно влюбленные друг в друга и потому (вне зависимости от реальных черт лиц и прочего) красивые до невозможности. Только увидев их, я мысленно собрала в кучку все свои ресурсы, готовая использовать их в полную силу. Постарев душой, мы любим иронизировать над подростковыми чувствами, но что у нас вообще есть красивее, нежнее и трепетнее первой любви? Раз они пришли ко мне вдвоем, значит, в их отношениях возникли какие-то проблемы. Родители против их дружбы, ссора влюбленных, в чем-то один не понял другого, не сумел найти слов, измена, которую надо простить, а может быть, она беременна?! – мысли мои катились по накатанной дорожке. Когда-то мы обсуждали всё это со своими друзьями (больше не с кем было), часами сидя на изрезанной ножами садовой скамейке и чертя в пыли тупыми носками туфель производства фабрики «Скороход». Но вот новое поколение. Они знают о существовании психологов – отлично! Я ничего не забыла и очень-очень-очень постараюсь им помочь.

Против всех моих ожиданий первым заговорил мальчик:

– Скажите, пожалуйста: отдельная, уникальная человеческая личность – это действительно самое ценное, что есть на свете?

– Н-не знаю, – опешила я, потому что только что приготовилась совсем к другому. – Тут, наверное, надо в контексте смотреть.

– Ну, мы так в гимназии на обществознании проходили, – объяснила девочка. – Права личности, все такое...

– Э-э-э... – неопределенно проблеяла я, все еще не в силах перестроиться. Эта влюбленная парочка явилась к психологу в детскую поликлинику, чтобы обсудить программу школьного курса обществознания?!

– Я у вас уже один раз была, с мамой, когда мы с братом дрались, – объяснила девочка. – Вы сказали: разделить пространство и установить правила. Нам тогда помогло...

– Ага, – я ее совершенно не помнила, должно быть, это было несколько лет назад. – А теперь?..

– Все люди равны. Никто не лучше никого, ни по каким признакам – раса, национальность, здоровье, ум, профессия, честность и т. д. Нельзя дискриминировать. Так? – упрямо наклонив голову, продолжал мальчик.

– Ну, теоретически так, – согласилась я, все еще ничего не понимая. –

Но это абстракция. В реальности для каждого человека есть близкий круг – родные, друзья...

– Да. Но ведь самая близкая и касающаяся до меня личность – это я сам.

Я почувствовала ловушку и для ускорения процесса прыгнула в нее по собственной воле:

– Да.

– Вот! – мальчик вскинул на меня торжествующий взгляд. – А если я сам (личность, верховенство которой у нас в школе проходят) – высшая ценность, то, получается, к чему мне стремиться? Ублажать себя? Но я чувствую, что это неправильно. Обязательно должно быть что-то больше меня.

– Гм-м...

– Но что? Про родину у нас в гимназии говорят так: «Это не модно, чувак, все равно придется отсюда сливаться». Народ? Но какой? Ведь я, например, полукровка. Семья? Странно, если я сейчас начну служить матери и отцу, правда? Это уже идиотизм какой-то будет... Служить Богу? Даже если Он есть (я этого не чувствую, хотя меня и крестили), то зачем Ему это? Он ведь не для того дал мне жизнь, чтобы я Ему молился? Я... мы с Алиной пробовали волонтерами с больными детьми. Это правильно, наверное, но я отчетливо чувствовал, что я это делаю именно для себя, а не для них... Но должно же быть что-то! Должно! – почти с отчаянием повторил он.

«Мальчик, думающий и одновременно патологически честный», – подумала я и почему-то разозлилась, обидевшись, по всей видимости, за девочку.

– Послушай, а вот то, что вы с Алиной есть друг у друга, – это как, совсем ничего не значит? Вообще-то близкие люди, семья, дети, в конце концов...

– Очень много значит, – серьезно сказал он. – Очень-очень, и Алина знает. Но...

– Послушай, сбегай сейчас вниз в регистратуру за своей карточкой, ага? – попросила я. – Мне нужен номер страховки в журнал вписать.

Когда он ушел, вопросительно взглянула на Алину. Сейчас, вот сейчас она мне объяснит, что тут происходит на самом деле.

– У меня два младших брата, – сказала Алина. – Мама говорит, что живет только ради нас, ради семьи. И, кажется, это правда. Но это ужасно, мне хочется от этого бежать куда глаза глядят. Но я ее дочь. И вот сейчас мне хочется назначить Игоря смыслом, целью моей жизни. Это

неправильно.

– Один человек не может быть целью другого. Должно быть что-то еще, – резюмировал вернувшийся Игорь.

И я сдалась. Они действительно пришли с этим вопросом.

– Это от биологии, – сказала я. – Одна из многих ловушек. Материалом для эволюции всегда была не отдельная особь, но популяция, вид. Поэтому тот, кто умеет думать и чувствовать, чувствует ну просто на клеточном уровне, что есть у мира для него какая-то задача, большая, чем его личные интересы. Это правильно, и во всех эпосах и книгах, во всех религиях это обыгрывается. Если никто не лучше никого, то, конечно, возникает много вопросов. Но видеть ближайшей и конечной целью себя самого – это тупик. Тогда уж лучше отношения «сеньор – вассал», как у рыцаря Роланда, или дети, семья, как у твоей матери, Алина.

– Но мы не животные, – сказал Игорь. – А если не религия и не рыцарский эпос, то что же для нас?

– «Счастье для всех, и пусть никто не уйдет обиженным!»^[1] – не удержавшись, процитировала я. Смотрели непонимающе – видимо, не читали.

– Лучшие, самые умные люди веками думали, как совместить личное и общественное, – сказала я. – Столько дров наломали... Вы должны были в школе проходить...

– Мы в гимназии вроде что-то другое проходим, – сказала Алина.

– Ну да, у вас другие песни, – усмехнулась я. – А мы только это и проходили: «Средь мира дольного, для сердца вольного есть два пути. Взвесь силу гордую, взвесь волю твердую – каким идти? Она просторная, дорога торная, страстей раба, по ней громадная, к соблазну жадная идет толпа...» Еще «Манифест коммунистической партии»...

Погрузившись в воспоминания, я на несколько мгновений отвела взгляд от своей парочки. Вернувшись к реальности, увидела, что Игорь порхает пальцами над айпадом. И вдруг... он начал глуховатым выразительным голосом читать вслух с экрана: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли...»

Алина слушала, вытянув шею.

Они поднялись синхронно, будто по какому-то не слышному для меня сигналу:

– Спасибо, мы пойдем.

– Да погодите вы, ребята... Что вы?..

– Спасибо. И то стихотворение, Игорь... я запомнила, найдем...

Они ушли. Я смотрела им вслед в полном ошеломлении. Что это было?!

Профессия – инвалид

Коллега позвонила поздно вечером. В ее голосе отчетливо слышалась тревога. Видимо, из-за этой тревоги она говорила прямее, чем обычно принято в обществе «культурных людей»:

– Катя, мне нужна ваша помощь или хотя бы совет. Все традиционные пути мы уже попробовали. А у вас порою мозги работают как-то вывернуто, как кофта наизнанку, вдруг вы что-нибудь придумаете? Его зовут Илья...

Я тоже встревожилась. Коллега много лет работает с семьями, где есть «тяжелые», психически больные дети. Помимо основной деятельности, у нее – что-то вроде клуба при одном из психоневрологических диспансеров. Там регулярно бывают всякие мероприятия, концерты, игры, просто чаепития и общение. Многие из ее детей уже выросли, но продолжают посещать это пространство, потому что после окончания спецшколы (для тех, кто мог учиться) это зачастую единственная площадка их социализации. Я несколько раз бывала на заседаниях ее клуба. Помимо постоянных «профильных» посетителей, там всегда много молодых волонтеров – студентов, начинающих психологов, просто сочувствующих ее делу людей, готовых что-то показать больным ребятам, как-то их развлечь, чему-то обучить, помочь. Я искренне восхищаюсь гуманизмом всей этой деятельности, но при том мало что понимаю в психиатрии и не особенно увлекаюсь групповой психотерапией. Если уж лечащий психиатр и коллега с ее опытом зашли в какой-то тупик, то чем смогу помочь незнакомому мне Илье я? Вероятнее всего, ничем.

– Так что же с Ильей? – услышала я свой собственный голос.

– ДЦП (детский церебральный паралич. – *Авт.*) с эпилептическим синдромом. Руки и голова работают относительно хорошо, если учесть диагноз. Ходить немного может, но в основном передвигается в коляске. Сейчас эпилепсия под контролем, уже несколько лет не было ни одного приступа. Характер с детства очень тяжелый, эпилептоидный. Склонность к депрессиям. В детстве говорили даже об аутизме (были эхолалии, стереотипные движения), но, по-моему, совершенно напрасно. Позже – обычное занудство, умственная жвачка, может быть, легкая паранояльность...

– Симпатичный юноша... – усмехнулась я.

– Да. Абсолютный слух. Закончил пять классов музыкальной школы

по классу фортепиано. Сам сочиняет музыку. Учился дома по обычной программе, закончил девять классов практически на одни пятерки. Увлекается историей и философией, делал в нашем клубе интересные доклады, играл в нашем историческом театре...

– А сейчас?

– Отказывается от всего. Тяжелейшая депрессия, не поддается никакой фармакотерапии. Впрочем, мать подозревает, что таблетки он попросту выбрасывает. К нам не ходит, хотя много лет это было единственное место, где он как-то оттаивал. Уже была одна попытка суицида – демонстративная или нет, никто не понял, все-таки он плохо двигается... Когда откачали, сказал: простите за напрасное беспокойство, в следующий раз я буду аккуратней готовиться. В общем, я знаю его почти 10 лет, и вот он уходит... – теперь в голосе коллеги слышалось почти отчаяние.

– А я-то чем тут могу помочь? – грубовато спросила я. – Встреча со мной перевернет его жизнь и излечит от депрессии?

– Нужно вернуть его к нам. Здесь ему хорошо, он общается, развивается, это стимул...

От сужения и конкретизации задачи я несколько приободрилась и спросила:

– А привезти-то его ко мне в поликлинику родственники сумеют?

* * *

С тревогой ожидала, что коляска не пройдет в мою узкую дверь, что он будет молчать, глядя в пол, что я от неуверенности в себе сразу сморожу какую-нибудь глупость, и все разрушится, не начавшись...

Илья зашел в кабинет сам, слегка придерживаясь руками за стены, поздоровался, сел, вполне доброжелательно оглядел игрушки.

– Илья, сколько тебе лет? – я действительно не удосужилась выяснить это у коллеги.

– Двадцать два.

– Много. А почему в клуб не ходишь? Надоело?

– Нет. Там замечательно. Я всем благодарен. Просто – достаточно.

Это было сказано так, что у меня по спине пробежали мурашки. Достаточно – всего. Попыток. Неудач. Боли. Изоляции. Страх. Отчаяния. Самой жизни. Достаточно...

– Не видишь, что впереди?

– Почему? Вижу, – усмехнулся Илья. – Нормальная инвалидная жизнь.

Можно даже в кафе ходить и в театры... Мама вот предлагала в Болгарию на курорт съездить...

– Ерунда. Тебе, как всем нормальным взрослым людям, хочется не только развлекаться, но и служить...

– Служить? – он удивился, покатав на языке непривычное для современного языка слово.

– Да, – кивнула я. – Общественное служение. Многие сейчас делают вид, что этого нет. Но оно есть, оно в нас эволюцией вмонтировано. Без этого мы – депрессанты несчастные, мухи, увязшие в меду.

Повисло молчание. Оно меня не тяготило, Илья думал.

– Пожалуй, да, – наконец сказал он. – Надоело быть тем, кого из милости кормят и развлекают. По-хорошему, всем инвалидам вроде меня давно надо бы удавиться. Но мы все живем, и наоборот даже: все к нам приспособливаются. Тут какой-то сбой вашей эволюции получается...

Ура! Он сам дал мне нитку. Я торжествующе улыбнулась:

– У эволюции сбоев не бывает!

– Как это? А зачем же тогда...

– Думай. У тебя плохо ходят ноги, есть нарушения коммуникации, но совершенно сохранен интеллект и аналитический аппарат. К тому же ты увлекаешься историей. Зачем вдруг современному обществу понадобилось так носиться с инвалидами? Больше нечем заняться, все остальные проблемы уже решены? Вспомни, сколько совершенно здорового, постоянно сменяющегося народу клубится вокруг вашего клуба. Не больше ли их там, чем вас, инвалидов?

– Почти поровну, – честно прикинул Илья.

– И зачем им это надо? Если допустить, что вы ходите в клуб общаться, потому что вам больше некуда ходить, то они-то (после своей работы, учебы) зачем?

– Чтобы помогать другим, больным и слабым? Благотворительность?

– Да брось ты! Неужели ты, с твоей склонностью постоянно жевать умственную эпилептоидную жвачку, еще не догадался? Думай!

– Они решают там какие-то свои проблемы. Вот мы, здоровые. Вот они...

– Теплее, но все равно не то. Думай еще. Зачем современному цивилизованному обществу, где уже нет борьбы за пищу, кров, одежду, нужны инвалиды? Раньше, когда всем всего не хватало, был человеческий подвиг – поделить напополам с ближним (или дальним) последний кусок хлеба, отдать вовсе не лишнюю рубашку... А теперь? Когда всего много и многим людям, в общем-то, не очень понятно, что, собственно, и зачем

они делают в своем офисе – у детей в детских домах просто завались сколько игрушек. А нищие – это не несчастные бедняки, а бизнес-корпорация, и это всем известно...

– Общественное служение, – неожиданно светло улыбнувшись, сказал Илья.

– Ага! – ухмыльнулась я в ответ. – Оно самое. Инвалиды позарез нужны современному человечеству. Просто для того, чтобы мы все вместе могли оставаться людьми. Наличие вашего клуба (и ему подобных) в обществе – не благотворительность, а реальная необходимость для множества здоровых людей.

Опять пауза. Илья долго думает, он явно тугодум. Ну а мне куда торопиться?

– То есть инвалид сегодня – это не только обуза другим, но и как бы работа? Мы тоже служим – всем людям, человечеству?

– Да. И это очень нелегкое служение. Вы его не выбирали, но можно ли уверенно сказать, что свой род деятельности выбирал сын средневекового европейского крестьянина, индус, родившийся в касте уборщиков улиц, или современный офис-клерк?

– Наверное, нельзя.

– Вот. Но чтобы это служение исполнять, вам надо не сидеть каждому под своим веником, а давать возможность всем желающим вокруг вас клубиться. *Общественное служение*, не забываем.

– Но почему об этом нельзя сказать вслух? Для многих наших это было бы критически важно. Ведь я знаю, многие, такие как я, думают: «Зачем я такой? Лучше бы меня не было!» Если бы им объяснить, как на самом деле...

– А в чем проблема-то? – я пожала плечами. – Вот ты сам пойдешь и объяснишь. Тебя, кстати, скорее послушают, чем кого-то другого, – ведь ты-то всё изнутри знаешь.

Илья опять ушел в свои мысли. Я к этому уже привыкла и тоже задумалась о своем.

* * *

– Катя, спасибо, Илья к нам вернулся! – снова позвонила коллега. – Слава богу, выглядит гораздо бодрее и даже сам стал проявлять инициативу в общении, этого уже несколько лет не было. Несет какую-то чушь про роль инвалидов в общественной эволюции – это вы его накачали?

Но это неважно, ребята к нему все равно тянутся, ведь он у нас один из самых интеллектуальных...

Ради детей (небольшой эксперимент)

В прошлом я была ученым, и моя страсть к экспериментам отнюдь не угасла. И вот однажды я решила провести небольшое собственное исследование.

Участниками моего эксперимента стали 52 человека – 25 мужчин и 27 женщин. Возраст участников – от 24 до 49 лет. 20 человек (в основном женщин) я «наловила» в коридорах своей поликлиники, 5 человек – врачи, 14 человек – мои интернет-знакомые (преимущественно научно-техническая интеллигенция), 4 человека – гастарбайтеры из Средней Азии (отобранные из большой группы по одному признаку: умеют читать по-русски и хорошо понимают прочитанное), остальные были моими личными знакомыми из «реала».

Участников я разбила на две приблизительно одинаковых (по половозрастному составу) группы по 26 человек в каждой. Все участники эксперимента должны были прочесть небольшой текст и ответить на один-единственный вопрос:

Что вы думаете о человеке, описанном в тексте?

Вот текст, который получила в свое распоряжение 1 группа.

Уже в собственном детстве и отрочестве Анна любила возиться с маленькими детьми – придумывать для них игры, играть с ними, рассказывать истории. Она всегда знала, что у нее будут собственные дети и это будет важная часть ее мира. Учась в институте, она была очень не прочь посидеть с детьми старшей подруги – в отличие от многих, ей не было это в тягость, они все вместе гуляли, играли и вообще отлично проводили время.

По специальности Анна была инженером-проектировщиком и после окончания института работала в строительной компании. Ей нравилась ее работа, нравился коллектив. Вместе с коллегами Анна часто выезжала на загородные прогулки, отмечала праздники, ездила в Финляндию. На эти выезды коллеги часто брали свои семьи, и все быстро обратили внимание, как легко и радостно Анна находит контакт даже со «сложными» в общении детьми.

Спустя еще несколько лет Анна вышла замуж по любви и сразу сказала мужу: «У нас будет не один ребенок». Муж согласился со своей

женщиной, и ей показалось, что она стала любить его еще больше.

Родились дети. Дети были самые обычные, но Анне они, конечно, казались самыми умными и красивыми. Она носила их на руках, подбрасывала вверх, чтобы они смеялись, варила им кашу, вставала по ночам, когда они плакали, утешала, когда они разбивали коленки.

При этом Анна понимала, что важно не только ласкать, но и развивать детей. Она много играла с ними в ролевые игры, читала хорошие детские книжки, потом водила их в кружки.

В какой-то момент у нее была возможность поменять работу на более денежную и престижную, в очень крупной компании, с хорошей перспективой карьерного роста. Единственный минус заключался в ненормированном рабочем дне. Согласись она – и как минимум несколько лет Анна видела бы детей фактически только по выходным. А ведь муж тоже работал полный день. Впрочем, их заработки позволили бы нанять няню, гувернера... Анна посоветовалась с мужем. Он сказал: «Конечно, я хотел бы, чтобы ты больше внимания уделяла детям, но это твоя жизнь. Решай сама. Я приму любое твое решение и с уважением к нему отнесусь». Анна еще подумала и решила отказаться от заманчивого предложения, потому что оно лишало ее возможности следить за развитием детей, быть с ними рядом в самые важные и чувствительные к родительскому вниманию годы. Карьера может и подождать, подумала она, деньги – тоже не главное, ибо мы отнюдь не голодаем, а это время в моей жизни и жизни детей никогда не повторится. Я не прощу себе, если упущу его.

Анна не пожалела о принятом решении. Она проводила с детьми много времени, отводила их в детский сад, а потом и в школу, гуляла с ними, была в курсе всех их проблем, успехов и неудач, лично знала всех их друзей (они часто приходили к ним домой и любили играть и разговаривать с Анной). Вместе с детьми и их друзьями Анна играла в настольные и компьютерные игры, ходила в музеи, в театры и на выставки, ездила в лес на пикники.

Домашнее хозяйство никогда не было Анне в тягость, хотя она на нем и не заикливалась. Ей нравилось готовить, и она любила иногда удивить домашних каким-нибудь необычным блюдом. Дети и муж всегда принимали участие в домашних делах.

У Анны всегда были друзья, и она с удовольствием с ними общалась, но большую часть своего свободного времени проводила все-таки с семьей.

Ей нравилась ее жизнь, и если бы ее спросили, она назвала бы себя счастливым человеком.

А вот какой текст достался второй группе.

Уже в собственном детстве и отрочестве Александр любил возиться с маленькими детьми – придумывать для них игры, играть с ними, рассказывать истории. Он всегда знал, что у него будут собственные дети и это будет важная часть его мира. Учась в институте, он был очень не прочь посидеть с детьми старшего друга – в отличие от многих, ему не было это в тягость, они все вместе гуляли, играли и вообще отлично проводили время.

По специальности Александр был инженером-проектировщиком и после окончания института работал в строительной компании. Ему нравилась его работа, нравился коллектив. Вместе с коллегами Александр часто выезжал на загородные прогулки, отмечал праздники, ездил в Финляндию. На эти выезды коллеги часто брали свои семьи, и все быстро обратили внимание, как легко и радостно Александр находит контакт даже со «сложными» в общении детьми.

Спустя еще несколько лет Александр женился по любви и сразу сказал жене: «У нас будет не один ребенок». Жена согласилась со своим мужчиной, и ему показалось, что он стал любить ее еще больше.

Родились дети. Дети были самые обычные, но Александру они, конечно, казались самыми умными и красивыми. Он носил их на руках, подбрасывал вверх, чтобы они смеялись, варил им кашу, вставал по ночам, когда они плакали, утешал, когда они разбивали коленки.

При этом Александр понимал, что важно не только ласкать, но и развивать детей. Он много играл с ними в ролевые игры, читал хорошие детские книжки, потом водил их в кружки.

В какой-то момент у него была возможность поменять его работу на более денежную и престижную, в очень крупной компании, с хорошей перспективой карьерного роста. Единственный минус заключался в ненормированном рабочем дне. Согласись Александр – и как минимум несколько лет он видел бы детей фактически только по выходным. А ведь жена тоже работала полный день. Впрочем, их заработки позволили бы нанять няню, гувернера... Александр посоветовался с женой. Она сказала: «Конечно, я хотела бы, чтобы ты больше внимания уделял детям, но это твоя жизнь. Решай сам. Я приму любое твое решение и с уважением к нему отнесусь». Александр еще подумал и решил отказаться от заманчивого предложения, потому что оно лишало его возможности следить за развитием детей, быть с ними рядом в самые важные и чувствительные к родительскому вниманию годы.

«Карьера может и подождать, – подумал он. – Деньги – тоже не главное, ибо мы отнюдь не голодаем, а это время в моей жизни и жизни

детей никогда не повторится. Я не прощу себе, если упущу его».

Александр не пожалел о принятом решении. Он проводил с детьми много времени, отводил их в детский сад, а потом и в школу, гулял с ними, был в курсе всех их проблем, успехов и неудач, лично знал всех их друзей (они часто приходили к ним домой и любили играть и разговаривать с Александром). Вместе с детьми и их друзьями Александр играл в настольные и компьютерные игры, ходил в музеи, в театры и на выставки, ездил в лес на пикники.

Домашнее хозяйство никогда не было Александру в тягость, хотя он на нем и не заикливался. Ему нравилось готовить, и он любил иногда удивить домашних каким-нибудь необычным блюдом. Дети и жена всегда принимали участие в домашних делах.

У Александра всегда были друзья, и он с удовольствием с ними общался, но большую часть своего свободного времени проводил все-таки с семьей.

Ему нравилась его жизнь, и если бы его спросили, он назвал бы себя счастливым человеком.

Результаты

Анна понравилась почти всем – и мужчинам, и женщинам. Многие писали так: «Повезло ее детям и мужу».

Шесть человек (четыре женщины и двое мужчин) выразили сомнение: «Не пожалеет ли она потом, что отказалась от карьеры? Ведь такие предложения делают только молодым и перспективным. Потом такого не будет. Не появится ли соблазн обвинить домашних в неслучившемся?»

Еще восемь человек (из них шестеро мужчин) сомневаются в реальности образа: «Таких не бывает, слишком она какая-то идеальная, никакой стервозности, никаких ни к кому претензий...»

Шестеро (все женщины) нашли Анну «хорошей, но слегка скучноватой, „без изюминки“» и даже взволновались за то, что муж может уйти от нее к какой-нибудь «яркой стерве». И только три женщины из группы Анну категорически осудили: «Никому и даже сама себе неинтересная домашняя курица», «Чего же это она в инженеры-то пошла? Стала бы учительницей, воспитательницей или детским врачом и возилась бы себе с детьми, раз ей это так нравится...», «Отвратительный, абсолютно фальшивый образ, врет всем, стараясь быть для всех хорошей, не удивлюсь, если рано или поздно маска спадет, и Анна пустится во все

тяжкие – бросит детей и мужа, сойдет с ума, сопьется и т. д.»

Александр безоговорочно понравился двоим. И эти двое – гастарбайтеры из Средней Азии. «Достойный, мудрый мужчина, – сказали они. – Отличает важное от неважного. Хорошо, что у него есть возможность всегда быть рядом с семьей, с детьми. Нет сомнений, его дети тоже вырастут достойными людьми, с правильным отношением к жизни и всегда будут уважать своего отца».

Женщины признавали достоинства Александра: «Редкий мужчина. Чтобы и с детьми занимался, и по хозяйству...», «Детям, конечно, повезло. Обычно-то отцы на них и внимания не обращают», «В доме жене помощник, это нечасто сейчас встретишь. И чтобы любил готовить еще...»

И здесь же сразу сомнения: «Что ж у него за жена такая, что мужик – и с детьми, и готовить, и прибираться? Она-то что делает?», «И чего он себя позволил так запрячь?», «Что ж у него, и увлечений никаких нет, что он все дома и дома?», «А как насчет честолубия, у мужчины честолубие должно быть», «Зря его жена не поддержала, когда предлагали хорошую работу. Если он сам тухтя, она должна была ради семьи, ради него же самого настоять». И то же сомнение в правильности профессиональной ориентации: «Зачем же он стал инженером, если всегда любил детей? Родители, что ли, заставили? Не смог отстоять себя? А потом – к жене под каблук?» И то же сомнение в будущем семьи: «Да не сможет он так всю жизнь. Вступит „бес в ребро“, и сбежит к чертовой матери», «Не может настоящий мужик всю жизнь такой домашней левреткой прожить, надо было ему все-таки соглашаться на ту работу. А теперь уж поезд ушел, пожалеем, да поздно...»

Мужчинам (всем, кроме среднеазиатов) Александр скорее не понравился. Истоки его «неправильности» многие видят в семейном воспитании: «Мужик однозначно неправильно воспитан. Скорее всего, его воспитывали мать и бабка, без отца» или даже в генетике: «А может, он скрытый гей, но сам не понимает? Или какая-нибудь там генетическая аномалия? Ну бывает же, что на вид мужик, а вообще-то баба... Или у них таких детей быть не может? Да его ли это дети?» Многие полагают, что «жена его под себя подмяла», «села и погоняет, а он везет, но так ему и надо». 10 человек полагают, что Александр «потом пожалеем», что отказался от выгодной работы и развития карьеры. И все мужчины (за исключением опять же среднеазиатов) уверены, что «надо было соглашаться», «работа для мужика – это все», «да стал бы зарабатывать как следует, и жена, и дети бы потом оценили». Александра называют «слабым», «неинтересным» и «женственным». Почти все мужчины

уверены, что он «обманывает себя» насчет «счастливости» своей жизни. Восемь из них определенно считают, что в конце концов Александр взбунтуется (против чего? – *Авт.*) и уйдет из этой семьи. Только двое мужчин написали в своем отзыве: «Ну, дети, конечно, рады, что отец с ними все время занимается...» – и тут же сомнение: «Но что они скажут потом, когда подрастут? Не начнут ли втихаря презирать такого отца?»

Вот такие вот результаты...

Честно сказать, слегка обескураживающие, не так ли?

Интересно, что лежит в их основе? Все еще не угасшая общественная привычка к мужскому «добыванию мамонтов»? Странноватая, в сущности, на современном этапе развития общества мысль, что воспитание детей – достойное дело исключительно для женщин? Может быть, что-то еще?

Рыцарь печального образа

Она работала кассиршей в большом универсаме. Он был дальнобойщиком и в огромной машине возил грузы по всему северо-западу России. Оба не были петербуржцами. Он приехал с Урала, вслед за приятелем, в поисках работы. Она – из Казахстана, к родной тетке, за лучшей жизнью. Жизнь, в общем-то, не баловала обоих, но они как-то приспособились к ней и никому не жаловались. Бывает и хуже – это оба знали доподлинно. Потом они встретили и полюбили друг друга.

Решили жить вместе (тетка ее к тому времени умерла, от нее осталась однокомнатная квартира).

Он не скрывал от нее своего прошлого. Она с самого начала знала, что на Урале он несколько лет жил с одной женщиной. Союз был неудачный изначально – она гуляла, попивала, скандалила. Он не выдержал, ушел. Она сказала, что беременна, и просила его вернуться. Он вернулся, потому что надеялся, что с рождением ребенка всё изменится. Родилась дочка, Рая, но в его семейной жизни ничего не изменилось, все продолжалось по-прежнему. Он даже не был уверен, что девочка – от него. Именно тогда он поддался на уговоры приятеля и уехал от всего этого подальше – в Санкт-Петербург. Деньги на дочку посылал. Потом кто-то ему написал, что его бывшая вышла замуж. Он даже обрадовался: вдруг она, так же как и он, наконец нашла свою настоящую любовь и сможет быть счастливой? С ним она счастливой не была, это он понимал отчетливо, но причин этому не знал.

Зинаида не могла скрыть от возлюбленного своего прошлого, даже если бы и очень хотела – потому что у нее был сын. На момент, когда я с ними со всеми познакомилась, ему было пятнадцать лет. Мальчик Коля с диагнозом «задержка психического развития» учился в восьмом классе коррекционной школы.

Отчим относился к пасынку строго, но справедливо. Однокомнатную теткинину квартиру они продали и, взяв в банке кредит, купили двухкомнатную. Жизнь катилась по уже накатанной колее.

«Мы так долго искали друг друга! – сказала мне она, явно подражая героине какого-то сериала. – Мне никто, кроме него, не нужен!»

«Я когда в дороге, так сердце домой рвется, за ней скучает, и беспокоюсь всегда!» – без соблюдения правил грамматики, но вполне искренне сказал он.

Письмо с Урала было от дальней родственницы и соседки, с ошибками, и написано как курица лапой: «Ромка, твоя бывшая от пьянки-гулянки теперь померла насовсем. Ты приезжай, коли сможешь, а то девчонка твоя сейчас у ейной матери, но она опеку брать не хочет и ее в детдом сдаст. Дело ли это при живом отце?»

Он жутко занервничал, показал письмо жене. Она не особенно раздумывала, сказала: «Надо ехать. Ребенок же, живая душа».

Он смотрел умоляюще: «Ты поедешь со мной?»

«Куда ж я денусь?» – вздохнула она.

Девочку он последний раз видел, когда ей было пять лет. Сейчас ей вот-вот должно было исполниться одиннадцать. Она была очень хорошенькая и как будто похожа на него. Узнала и прижалась с плачем:

– Папа, папочка! Как хорошо, что ты приехал!

– Настродался ребенок, – сказала та же соседка. – Считай, что в притоне жила. Особливо последние два года, когда мамка уж совсем тормоза потеряла...

– Папочка, ты ведь меня теперь с собой заберешь?! – ласково глядя рукав его шоферской кожаной куртки, спросила девочка. – Я не хочу в интернат...

У него сердце упало. Что же делать?

– Рома, конечно, берем, – сказала его жена. – Это же твоя дочь.

Быть по сему.

* * *

– Я в отчаянии, – говорила мне женщина, сидящая в кресле напротив меня, и поправляла блондинистый перманент. – Это ребенок, я все понимаю... но за полгода она разрушила все, что я строила шесть лет. На прошлой неделе я собиралась идти, подавать на развод...

– Что же произошло? – Я о многом могла догадаться из контекста, но мне нужно было услышать.

– Она им вертит как хочет. Как же, его дочь! Настродалась! Тайком поддевает моего (а много ли ему, дурачку, надо?), а потом бежит жаловаться отцу. Тот – на пасынка с кулаками: «Ребенка обидели!» Я пытаюсь вступиться, он на меня с руганью: ты своего выгораживаешь! А видели бы вы, как она с отцом лижется! Стыд и срам! Сидит у него на коленях, и целует, и наглаживает... Я ему говорю, а он только смеется: ты, дескать, ревнуешь, она же еще маленькая! Маленькая, конечно, но ведь

навидалась-то всякого и нынче всё использует, чтобы его повернее к себе привязать... Неряха, грязнуля, по дому ничего делать не хочет, может целыми днями на неубранной кровати валяться и в телевизор пялиться, а как я ей скажу – она сразу к отцу... А сыну моему так и сказала: «Я все равно для папы главнее, чем ты и даже мама твоя, потому что я родная». И в Колиных вещах роется все время... А мой уж весь нарывами пошел и в школе опять драться начал... Вы бы уж поговорили с ней, что ли, она вон у меня в коридоре сидит. А то я больше не могу так...

– Я бы лучше с Романом поговорила, – заметила я.

– Да не пойдет он в детскую поликлинику! Он говорит, что это я сама все придумала, да еще Коля мне на нее наговаривает.

* * *

Чернокудрая Рая и вправду была весьма миловидна и казалась много старше своих 11 лет.

– Ой, я так своего папочку люблю! Он такой хороший и добрый! Смотрите, какое он мне колечко красивое подарил! И тетю Зину я тоже люблю, конечно, но она иногда сердитая бывает. Я ее понимаю, ей тяжело с чужим ребенком, я иногда посуду забываю помыть, и когда папа вечером со мной на диване у телевизора, а не с ней, и из-за Коли... А с Колей мы, да, иногда ссоримся из-за компьютера и когда он на моей кровати валяется, а потом миримся, конечно...

* * *

– Романа – ко мне, любыми путями! – потребовала я у Зинаиды.

Он пришел.

– Да это жена выдумывает все! И за своего ей обидно, раньше-то все только ему было – и комната, и подарки, и внимание. А Райка – ребенок, ласковая, веселая, приставучая – да, но что ж в том плохого? Лучше бы букой в углу сидела? Неряха, да, тут я признаю, но надо же постепенно приучать, а не орать на нее, как жена орет. Это ее «зэпээрник» только и понимает, когда на него рывкнешь как следует. А мне с Райкой радостно: всегда сможет и рассмешить, и утешить, после рейса лучший отдых – с ней повозиться...

– Если вы с Зиной расстанетесь, вы же не сможете один Раю

воспитывать, ведь вы по несколько дней в дороге, и она все-таки окажется в детдоме...

– А почему это мы с Зиной расстанемся? – Роман испуганно и глуповато округлил глаза. – Неужели из-за того, что я свою дочку люблю?! Это вы глупости какие-то говорите...

* * *

– Ничего у вас не выходит, да? – вздохнула Зинаида. – Ну, я так и думала. Трудно ведь в маленькой девочке змею подколенную разглядеть. Я ведь и сама сперва не разглядела.

Из действующих лиц остался только один, мною не охваченный.

– Давайте уж я до кучи и с Колей поговорю...

– Да какой толк... Ну что ж... побыла Зинка счастливой – и ша, довольно. Другим и того в жизни не достается... А Колю я к вам пришлю, конечно, он уж и сам спрашивал: «Куда это вы все ходите?»

* * *

Унылый прыщавый подросток. ЗПР не сильная, но вполне заметная.

– Да я не только учусь, я уже работаю, – говорит с гордостью. – Листовки у метро раздаю. Летом в «Макдональдс» пойду, если возьмут.

– Отлично, – говорю я. – У меня только на тебя надежда и осталась.

– Какая надежда?

– Смотри, – говорю я. – Сейчас вы с Раей конкурируете, перетягиваете канат. Ты – маму к себе («Я хороший, Рая плохая»), она – папу («Я хорошая, Коля плохой»). Ты взрослее и умнее, она хитрее и изворотливее, ее жизнь научила.

– Да. Она мне рассказывала. У нее мать пила и мужиков водила.

– Ну вот. Если у вас все получится, то Зина и Роман расстанутся. Счастливых не будет. Ты останешься вдвоем с матерью. У нее – разбитое сердце, у тебя – ноль мужского внимания и поддержки на момент личностного становления. Рая окажется в детдоме и, скорее всего, повторит судьбу своей матери. Роман, потеряв любовь, всех (в том числе и себя) возненавидит. Либо замкнется в работе, либо начнет пить. Как тебе такая перспектива?

– Всех жалко, – подумав, сказал Коля. – Но что я могу?

– Ты можешь стать Дон Кихотом, рыцарем печального образа, – твердо сказала я.

– Как это?

– Всех спасти, пожертвовав собой. Рыцарь света и любви. Рыцарь своей матери. Когда-то она в одиночку тянула тебя, больного, агрессивного, отстающего в развитии. Теперь ты вернешь ей долг, сохранив ее счастье, и заодно, быть может, поможешь стать человеком маленькой несчастной девочке, которой не так повезло с матерью, как тебе. Удивительно ли, что она теперь так цепляется за отца? Тебе будет трудно, не скрою. Что делать? Терпеть все подначки Раи. Отвечать ей кротко и ласково, считая не себя, а ее слабоумной и жертвой. Никогда не ябедничать на нее ни матери, ни отчиму. Наоборот, вслух говорить, что ваши с ней отношения улучшаются день ото дня. День, неделю, месяц, год. Заведи календарь и зачеркивай дни крестиком.

– А это поможет? – спросил Коля.

– Мир умеет слышать, поверь мне. То, что я тебе сейчас предлагаю, из твоей позиции – практически подвиг. Но рыцарь на то и рыцарь, чтобы совершать подвиги – кто же еще, если не он?

Коля долго молчал, механически расковыривая прыщ на лбу. Потом тихо сказал:

– Я попробую.

* * *

Я позвонила им почти через год, но Зинаида сразу узнала меня.

– Ой, вы знаете, а ведь Рома-то прав оказался! – радостно затараторила она. – Он ведь еще тогда мне сказал: «Не суетись, наладится все», вот оно и наладилось! И дети почти не ссорятся...

– Как это произошло?

– Да сначала Коля перестал нам про нее говорить, наверное, как-то сам научился справляться. А потом и она. Ведь даже отец заметил: «Ну что ты на него все ябедничаешь? Он-то молчит». И в комнате у них прибрано, и Рая теперь меня своими лизунчиками уже не так раздражает, а муж на Колю и вовсе не срывается, потому что не за что – он девятый класс заканчивает всего с двумя тройками и в поварское училище собрался, потому что готовить любит, ну и куда же ему еще после коррекционной школы... Все у нас хорошо, спасибо вам за участие.

– Сына поблагодарите. Он у вас рыцарь, – сказала я и повесила трубку.

Сашка и его семья

– Я без ребенка пришла. Вот карточка. Понимаю, что неправильно, вам бы надо его видеть, но Сашку очень трудно транспортировать...

Невольно пожившись от глагола, я заглянула в толстую карточку. ДЦП с эписиндромом, шесть лет. Сильнейшие лекарства.

– Задержка в психическом развитии?

– Ну разумеется. Сейчас Сашкин психический возраст – года три. Он кое-что говорит, многое понимает, мы много с ним занимаемся... Но, к сожалению, психиатрам никак не удастся наладить противосудорожную терапию – припадки бывают каждую неделю, и это очень тормозит...

– Я понимаю... Объем движений?

– Он ползает, довольно активно. Правая рука хорошо работает, он ею все берет, может сам есть, пить, даже рисовать. Левая хуже. Но вообще мы, конечно, в коляске.

– Ага, понятно. Чем я могу вам помочь?

У нее были усталые, но вопреки всему яркие глаза, прямой взгляд, правильные черты лица.

– Если честно, я пришла поговорить с вами о муже, Сашкином отце. Понимаете, он собрался от нас уходить...

Я сглотнула, отвела взгляд и трусливо уткнулась в бесполезную сейчас Сашкину медицинскую карту. Что я могу ей сказать? Что это, к сожалению, обычное дело – мужчины-отцы часто сбегают от детей-инвалидов, не выдержав психического и физического напряжения? Что ее муж еще долго продержался – шесть лет, скорее всего, очень и очень непростых. Разве ей станет от этого легче? Да она наверняка и сама всё это знает...

– Виктор очень помогал мне вначале. Делил все трудности, даже, можно сказать, брал на себя большую часть. Признаюсь сразу: без него я бы, наверное, рехнулась еще в самом начале. У нас есть дочь, с ней все было совершенно без проблем, мы хотели мальчика, долго его ждали, и вот, этот диагноз, а потом еще и припадки... «На полное излечение не рассчитывайте. Коляска, отставание в развитии наверняка, только какая-то коррекция...» Понимаете, где-то есть нормальная жизнь, а мы с Сашкой из нее совершенно выброшены, как будто под стеклянным колпаком, на другой планете, в безвоздушном пространстве... Если бы не Виктор тогда... Потом уже я нашла нашу городскую организацию родителей детей-инвалидов, стала читать в Интернете, научилась

пользоваться социальным такси, прочими возможностями, которые предоставляет государство, мы стали ездить на наши праздники, выезды семьями...

– Вы активный член этого родительского сообщества? – уточнила я. Ей явно приятно было об этом говорить.

– Да-да. Вы знаете, у меня там вдруг какие-то организаторские способности прорезались, и творческие тоже, мы недавно с нашими детьми такой спектакль поставили...

– Виктор принимал участие во всем этом?

– Да. Сначала – да. Вы знаете, там ведь в основном женщины. Мужчины уходят, как правило, в самом начале. А Виктор – в том-то и дело, он был там, с нами, помогал всем, таскал этих детей на руках. Вы же понимаете, у нас не Европа, далеко не везде можно на колясках проехать...

– А что же случилось потом?

– Не знаю, в том-то и дело, – женщина устало провела по лицу ладонями, как будто умылась. – Он просто сказал: «Все, не могу так больше, ухожу. Деньги буду давать, с Сашкой буду видаться, а дочку, как устроюсь, к себе заберу»...

– А это еще почему?! – изумилась я. – Сколько лет девочке?

– Тринадцать. Сами понимаете, сложный возраст. Но она, правда, с самого начала к Сашке ревновала. Говорила, что ему всё, а ей ничего. Дурочка еще...

– Чем я могу вам помочь? – повторила я, искренне сочувствуя ей, но не видя дальнейшего развития ситуации. Может быть, мне следовало бы поработать с девочкой? Посмотреть на Сашку и придумать что-то креативное для стимуляции его психического развития? Уверена, что мать точно выполнит все мои рекомендации.

– Вы поговорите с Виктором. Пожалуйста...

«О Господи!» – мысленно воскликнула я, а вслух сказала:

– Неужели, приняв такое решение, он пойдет ко мне разговаривать?!

И прибавила про себя: «Я бы на его месте ни за что не пошла!»

– Да, конечно. Но если все-таки... – она уныло опустила голову. – Вы ведь не откажетесь?

– Разумеется, не откажусь! – энергично закивала я, отчетливо понимая, что Виктора я никогда не увижу.

Он пришел на следующей неделе, в первый же вечерний прием. Невысокий, некрасивый, кряжистый, с седыми висками.

Представился, сел и молчал, как будто в ожидании. Чего он ждет? Зачем вообще пришел? Просто, чтобы потрафить жене? Я легко держу паузу, поэтому решила тоже помолчать.

– Вы, вероятно, полагаете, что я слабосильная сволочь, крыса, бегущая с тонущего корабля? – спросил наконец Виктор.

Ну, где-то приблизительно так я и думала, но решила быть дипломатичной:

– От вашей жены я знаю, что первые годы жизни Саши вы принимали самое активное участие в его выхаживании, адаптации. Возможно, теперь вы просто устали от всех этих хлопот, тревог, припадков, неясности перспективы или даже ее кажущегося отсутствия...

Я давала ему возможность ткнуть пальцем в понравившийся пункт.

– Устал, – кивнул мужчина. – Но, поверьте, не от того, что вы перечислили.

– А от чего же? («Неужели наш с ним разговор может получиться?!»)

– Наверное, это прозвучит тривиально и эгоистично, но мне хочется нормальной, обыкновенной жизни. Для себя и дочки хотя бы, если уж нельзя иначе.

Да уж, во всяком случае, в откровенности ему не откажешь.

– Виктор, вы же прекрасно понимаете, Сашино состояние...

– Да ни при чем здесь Сашкино состояние! – внезапно вскричал мужчина, в раздражении прихлопнув ладонями по коленям. – Поймите вы: я не от Сашки ухожу! Он, какой ни есть, мой сын! Ну инвалид, и что?! Раньше, когда родовспоможение было на уровне плинтуса, чуть не в каждой семье был дурачок, или расслабленный, или еще что-то такое... И что с того? Жили себе дальше!

– Виктор, объясните, – я действительно перестала понимать происходящее.

А у Виктора (я была уверена почему-то, что в обычной жизни он молчалив. Или жена об этом говорила?..) – у него как будто внутри прорвало какую-то плотину:

– Нету обычной человеческой жизни! Политика? Права детей-инвалидов. Надо бороться! Культура? Надо организовать экскурсию для «наших». И – безобразие! – кто-то там в коляске на какую-то выставку не смог попасть. Что за выставка – неважно! Читает инет часами, чуть не всю ночь, – только эти форумы, только про это разговоры, как будто ничего другого и вовсе нету. Педагогика? Как занимаются с умственно

отсталыми. Спорт? Олимпийские игры для инвалидов. Бытовые проблемы? «Сашка, Сашка»... Плюс бесконечные обсуждения по Интернету, кому что где положено от государства. Стала такой докой в этом вопросе, я даже удивляюсь. А я неплохо зарабатываю, между прочим, нам и так хватило бы. Семейные праздники? Я вообще молчу! Дочку тоже таскала, заодно с нами, пока та не отказалась наотрез, говорит: «Папа, мне кажется, что я тоже умственно отсталый инвалид. А тебе не кажется? Может, как-нибудь для разнообразия съездим куда-нибудь просто семьей, ты же сможешь Сашку до костра на руках донести, да он и сам ползает... Или, еще лучше, давайте оставим Сашку бабушке на пару дней и пойдем в длинный поход пешком, ты, мама и я, и какую-нибудь достопримечательность посмотрим»... Сказал жене, а она в крик: «Да, вам неприятно смотреть на этих детей, ты закрываешь глаза на их проблемы, как и все общество, а дочка – просто эгоистка!»

– Вам кажется, что жена слишком погрузилась в проблемы Саши и общества семей с детьми-инвалидами, отодвинув все прочие аспекты жизни?

– Не отодвинув даже, а просто назначив их неважными и несостоящими по сравнению с главным... Мне кажется, что это неправильно в корне. Я за то, чтобы Сашку приспособливать к нам, а не нас к нему. И я уверен, кстати, что это возможно. И не я один. Я ведь со многими отцами по этому делу общался. Многие именно от этого и уходят: не от детей, а от заикленности этой.

– Вы пробовали говорить об этом с женой?

– Сто раз. Она либо плачет, либо встает в позицию такой матери Терезы и обвиняет меня во всех смертных грехах. Когда я сказал, что ухожу, дочка на колени бросилась: папа, и меня заberi, я буду тебе обед готовить, все тройки подтяну и с Сашкой буду приходить сидеть, когда надо.

– Давайте попробуем поговорить еще раз.

– Давайте, что ж. Я вот сейчас проговорил все подряд вслух, и мне даже как-то легче стало.

* * *

Мы честно пробовали. Не один раз. Во всех возможных сочетаниях – муж с женой, мать с дочерью, все трое.

Не получилось.

«Как хорошо, что у меня есть „наши“ люди, которые в минуту предательства меня по-настоящему понимают и всегда готовы поддержать! Они с самого начала сказали мне, что всё бесполезно, и он все равно сбежит. А вот от тебя я не ожидала, у тебя же у самой когда-нибудь дети будут...» – бросила мать дочери и ушла с гордо поднятой головой.

«Вы все еще будете уговаривать меня остаться?» – горько спросил Виктор.

Худенькая тринадцатилетняя девочка со злым лицом катала по поликлиническому коридору коляску с улыбающимся Сашкой и слизывала текущие по щекам слезы.

Сесть за уроки

- Петя, кончай маяться дурью, пора за уроки садиться.
- Сейчас, я еще немного поиграю...
- Петя, ну что это за игра – бегать за кошкой! – в голосе матери слышится раздражение. – Тебе же не три года, а почти десять!
- Так я бы в компьютер поиграл, – живо откликается вихрастый, конопатый Петя. – Да ты мне не разрешаешь!
- Компьютер – это тебе вредно для глаз! – наставительно говорит мать. – Доктор в поликлинике сказал: не больше получаса в день. И в Интернете я тоже читала...
- А я полчаса! Вот полчаса, и всё! – лукавая Петина мордочка становится по-кошачьи умильной (тесное общение с кошкой явно не проходит даром). – Мамочка, можно?
- Сначала нужно сделать уроки.
- Тогда я еще поиграю...
- Хватит тянуть резину! – уже почти выходит из себя мать. – Так можно опять до вечера проваландаться! Сел, сделал – и занимайся потом чем хочешь! Хоть рисуй, хоть книжку читай, хоть модель собирай, которую папа тебе купил...
- А она не собирается...
- Да ты и не пробовал толком! Начал и бросил, как и всё, что ты делаешь!
- У меня правда не получается! Она сложная, я хочу, чтоб папа мне помог...
- Я, может быть, тоже хочу, чтобы папа мне помог, да где он? Где? – повышает голос мать. – Вот чтобы он вспомнил, что у него есть сын, и тебе сказал наконец по-мужски, что сначала надо дело сделать, а уже потом... Садись за уроки, я тебе сказала!
- Мам, а можно я творожок сначала съем, а потом уже сразу... Что-то есть хочется...
- Уроки!!! – орет мать. – Ты полтора часа назад пообедал! Что, забыл?! Бери учебники и садись за стол, я тебе сказала! Иначе я не знаю, что с тобой сделаю...
- Сейчас, сейчас, только водички попью... и в туалет схожу...

* * *

Спустя час.

– Ну что, ты сделал упражнение? Еще не переписал? Да чего там переписывать, там же восемь строчек всего!.. Почему у тебя опять машинки на столе?! (машинки летят в угол). Сколько раз можно говорить: игра – игрой, а уроки – уроками! Что же мне, над тобой безотлучно стоять, как в первом классе?! Как будто у меня своих дел нет...

– Ага, – кивает Петя. – Ты постой, пожалуй. А какую букву тут вставить?

– Ты сам должен знать! Мы с тобой позавчера полдня правило учили.

– А я забыл.

– А ты вспомни. Или пролистай параграф и в учебнике прочти.

– Ты мне лучше скажи, и всё.

От безмятежности сыновьей физиономии у матери начинают трястись руки. Она сдерживается из последних сил, так как знает, что орать на детей – непедагогично.

* * *

Спустя еще час.

– Ты что, ответы в этих примерах с потолка писал?

– Нет, я решал.

– Да как же ты решал, если у тебя пять плюс три получается четыре?!

– А... Это я не заметил...

– А что задача?

– Да я не знаю, как ее решать. Давай вместе.

– А ты вообще пробовал? Или в окно смотрел и с кошкой играл?

– Конечно, пробовал, – с обидой возражает Петя. – Сто раз.

– Покажи листочек, где ты решения писал.

– А я в уме пробовал...

* * *

Спустя еще час.

– А что вам по английскому задали? Почему у тебя ничего

не записано?

– Ничего не задали.

– Так не бывает. Нас Марья Петровна специально на собрании предупреждала: я даю задание на дом на каждом уроке!

– А в этот раз не задала. Потому что у нее голова болела.

– С чего это вдруг?

– А у нее собака на прогулке сбежала... Беленькая такая... С хвостиком...

– Прекрати мне врать!! – визжит мать. – Раз не записал задание, садись и делай подряд все задания к этому уроку!

– Не буду я, нам не задавали!

– Будешь, я сказала!

– Не буду!!! – Петя швыряет тетрадь, вслед летит учебник.

Мать хватает его за плечи и трясет с каким-то почти нечленораздельным злобным бормотанием, в котором угадываются слова: «уроки», «работа», «школа», «дворник» и «твой отец».

Потом оба плачут в разных комнатах. Потом мирятся. На следующий день всё повторяется сначала.

* * *

Именно с этой проблемой ко мне приходит почти четверть моих клиентов.

Ребенок уже в младших классах не хочет учиться.

Не усадить за уроки.

Если все-таки усаживается, все время отвлекается и всё делает тяп-ляп.

Ему вечно ничего не задано.

На приготовление уроков тратится страшно много времени, и в результате ребенок не успевает погулять, поиграть, сходить в какой-то кружок, заняться еще чем-нибудь полезным и интересным.

Вот схема, которую я использую в этих случаях.

1. Ищу в медицинской карточке с самого начала, есть ли (была ли) какая-нибудь неврология. Буквы ПЭП, ППЦНС или еще что-нибудь в этом роде.

2. Выясняю у родителей, что у нас с честолубием. Отдельно – у ребенка (переживает он хоть немного за ошибки и двойки, или ему совершенно все равно) и отдельно – у самих родителей (сколько раз

в неделю они рассказывают ребенку, что учеба – это его работа и кем и как он должен стать путем тщательного приготовления уроков).

3. Подробно расспрашиваю, кто и как отвечает за это самое приготовление уроков. (Хотите верьте, хотите нет, но в тех семьях, где все пущено на «самотек», проблем с уроками, как правило, и нет. Хотя, конечно, есть другие.)

4. Как могу, объясняю родителям, что это именно им (и учителям) нужно, чтобы ребенок-младшеклассник готовил уроки. Ему самому это низачем не нужно. Вообще. Он бы поиграл лучше. Взрослая мотивация («Я должен сейчас сделать неинтересное это, чтобы потом, несколько лет спустя...») появляется у детей никак не раньше пятнадцати лет. Детская мотивация («Хочу быть хорошим, чтобы мама / Марья Петровна похвалила») обычно исчерпывает себя к 9–10 годам. Иногда, если ее очень эксплуатируют, – раньше.

Что делать?

Если соответствующие неврологические буквы в карточке обнаружились, стало быть, у ребенка собственные волевые механизмы слегка (или даже сильно) ослаблены, и родителю всяко придется над ним некоторое время «зависать» – по показаниям, вроде таблеток. Иногда просто достаточно держать руку у ребятенка на голове, на макушечке – и он в этом положении за двадцать минут все задания (как правило, небольшие) благополучно делает. А вот надеяться, что он их все в школе запишет, не стоит ни разу. Поэтому нужно сразу завести альтернативный канал информации. Вы сами знаете, что вашему ребенку задали, – и хорошо. Но волевые механизмы нужно развивать и тренировать, иначе они так никогда и не заработают. Поэтому регулярно (например, раз в месяц) следует немного «отползать» со словами: «О сын мой (дочь моя)! Может, ты уже стал так могуч, выросл, умен и т. д., что сможешь сам переписать упражнение? А задания к нему сделаем вместе?.. Сможешь сам встать в школу по будильнику?.. Сможешь решить столбик примеров?» Если не получилось: «Ну что ж, пока недостаточно могуч. Попробуем еще раз через месяц». Если получилось – ура!

Если букв нет, а ребенок вроде бы честолюбив, можно провести эксперимент. «Отползти» много существеннее, чем описано в предыдущем пункте, и дать ребенку «взвеситься» на весах бытия: «Что могу я сам»? Если нахватает двоек и даже пару раз в школу опоздает – ничего страшного. Тут что важно? Это эксперимент, не мстительный («Вот я тебе сейчас покажу, что ты без меня!..»), а дружелюбный («А вот давайте посмотрим...»). Ребенка никто ни за что не ругает, но вот малейшие успехи

поощряют и закрепляют за ним в пользование: «Отлично, оказывается, мне не надо больше вот тут над тобой стоять! Это была моя ошибка. Но как я рада, что все выяснилось!»

Надо помнить: никакие теоретические «договоры» с младшими школьниками не работают, только практика.

Если нет ни букв, ни честолюбия (у ребенка), то надо школу пока оставить влачиться как есть и искать ресурс вовне – то, что ребенку интересно и что у него получается. Для каждого что-то такое есть. Если ребенок где-то будет комфортен и успешен, то школе от этих щедрот тоже достанется – от грамотного повышения самооценки все дети становятся чуть ответственнее.

Если у ребенка есть буквы, а у родителей – честолюбие («дворовая школа – это не для нас, только гимназия с усиленной математикой!»), то ребенка оставляем в покое и работаем с родителями.

Таков тот алгоритм, который обычно предлагаю родителям «Пети» я сама. Но среди наших читателей есть еще и педагоги, и психологи. Может быть, они захотят что-то оспорить или, наоборот, добавить или уточнить? Ведь проблема более чем распространенная, и их опыт наверняка многим пойдет на пользу.

Синее небо и белые овцы

В начале апреля мир отмечает день людей, больных аутизмом. Я решила написать на эту тему. Может быть, сумею кому-то подарить надежду?

Я не работаю и никогда не работала с семьями, где есть ребенок-аутист. Психологическая консультация – явно не тот метод, которым может быть преодолено или хотя бы существенно облегчено это страдание. Но было несколько встреч. О двух из них я сейчас и расскажу.

Встреча первая. Стасик

Подходя к поликлинике, я услышала вой. Стояла поздняя осень, все окна в поликлинике были закрыты, но вой шел откуда-то изнутри и был слышен очень отчетливо. Так пробивается сквозь все преграды волчий вой. Я имела дело с волками и знаю это доподлинно. Если говорить об эмоциональной составляющей, вой был гневно-тоскливый. «Только бы он (кто бы он ни был) пришел не ко мне, а к какому-нибудь другому специалисту!» – взмолилась я, поднимаясь на крыльцо.

Но – тщетно. Конечно же, он сидел, скрючившись, под банкеткой у двери именно моего кабинета. И выл. Рядом медленно суетились родители. Остальные посетители этажа (и взрослые, и дети) смотрели с испуганным любопытством и иногда давали советы.

– Ну что ж, берите и заносите, – вздохнула я.

Его звали Стасик. Ему было три с половиной года. Родители жаловались на задержку развития речи.

– А больше вас ничего не беспокоит? – почти не скрывая сарказма, поинтересовалась я.

– Да в общем нет, – ответили они, честно глядя мне в глаза. – Он дома спокойный, ни к кому не пристаёт, играет сам. Ходим мы куда-то редко, у нас еще младший ребенок есть...

– А как Стасик играет?

– Ну, как... нормально... переставляет в углу игрушки, у него есть какой-то свой порядок, он его никому нарушить не дает. Или просто возьмет что-то и стучит... или качает иногда...

– Это кажется вам нормальной игрой?!

– Ну да. А что? Только не говорит он ничего, врач-педиатр к младшему приходил и велел нам к вам сходить. Но вот свекровь рассказывала, что у нее оба сына только после трех заговорили...

Стасик был аутистом, классическим. Не смотрел в глаза, не говорил, не позволял до себя дотронуться, имел массу стереотипий и ритуалов. Причем все это было очень давно. Никакого Интернета, никаких книжек на русском языке, о самом диагнозе мало кто слышал. Единственное, что я могла рекомендовать родителям, это где-то разыскать и посмотреть видеокассету с фильмом «Человек дождя».

Меня интересовал главный вопрос: что у Стасика с интеллектом? Все пособия, которые я пыталась ему всучить, он отшвыривал или игнорировал. При любой настойчивости с моей стороны взывал на пробу (я тут же «отползала»). Но я видела, как внимательно он наблюдает за мной исподтишка, и это был не рассеянный взгляд умственно отсталого ребенка, а цепкий и очень заинтересованный контакт.

Родители (оба) – с явными «странностями». Получится ли хоть что-нибудь им объяснить? «Он в домике, – сказала я. – Выйдет ли оттуда – бог весть. Но он там есть, понимаете? Сидит на скамейке у окна, сложив руки, и ждет. Вы должны туда в домик все положенное ему по возрасту закидывать или хоть под окном ставить. Я вам расскажу, что оно такое. У него есть интерес к миру, но он не знает, как его проявить».

Получилось. Кое-что сделали мы с родителями и еще другие специалисты, к которым Стасик попал позже. Основное – младший брат. Когда он чуть-чуть подрос, он просто брал Стасика за руку и вел в жизнь. Стасик с ним шел, с братом ему не было страшно. А младший чувствовал ответственность: раскладывал картинки, разыгрывал сценки, а в четыре года уже научился читать. И Стасик научился вместе с ним.

К сожалению, Стасик так толком и не заговорил. Его максимум – предложения из трех слов. Но когда он учился в третьем классе своей коррекционной школы, задачи решал – для 6–7 класса обычной. А в шестом классе полюбил читать исторические романы и военные мемуары. Папа Стасика надеется, что Стасик станет, как он сам, – программистом. Сам Стасик говорит, что хочет стать танком. Но не таким, который ездит и стреляет, а танком-памятником. Который стоит в парке. Можете расшифровать метафору?

А их младший пока хочет стать учителем начальных классов.

Это была действительно встреча.

В то время к нам приезжало много всяких психологов со всего мира. Огромная страна, только что поднялся железный занавес, им тоже было интересно, я их понимаю. Они думали, что мы табула раса в плане психотерапии, приезжали нас учить. Я, как и все тогдашние психологи, ходила учиться.

Ей-богу, не помню, что там был за метод, который пропагандировали в наших рядах очередные варяги. Может быть, забыла начисто именно потому, что там была еще и Йохана. Она просто рассказывала о себе.

Ее родители были фермерами, и у них было четверо детей. Она родилась третьей. К четырем годам она не заговорила, не играла в игрушки, пряталась от других детей, щипалась и кусалась. Иногда щипала и кусала сама себя. Психиатры прописали лекарство (оно вызывало у нее какие-то ужасные побочные эффекты) и сказали родителям Йоханы, что больше ничего сделать нельзя, мозг поврежден, девочка развиваться не будет. «Сосредоточьтесь на остальных трех детях».

Родители поступили прямо наоборот. Мать занималась тремя детьми. А отец – только Йоханой. Но как он это делал? Ведь у него на руках была довольно крупная ферма, где всё делали они с женой и только иногда, в самую горячую пору на месяц-другой нанимали работника.

Вначале он просто привязал ее вожжой к своему поясу. Куда шел он, туда шла и она. Кормить животных, убирать за ними, работать на мини-тракторе, в огород, на пастбище, в конюшню, в туалет. Везде. Если она сопротивлялась, он нес ее на руках. Если кричала и кусалась, клал на землю и пережидал. Он заставлял ее прикасаться к животным, клал ее на них, потом сажал. Они нюхали, лизали ее, иногда кусали или лягали. Он окунал ее в воду и давал самой вылезти, подсаживал на ветку дерева и давал самой слезть. И он обо всем ей рассказывал: «Сейчас я делаю то, это, а потом буду делать вот то. Это нужно, потому что... А вот из этого у нас потом выйдет вот что...» Она отчетливо помнит, как рухнула стена. Ей было около восьми лет. Она сидела на каменистом пастбище. Вокруг паслись овцы. Над головой было голубое-голубое небо. К ней подошел ягненок. Она погладила его по бархатной мордочке и вдруг поняла: «Вот мир, и вот в нем – я». Она встала, подошла к отцу и сказала: «Папа, я хочу есть! У нас есть что-нибудь покушать?» Это была ее первая связная фраза за всю жизнь. Отец заплакал, а она обняла его.

Йохана выучилась на педагога-дефектолога (так это называется у нас). Она работает с «особыми» детьми и взрослыми. У нее неплохо получается, потому что на многие вещи она может взглянуть «изнутри». Она делает это

в память своего отца (он скончался). Она постановила себе, что будет работать так до сорока пяти лет (в момент нашей встречи ей было лет 35–37), а потом вернется на семейную ферму – сейчас там хозяйничает семья старшей сестры, но они хотят переехать в город, – и будет жить там, где синее небо и белые овцы. У нее есть ребенок, мальчик с особенностями развития, которого она усыновила. О грядущей жизни на ферме они фантазируют и мечтают вместе.

Случай арт-терапии

Я с большим уважением отношусь к арт-терапии и к специалистам, которые посредством ее помогают людям. У меня огромная коллекция детских рисунков, я настойчиво рекомендую всем родителям маленьких детей с проблемами развития сложные театрализованные ролевые игры, и однажды, много лет назад, добилась очень хорошей ремиссии ранней детской шизофрении и адаптации ребенка в обычной начальной школе всего лишь тем, что мы с мальчиком (а потом и его семья с ним же) лепили слоников из пластилина, составляли из них стадо и пускали это стадо жить настоящей слоновьей жизнью в придуманные нами джунгли. Но все же арт-терапия – не мой метод. Я ему нигде толком не училась, да и сама – увы! – совсем не разбираюсь в искусстве.

* * *

Как-то в начале лета в мой кабинет пришла женщина. У нее были рабочие руки и несимметричное, худое и некрасивое лицо. А на лице – удивительные фиолетовые глаза. Казалось, что внутри ее головы горит холодный огонь.

– Есть люди и даже, наверное, семьи, – сказала она мне, – которые пришли и находятся в этом мире для его украшения, усовершенствования. Кто-то пишет музыку, как семья Бахов, кто-то, например, потомственные ученые или изобретатели, изучает мир, открывает тайны природы, создает нечто для улучшения жизни всех. На ком-то – на земледельцах, торговцах, врачах, рабочих у станков – просто всё держится. Если представить себе, что мир совершенен в своей гармоничности и все в нем для чего-то нужны, то наша, моя родная семья, вероятно, является чем-то вроде предупреждающего знака или вешки на болоте: сюда не ходи, здесь опасно! Мой родной отец был рабочим, токарем. Его предприятие закрылось в перестройку, и он (и до того, конечно, не трезвенник) начал стремительно спиваться. Я его плохо помню – только запах и какие-то крики, когда он бросался на маму с ножом или табуреткой, а брат кидался между ними. Потом отец умер, а мама стала... даже не шлюхой, ведь шлюхи зарабатывают своим ремеслом себе на жизнь... Так, дилетанткой: когда покормят, денег деткам на молочко дадут, а когда и в морду. Настоящей

проституткой стала, когда выросла, моя младшая сестра – она сейчас в содержанках у одного женатого кавказца, правда, он очень ревнивый и грозит ее зарезать, если что, а она слаба на передок. Так что боюсь я за нее, но – что ж я могу? – не сторож я сестре своей... Мой старший брат стал наркоманом и умер от передоза десять лет назад. Мне самой еще в школе нравились хулиганы, я за такого и замуж вышла, и дочку от него родила. Теперь он в тюрьме сидит, за убийство, не скоро еще выйдет...

Я слушала, не скрывая своего удивления. С такой биографией ей все-таки как-то удалось получить образование?

– Кто вы по специальности? Кем работаете? Сколько лет вашей дочери и каков сейчас состав семьи?

– Никакой специальности у меня нет, я школу бросила после десятого класса, через два года – замуж... Работала в разных местах. Сейчас лепешки пеку.

– Лепешки? – улыбнулась я.

– Ну да, в тандыре, это печь такая. Сожителю помогаю, у него три точки: две на вокзалах, одна – у Кубанского рынка. Каракалпак он, из Муйнака. Готов даже и жениться на мне, чтобы прописку питерскую получить, но чего-то мне кажется, что у него на родине уже есть какая-никакая семья. Хотя ко мне и дочке он хорошо относится, грех жаловаться, да и сравнить есть с чем. Говорил: «Роди мне сына». Я ответила: «Обойдешься». А как? Хорошо, если его линия перебьет. А если моя? Еще одна вешка для предупреждения окружающих? Кто ж станет для такой судьбы ребенка рожать? Это он мне велел к вам сходить...

– Сожитель каракалпак велел вам сходить к психологу?!

– Ну нет, не так, конечно. Он просто сказал: «Марина, всё у нас хорошо, а мира у тебя в душе нет. У тебя же дочь растет, какой ей от тебя пример? Почему так? Что у вас тут с этим делают? Сходила бы ты в церковь вашу или еще куда...» В церковь мне чего-то не захотелось. Вспомнила, как в три года дочка истерики закатывала и головой билась, невропатолог к вам послала. Тогда помогло, и вот...

– Марина, а почему вы бросили школу? Что-то мне трудно поверить, что не справлялись с программой...

– Да достали все – ведь у меня такая семья, да и с хулиганами водилась. Чего ждали, то и получите. Училась я плохо, точнее неровно, потому что прогуливала, но однажды в девятом классе побилась об заклад с одной мымрой-отличницей, что могу на все пятерки, не хуже ее учиться...

– И?

– Да вот... Я принесла, потому что знала: вы так-то не поверите...

Я взяла в руки слегка пожелтевший табель. Там в столбик стояли круглые, улыбающиеся пятерки. Фамилия, год – все совпадало. И это ведь на фоне предыдущих лакун в знаниях и абсолютно без всякой поддержки, на чистом упрямстве!

– Читать я тогда любила, – сказала Марина. – Но не про выдуманных людей, а про настоящих, которые в самом деле на свете жили. Всю серию «ЖЗЛ» от корки до корки прочитала, в школьной библиотеке она была – в углу за полками сидела, а библиотекарьша меня покрывала, даже когда я уроки прогуливала. Домой-то я книжки боялась брать: материны сожители заблюют, брат утащит и продаст или сестренка подожжет – она в детстве пироманила помаленьку, да и сейчас всё свечами уставляет, но ее кавказцу нравится...

Кульбит судьбы: в семье «вешек» родилась девочка с чрезвычайно высоким интеллектом, которому все, кроме тихой школьной библиотекарьши, просто отказывали в существовании. Неудивительно, что сейчас в душе Марины нет мира.

– Вы знаете, Марина, а ведь ваш гражданский муж был прав! – с фальшивым воодушевлением воскликнула я. – Вам действительно не помешает как следует разобраться со своим детством и юностью. Это даст вам возможность принять настоящее и двигаться дальше. Может быть, все-таки образование... Курс аналитической психотерапии... сейчас я напишу вам координаты центра...

– Да бросьте вы! – пожала она плечами. – Вы же знаете, что я никуда обращаться не стану. Мне тридцать пять лет, мой поезд ушел – что я, от тандыра в университет пойду? Я за дочку только... Она-то ни одной книги и в руки не берет. Тут слышала случайно, говорит кому-то: «У меня отец за убийство сидит, и сама я круче вареного яйца»... Дура, что взять! Но можно ли ей вот это всё наше не передать? Кроме меня – кто же?

– Ну, давайте, вы походите ко мне...

– Не стоит. Но, может, вы направление какое обозначите? А дальше я уж сама...

Слишком, слишком умна, сильна и независима. Ни к кому не пойдет. Что мне остается? Она любила читать...

– Прочтите ранние, еще дореволюционные повести Вересаева. Там тоже судьба людям дорогу прописывала (весь уклад был обречен, и это все чувствовали), а они с этим взаимодействовали и справлялись. Впечатляет.

– Хорошо, прочту. А еще? Еще?

Боже мой, бывает же не только физиологический голод!.. Ей не нужны

хеппи-энды и романы-инициации. Они только причинят боль. Если бы я заранее подготовилась, я бы, конечно, могла... А сейчас? Она же больше не придет! Мой взгляд заметался по полкам и случайно наткнулся на толстый альбом с марокканскими картинами Зинаиды Серебряковой – повторяюсь, я ничего не понимаю в искусстве, и этот альбом появился у меня случайно, благодаря знакомствам и дружбе на «Снобе».

– Смотрите, Марина! – сказала я. – Вот люди. Чем-то похожие на вашего мужа и его соплеменников. Разноцветная кожа, белые стены и розовое солнце. Я была в Муйнаке...

– Он говорит, что там до сих пор всем снится ушедшее сорок лет назад море^[2]. Люди ложатся спать в домах, стоящих посреди пустыни, и видят во сне шторма, белую пену прибоя, чаек и белые пароходы. Он говорит: я был совсем малышом, но даже твое имя напоминает мне о морской волне... Боже, какие красивые люди на этих картинах... У них лица...

– Да, да, это живые люди, именно как вы любите, увиденные и запечатленные Серебряковой на улицах Марракеша. Смотрите, вот продавец лепешек...

– Да-да, именно такие лепешки! – я впервые услышала смех Марины. – Какие чудесные глаза из-под чадры у этой женщины... Они просто живут...

– Да. А дочь Зинаиды Екатерина Серебрякова посвятила всю свою жизнь творчеству матери, не имела своей семьи и детей и, кажется, так и не поняла, что сама была очень талантливой художницей. Ей сейчас сто лет и она живет в Париже. Видите, это она подписала мне этот альбом...

– Сто лет?! Сама подписала?... А вы теперь показываете этот альбом мне, а я приду домой и расскажу об этом людям, похожим по строю души на героев картин ее матери...

– Да. Марина, вы видите мир поразительно целым. Это редкий дар. Постарайтесь именно его передать дочери или по крайней мере покажите, как это бывает.

– Я постараюсь. Время вышло, у вас уже следующий человек... Можно я возьму этот альбом еще на час и посижу с ним где-нибудь в уголке поликлиники? Заодно вспомню школьную библиотеку и библиотекаршу. Я видела там у вас в холле отличное место под монстерой...

– Конечно, берите и сидите.

– Спасибо! Эти люди на картинах, и вся эта история на живых нитках – Марокко – Париж – Муйнак – Питер... Они как лекарство для меня, я вдруг почувствовала себя живой...

Отчего люди не летают?

Мальчику на вид было около восьми лет. Оказалось – десять с половиной.

Мать долго и монотонно (видно, что не в первый и даже не в десятый раз), потряхивая толстой карточкой, рассказывала свою и ребенка историю: долго не могла зачать, выкидыши на поздних сроках, потом серьезная патология беременности, родился глубоко недоношенным, два месяца в кювезе, потом ворох диагнозов, включая ДЦП, – одни отменялись, тут же возникали другие... Ребенок последовательно или одновременно не спал, не ел (срыгивал), не какал, не держал головку, не переворачивался, не удерживал предметы, не садился, не начинал говорить... Я уже жалела, что сразу не выгнала Федю в предбанник с книжкой – понятно, что он тоже слышит все это не в первый раз, но зачем? Сам Федя сидел спокойно, вполне дружелюбно рассматривал все окружающее, получив разрешение, взял из ящика с игрушками трансформер, а мать все продолжала свой рассказ. Жизнь как борьба за ребенка. Кажется, в какой-то степени это уже стало предметом ее гордости. Компенсация, вполне можно понять.

В конце концов я утомилась медицинскими подробностями и незнакомыми мне именами медицинских светил, которые когда-то осматривали Федю и консультировали семью, и спросила:

– А ко мне-то вас что привело?

Мать осеклась на полуслове и, опустив голову, долго листала какие-то справки у себя на коленях. «Ищет название какого-нибудь последнего диагноза?» – предположила я.

– Я не знаю, как вам сказать. Боюсь, – наконец призналась она.

Я насторожилась: «Ого! Чего же это она после всего уже пережитого может бояться? Неужели у мальчишки ко всему прочему еще и психиатрия какая-нибудь прорезалась?!» Я еще раз внимательно взглянула на Федю. Он улыбнулся мне открытой, немного грустной улыбкой. Кажется, он вполне понимал, что мать имеет в виду. Кроме того, в выражении его лица отчетливо читалась фраза: «Я сожалею. Но что я могу поделать?»

– Федя, в каком ты классе?

– В четвертом.

Значит, пошел в школу по возрасту.

– Как ты учишься?

– Нормально. У меня одна тройка – по русскому.

– У тебя есть друзья?

– Да, один друг и одна подруга, еще с детского садика.

Ходил в детский садик, значит, по крайней мере к шести годам здоровье было уже приемлемым.

– Что ты любишь делать?

– Играть в шахматы, смотреть мультфильмы и передачи про природу, гулять в лесу, в горах и на море. Еще играть с котом и кататься на велосипеде.

Совершенно нормальные увлечения для такого слабенького и болезненного в прошлом ребенка. Даже очень нормальные, просто вот совсем ничегостораживающего.

– Федя, ну скажи же ты доктору! – почти выкрикнула мать.

– Что именно нужно мне сказать? – я посмотрела на Федю.

Он пожал узкими плечами.

– Я вижу сны. Во сне я умею летать.

– Да. Но что же с того? – теперь плечами пожала я. – Практически все видят такие сны. Я тоже всегда, с детства их видела и даже теперь иногда...

– Федя считает, что люди умеют летать и наяву тоже, просто забыли, как это делается, – тем же тоном, которым перечисляла перинатальные диагнозы сына, сказала мать.

– Да, – Федя кивнул. – Как бы мы могли видеть и чувствовать то, чего никогда не было? А вы как во сне летаете? Высоко?

– Да нет, не очень, – несколько смущенно отозвалась я (откуда это смущение? Ведь люди обычно охотно рассказывают свои сны, а в полетах нет совершенно ничего неприличного). – Ну, так, немножко, несколько метров, может быть...

– Да-да, так обычно и бывает. Метров двадцать-тридцать максимум. Наверное, это наш предел, – спокойно подтвердил Федя. – Но это совершенно не страшно, у большинства насекомых и у некоторых птиц еще меньше. А вот это чувство во сне: «Так вот, оказывается, это как делается! Так просто! Как же я раньше не догадался?!» У вас оно есть? – мальчик требовательно заглянул мне в глаза.

– Ну... в общем, да...

Мать тяжело и шумно вздохнула:

– Он уже четыре года (с подготовительной группы детского садика) проводит что-то вроде исследования, опросил уже несколько сотен человек, у него сначала была тетрадка, а теперь компьютерные файлы... Все мифы, все сказки о летающих людях, и не только об Икаре, которого все знают. Там у него какая-то такая экзотика, о какой мы и понятия не имели, пока он

нам не рассказал. Помните того человека, который собирал свидетельства о клинической смерти у переживших ее, про вот этот светящийся коридор? Вот, и у Феде что-то в этом роде... Кто как летает, как часто, как взлетает, что видит, когда летит...

– Да-да, – вставил Федя, улыбаясь. – Я, когда умирал маленьким, очень много летал. Это было... Хорошо, мама, я не буду.

– Ну что же! – с наигранной бодростью воскликнула я (а сама чувствую: что-то тут все-таки не так!). – Оригинальное и стоящее увлечение у тебя, Федя! Сны ведь – до сих пор очень загадочная вещь. Возможно, когда-нибудь твое исследование очень пригодится ученым. А может быть, ты и сам станешь ученым.

– Он собирается сам полететь! Наяву, а не во сне!! Научиться летать и научить других! Вернуть людям когда-то утраченное! Понимаете?!! – выкрикнула мать и прижала ладони к ушам, словно сама оглушенная своим криком.

– В каком смысле?

– В самом прямом! Он уверен, что люди могут летать. Надо только вспомнить, как это делается. Он сказал нам, что полетит, еще где-то лет в пять, когда чуть-чуть наладилось со здоровьем. И объяснил про сны. Мы убеждали его, что сны и реальность – это разные вещи. Он сказал: «Реальность – это то, что есть сейчас. Сны – это про то, что было, или про то, что будет». Мы тогда сразу не нашли, что сказать, потому что когда пятилетний ребенок начинает говорить афоризмами... Он успокоил нас, сказал: «Еще не сейчас, ведь я должен понять и как следует вспомнить. Если ошибусь, то разобьюсь сразу, и никакого толка. Одно дело во сне и другое – наяву, я понимаю». С тех пор вот всё это – подготовительная работа. У него есть единомышленники, я читала в Интернете, и у меня волосы дыбом вставали: они все ждут, когда он полетит! И вроде как верят в это! Он у них что-то вроде гуру, понимаете!! «Ребенок-индиго», так ему какая-то экзальтированная взрослая дура во «ВКонтакте» написала: «Тебя, наверное, родители совсем не понимают, я была бы счастлива, если бы у меня был такой сын, мы бы полетели вместе...» Мир полон сумасшедших! Мы отключали компьютер – ему это совсем не мешает, он легко взаимодействует с живыми людьми, может в электричке по дороге на дачу с кем-нибудь разговориться и тут же достать свою тетрадочку... Мы все время ждем, – каждый день, вы понимаете? – что он шагнет с какой-нибудь крыши. Мы его просили: «Ты скажешь нам, когда?» А он нам: «Нет, вы будете нервничать и меня отговаривать. Когда я уже полечу, вы, конечно, первые узнаете, ведь вы же мои родители, я и вас научу

летать, это же так здорово...»

Тут уж я испугалась по-настоящему, конечно. Вымоленный у Бога и современной медицины ребенок, который едва ли не каждую минуту может решить, что набрал достаточно информации и чувственного опыта, и шагнуть в никуда с уверенностью, что сейчас полетит над миром...

Но я ничего не смогла. Все мое разбивалось о матово-ледяной панцирь Фединой уверенности в своей правоте. Никакие замены типа аэродинамической трубы или обучения в секции парапланеризма Федю особо не интересовали (хотя родители готовы были хвататься за что угодно – в трубе Федя с интересом полетал, а парапланеристы протестуяще замахали руками, едва увидев заморыша). «Ну вы же понимаете, что это все не то!» – доверительно улыбнулся мне мальчик. Максимум, чего я смогла достичь, – ознакомившись с собранными им данными, я со всей силой бывшего исследователя-экспериментатора обрушилась на гипотезу «шага с крыши». С его же «сонными» данными в руках я доказывала мальчику, что стиль полета у людей отличается от стиля полета у стрижей и буреветников и близок, скорее, к гусям или лебедям, только на суше. Бежать, все увеличивая длину прыжка, чуть-чуть зависать в воздухе... Федя слушал меня очень внимательно, в чем-то соглашался, ибо логика у него работала великолепно.

Потом мы расстались. И я не знаю, что с ним стало.

* * *

Но вот здесь и сейчас. Мы об этом обычно не задумываемся, но большинство населяющих нашу планету животных живут в трехмерном мире: птицы, насекомые, все морские обитатели, многие обитатели наших лесов (белки, куницы) и почти все обитатели джунглей. «Двумерников», таких, как мы, люди, пожалуй, меньшинство. Ну ладно, мы возводим небоскребы, живем в маленьких коробочках в нескольких метрах над землей, чтобы хоть иллюзию трехмерности создать. Но откуда же тогда наши сны о полетах? Там – не самолеты, не парапланы, не крылья, как у птицы или стрекозы, которые можно было бы счесть ночным отражением дневной реальности. Во сне мы летаем сами. Как, действительно, можно во сне увидеть и ощутить то, чего никогда с нами не было? Да еще так приблизительно одинаково у всех... Как вы думаете, что же это нам всем такое снится?!

Совет психолога

Мужчина пришел один, без женщины и ребенка. Постучал и стоял на пороге, поблескивая глазами из коридора, молча и смущенно. Я приняла бы его за коробейника, которые регулярно забредают к нам в поликлинику и всегда реагируют на мою дверную табличку («Стучите, и вам откроют»), но помешал откровенно зрелый возраст и четко прописанная на породистом лице интеллигентность. Коробейники обычно молоды, напористы и дворняжисты.

– Вы ко мне? – все-таки уточнила я. – Тогда проходите.

Он назвался Виктором Михайловичем. Объяснил, что пришел по поводу пасынка, которому тринадцать. Жена пойти с ним в поликлинику решительно отказалась («Ты сам себе что-то придумал»), а мальчика по имени Коля он почему-то с собой даже и не звал. Виктора Михайловича волнует то, что мать слишком опекает сына и не дает ему никакой самостоятельности. Мама и бабушка до сих пор провожают Колю в школу, контролируют каждое его действие и едва ли не завязывают ему шнурки. При этом сам Коля гиперопеке практически не сопротивляется и охотно предоставляет матери всё контролировать, ни на чем не сосредотачиваясь и почти ничем, кроме компьютерных игр и просмотра телевизора, себя не утруждая.

«Странный визит, – резюмировала я свое первое впечатление. – Похоже, он сам толком не знает, зачем пришел и чего от меня ждет. Или дело вообще не в том, что уже прозвучало, а в том, что он не решается сказать. Может быть, Коля тут фигурирует лишь в качестве предлога, и речь идет об отношениях с женой?»

– Давно ли вы пришли в эту семью? – спросила я.

– Достаточно давно, чуть больше пяти лет, – ответил Виктор Михайлович. – Сначала я старался не вмешиваться в воспитание, думая, что вот, мальчик еще маленький и достаточно рассеянный, может быть, с ним так и надо...

– У вас есть еще дети?

– Да, два сына от предыдущего брака, сейчас они уже взрослые, младший заканчивает институт. У меня с ними очень хорошие и достаточно близкие отношения, я никогда не прерывал общения с той семьей и всегда принимал участие в судьбе сыновей.

– А как ваша нынешняя жена к этому относится? – попыталась что-

нибудь нащупать я.

– С пониманием, вполне. Она никогда не пыталась препятствовать моему общению с сыновьями, находила и находит вполне естественным, что я уделяю им много внимания. А вот к Коле почему-то с самого начала не особо подпускала.

– А отец Коли?

– Он живет в другом городе, звонит раз в год, чтобы поздравить сына с днем рождения, и ни разу не появлялся за все то время, что мы вместе.

– Но чем же я могу вам помочь, если вы с Колей никак не взаимодействуете, а жена от взаимодействия по этому вопросу с вами или со мной отказалась?

Виктор Михайлович уныло пожал плечами.

– Не знаю. Когда росли мои родные сыновья, я много работал и как-то не очень интересовался их взрослением и собственно воспитанием. Мне казалось, что оно происходит само собой. Дети смотрят, как живут родители, смотрят в мир и как-то что-то перенимают. А вот теперь (может быть, вы скажете: поздно!) я заинтересовался этими вопросами, стал читать статьи в Интернете, книги, вот ваши книжки прочел...

«Экзистенциальный кризис? Ищет новые смыслы?» – пыталась догадаться я.

– Вы пишете, что родители должны постепенно «отползать», чтобы ребенок мог осмотреться и самостоятельно освоить освободившиеся от них территории, и я с этим согласен. Но у Коли этих территорий практически нет. Мать моет его в ванной, собирает ему портфель, бабушка подает и забирает тарелку...

– А ваша жена работает?

– Работает полный день и полную неделю, в том-то и дело! На работе она эффективный и даже жесткий профессионал, своим сотрудникам не только предоставляет достаточно самостоятельности, но безоговорочно требует ее с них. Я доподлинно знаю, о чем говорю, потому что мы познакомились как коллеги.

– Вы пробовали указать ей на это противоречие?

– Да, конечно! Она говорит: ты путаешь божий дар с яичницей, это совершенно другое дело. Вообще у нас с женой прекрасные доверительные отношения, мы понимаем друг друга, за пять лет ни разу толком не поссорились. Но когда доходит до этой темы, у нее как будто шторка падает...

– Может быть, Коля – болезненный мальчик или был таким прежде? Так бывает, если родители много лечили ребенка...

– Нет! Она вообще не водит его к врачам! Николай – тьфу-тьфу-тьфу! – здоров, но когда все-таки изредка простужается, они с бабушкой обычно лечат его сами. Я бы даже сказал, что у жены какая-то фобия детских поликлиник, вот и сейчас она проявилась. Я бы отступился, конечно, чтобы не портить отношения, но мне, понимаете, совесть не позволяет. Ведь, на мой взгляд, она просто на моих глазах калечит парню судьбу. Я знаю, что вы не даете советов, но все-таки: что я могу сделать?

В этом месте я почему-то поверила, что он пришел говорить не только о себе.

– Но ведь есть и ваш личный интерес.

– Да, – потупился Виктор Михайлович. – С самого начала наших отношений я заговаривал об общем ребенке. Мне, конечно, очень хочется дочку, но я был бы рад и сыну, – грустная улыбка. – В мальчиках я по крайней мере немного разбираюсь... Жена категорически отказывается. Причины выдвигает самые смехотворные, не выдерживающие никакой критики.

– Есть что-то еще, чего вы не знаете, – сказала я. – Идите и постарайтесь узнать. У жены или, может быть, у тещи. Такое поведение жены и матери, да еще с «падением шторки», должно чем-то объясняться. Чем-то из прошлого. Узнаете – приходите, лучше, конечно, с женой.

Он пришел опять один, выглядел возбужденным.

– Представьте себе, вы были правы! – воскликнул он. – Я выполнил ваше задание. Теща не сразу, но раскололась. Я впервые в жизни задал несколько прямых вопросов, и она мне ответила. Детей у жены было двое. Двойняшки или близнецы – этого я не понял. Вторым мальчик уже родился очень больным и умер на второй или на третий день в роддоме. Теперь-то я понимаю! И теперь мы с вами...

– Вы понимаете, я – нет, – сказала я. – С натяжкой, но смертью одного из детей можно объяснить гиперопеку над оставшимся. Но категорический отказ рожать ребенка в следующем, безусловно, удачном браке? Не сходится. Есть что-то еще.

Виктор Михайлович выглядел обескураженным.

– И что же, вы мне так ничего и не скажете? Что мне теперь делать и вообще?..

– Ничего не скажу, – отрезала я. – Жена ведь знает о ваших визитах ко мне?

– Да. Она явно не одобряет, но и не препятствует.

– Ну вот. Попробуйте под это дело собрать еще информации.

Ей наверняка тяжело носить это в себе.

– Она очень сильный, умный и уверенный в себе человек.

– Тем более. Идите и приходите вместе.

Я не даю советов. Да если бы и давала – что можно посоветовать человеку, который фактически не участвует в происходящем?

Виктор Михайлович опять стоял на пороге. И снова один.

– Что ж, проходите, – вздохнула я.

– Я выяснил. Она все эти годы винит врачей в том, что они не боролись за второго мальчика. Ей кажется, что они просто дали ему умереть. Она говорит, что они напрямую ей это сказали: «Ребенок у вас есть, с ним вы выйдете из роддома. Поймите, всё к лучшему. Вы сможете уделять внимание здоровому сыну, а не вкладываться в глубокого инвалида, который все равно умер бы через некоторое время».

Я первый раз в жизни видел ее слезы. И ее ненависть. Она говорит: «Ну как кто-то мог решать, во что мне – мне! – вкладываться?!»

Она боится, что у умершего мальчика было что-то врожденное, наследственное. Но не желает теперь выяснять. Думает, что всё может повториться, и не хочет еще детей. Она ненавидит врачей и не понимает, что напрямую выполняет их рекомендацию: вкладывается и уделяет оставшемуся ребенку то внимание, которое было рассчитано на двоих, один из которых был бы тяжело болен.

Она не велела мне больше к вам ходить. Но я пришел тайком. Скажите же теперь, наконец: что мне сделать?

– Признайтесь, что ходили ко мне. И передайте жене мой совет: она все делает правильно – о Коле действительно нужно побольше заботиться, потому что он ее единственный ребенок. И рожать общих детей при сложившихся обстоятельствах действительно не надо – полностью исключить что-то генетическое мы не можем, вы уже немолоды, у обоих есть дети, зачем же рисковать?

Виктор Михайлович выглядел ошеломленным.

– И это всё, что Вы можете мне, нам сказать?!!

– Да, – кивнула я. – Только передайте дословно. И если захотите, зайдите ко мне примерно через год...

Я не помню, попрощался ли он. Но только его явная интеллигентность удержала его от хлопка дверью.

Мне, конечно, было неловко, но что я еще могла? Женщины тут нет, мальчика тоже. Мужчина в отношениях матери и сына не участвует. Женщина в любом случае встретит в штыки любой совет из детской поликлиники. Значит, и совет должен быть соответствующим,

рассчитанным именно на такую встречу. Виктор Михайлович умен, должен понять, когда остынет.

* * *

Девочка сидела на руках папы и жевала соску.

Я почти сразу вспомнила отца, а мать увидела впервые.

Жесткое, почти хищное лицо женщины очень смягчается при взгляде на близких. В красивых глазах – непроливающиеся слезы:

– Пусть бы он умер потом, мы все умрем когда-то, но он жил бы, был бы рядом теплом, горем, улыбкой, криком, был бы с нами хоть сколько-то, со мной... Могу ли я...

– Можете, – говорю я. – Народная мудрость – это ведь действительно мудрость, как ни крути. Она говорит: человек жив, пока живет память о нем. Верните того мальчика, память о нем в семью. И он в каком-то смысле проживет непрожитое. Как его звали?

– Егор...

– Ну вот. Расскажите Коле, что у него был брат. Теперь, когда у него есть маленькая сестра, ему будет проще это понять и принять. Назначьте какой-нибудь день памяти, пусть он будет в вашей семье так же, как живут в ней ваша покойная бабушка, еще кто-то...

– Дедушка. Я его очень любила, он со мной много занимался, у меня на стенке его портрет...

– Они были двойняшки или близнецы?

– Двойняшки.

– Вы можете представить себе Егора не младенцем, а ребенком? Лет семи-восьми...

– Конечно, я сто раз представляла!

– Ну и отлично! Какой-нибудь художник за ваши деньги наверняка сумеет передать...

Она явно воодушевилась программой действий.

Виктор Михайлович, уходя, наклонился ко мне и прошептал:

– А еще говорят, что психологи не дают советов!

– Врут! – так же шепотом ответила я.

Среди своих

– Нам на следующий год в школу, вот мы по этому поводу к вам и пришли.

– Да, да, конечно, проходите, – я с симпатией взглянула на коротко подстриженного, голубоглазого мальчишку с ямочкой на подбородке, достала свою печать и потянулась за папкой с тестами на школьную зрелость. – Андрюша, тебе сколько сейчас лет?

– Шесть с половиной, – четко отпартовал мальчик.

– А через год сколько будет? – открывая папку, я уже начала тестирование.

– Да мы в общем-то не за этим... – сказала мать. – Мы посещаем хороший, дорогой сад. У них есть занятия по подготовке к школе, и карточку школьную они там сами заполняют.

– Ага, – сориентировалась я и отложила картинки, по которым собиралась предложить Андрюше составить рассказ. – Я вас слушаю.

– Мы касательно выбора школы.

– Но как же я смогу помочь вам выбрать школу, если не протестирую ребенка? – удивилась я, досадуя на непонятливость матери. – Мне же нужно хотя бы приблизительно знать его уровень...

– Да с ним все нормально. Это мои заморочки, а не его, – призналась женщина. – Понимаете, мне хочется, чтобы мой ребенок учился среди своих.

– Гм. А кто же у нас «свои»?

Я помнила перестроечные истории, когда мои знакомые универсанты, собравшись, организовывали школу для своих детей и сами же в ней преподавали так, как им хотелось. Но те времена прошли. Или мне только так казалось?

– Ну, я пока выбрала 5-ю гимназию...

– Так. А почему же именно ее?

– Ну, во-первых, это все-таки государственная, а не частная школа. Там, конечно, есть вступительный взнос, но все-таки не будут так уж с первого класса мериться, у кого в семье какая машина...

«Пустые надежды!» – мысленно усмехнулась я. Именно из этой гимназии мне регулярно приводят способных, но глубоко невротизированных детей из «бедных» семей, которые поступили туда совершенно самостоятельно и бесплатно за усиленной программой

и теперь всюду сталкиваются с последствиями имущественного расслоения у нас в стране. Но надо же дослушать мать Андрюши...

– Поймите меня правильно, я вовсе не расист и не националист, у меня еще с института подруга азербайджанка и женщина у нас приходит убирать, таджичка, – очень приличная, я ей совершенно доверяю... Но вы же знаете прекрасно, что сейчас в обычных школах в нашем районе делается...

– Что же? Хотелось бы услышать, возможно, я знаю что-то другое.

– Мне подруга рассказывала. Там до трети первого класса плохо понимают и говорят по-русски! Вы представляете? Какое уж тут обучение!

– Да, – кивнула я. – Это действительно проблема. Я думаю, рано или поздно все-таки придется делать для таких детей специальные классы «подгонки», где их сначала обучали бы русскому. Но, знаете, маленькие дети ведь быстро схватывают язык, об этом все эмигранты говорят и пишут, вот в Америке...

– Я не эмигрировала в Америку! – перебила женщина. – Я живу в своей стране и хочу, чтобы в моей стране мой ребенок проводил время и рос не рядом с гопотой из социально неблагополучных семей и не с детьми кавказцев или среднеазиатских гастарбайтеров, а с детьми тех, кто относится к одному социальному классу со мной и моей семьей. По-моему, вполне понятное и закономерное желание. Разве не так?

Говоря всё это, она была абсолютно серьезна. Я тоже не стала насмешничать.

– Вопрос распадается на два, – сказала я. – Первое: почему вам кажется, что поместить ребенка в тепличные условия и отказать ему в жизненном опыте общения с другими социальными слоями – это хорошо? И второе: как, собственно, вы собираетесь добиться этого на практике? В ту же 5-ю гимназию вполне может поступить за взятку (или спонсорскую помощь) ребенок любого абрека, и вполне бесплатно – ребенок пары асоциалов со двора по прописке. В этом случае как раз логичнее была бы дорогая частная школа с негласными, конечно, но четкими правилами по национальному вопросу. Но тогда – практически неизбежное меряние гаджетами и машинами. И еще – психологическая расслабуха в плане учебы, потому что в большинстве наших (я слышала, что за рубежом дело обстоит иначе) частных школ дети чувствуют себя исключенными из жизненной гонки благодаря возможностям родителей.

– Вы так полагаете? – женщина задумалась, причем явно по поводу второй части моего вопроса.

Но мне хотелось вернуть ее к первой части.

– Почему это хорошо?

– Да потому... – решительно начала она. – Просто потому... потому что хорошо. Я не знаю, но я так чувствую.

– Правильно, – кивнула я. – Чувствуете. Со «своими» всегда комфортней. Спросите любого эмо или байкера, он вам подтвердит. Но здесь же не только времяпрепровождение, здесь еще и учеба. Вы же помните: в школе учатся далеко не только теоремам и правилам. Всему остальному учатся там же. Скажите, в каком случае есть смысл как следует, полноценно, со всеми оттенками знать один, родной язык, и совсем не учить других, иностранных?

– Но это же совсем другое дело! В современном мире иностранные языки...

– Ответьте, пожалуйста, на вопрос. В каком случае?

– Если всегда жить там, где все говорят только на одном языке, – оторвавшись от бетономешалки, спокойно сказал с ковра Андрюша. – Например, у бабы Веры в деревне.

Я, не удержавшись, рассмеялась.

– Именно! Устами младенца... Если есть все шансы прожить жизнь среди носителей одного социального языка, читать и писать только на нем, общаться только в кругу его носителей и ни разу не столкнуться с жизненной необходимостью понимать иные кодовые системы (и быть понятым ими), нет никакого смысла тратить время и силы на изучение других языков. Есть ли у Андрюши шансы? И не опасно ли (давайте называть вещи своими именами!) так ограничивать его возможности приспособливаться к меняющемуся на глазах миру?

– Я же не запираю его в клетке! – возразила женщина. – Пусть общается с «ними» (кавычки отчетливо прозвучали в ее голосе) на улицах, в кружках... гм... (ей явно пришла в голову мысль о «социально близких» кружках)... да мало ли еще где!

– Ну что ж, иностранные языки тоже можно изучать во время туристических поездок на зарубежные курорты...

– Вы передергиваете! Любой язык – это система, нужны годы... Иначе это пиджин... Мы с мужем решили: наш сын будет знать по крайней мере два иностранных языка! Но это будут не туркменский с чеченским...

– Воля ваша.

– Именно так, – женщина вздернула подбородок. – Что ж, спасибо, вашу позицию я поняла, мы пошли. Андрюша!

– Я сейчас, только машину в гараж поставлю, – сказал мальчик. – Спасибо, до свидания! – он улыбнулся, наклонил голову и как-то по-

белогвардейски щелкнул каблуками. А может быть, это просто я сама, по случаю, вспомнила белую и красную гвардию и как будто бы навсегда минувшие времена, когда от понятия «социальной близости» до самого страшного часто оставался всего один шаг...

* * *

Я встретила их в холле поликлиники спустя год. Женщина окликнула меня (я не узнала бы ее, но узнала ямочку на подбородке вытянувшегося сына) и сказала:

– Вы нас помните? Быть среди своих и все такое. Андрюша-то наш в гимназии теперь. Нравится ему, и два иностранных со второго класса. А если какие проблемы с культурными кодами возникнут – так мы к вам придем, ему у вас тоже хорошо показалось.

Женщина весело подмигнула мне и двинулась дальше. Я помахала рукой Андрюше. Мальчик поприветствовал меня молча и уже знакомо щелкнул каблуками.

Стать взрослым

Что, собственно, это такое – стать взрослым? Кого мы можем уверенно назвать взрослым человеком, есть ли какой-нибудь признак (совокупность признаков), который это определяет? Все ли психически здоровые люди в конце концов становятся взрослыми, или часть так и проживают свою жизнь в состоянии неотенической личинки, обретшей способность к размножению? И даже так: обратимо ли наступление взрослости? Можно ли стать взрослым, а потом, при изменении внешних обстоятельств, опять вернуться к состоянию «невзрослости»?

Плюс влияние ноосферы. Что делает с «взрослостью» все большая виртуализация современной жизни? Ведь в компьютерные игры онлайн на равных могут играть и девятилетний мальчик, и шестидесятилетний дяденька. К тому же дети осваивают виртуальный мир много быстрее, чем поколение их родителей, и это понимают обе стороны. Взрослость как результат накопления знаний, полезных навыков и информации тоже отчасти потеряла свою цену, ибо доступ к информации очень изменился по всему цивилизованному миру за последние пятнадцать лет, а ценное на сегодняшний день умение переучиваться лучше дается не окончательно повзрослевшим.

Взрослость как принятие на себя ответственности. Но о какой, собственно, ответственности идет речь? Ответственности за что? Самостоятельно зарабатывать себе на жизнь? Очень неплохо зарабатывающий герой сериала «Теория большого взрыва» по имени Шелдон Купер – взрослый? Ответственность за другого? Тогда ребенок, в течение года прилежно и эффективно ухаживающий за хомячком, – он взрослый?

Все эти вопросы показались мне весьма интересными, и я вспомнила о своем достаточно давнем (2009 год) мини-исследовании как раз по интересующей нас теме, результаты которого я сейчас и представлю читателям.

Само исследование было очень простеньким. Имелся для него и побудительный мотив – именно в то время ко мне стали часто обращаться родители с жалобами такого типа: «он явно не хочет взрослеть, хотя по возрасту уже пора», «она не хочет брать на себя ответственность ни за что, а вот я в ее годы...», «он реагирует на все как ребенок младше его по возрасту, и я не знаю, как ему объяснить», «мы в их возрасте хотели

поскорее вырасти и стать самостоятельными, а они как будто вовсе к этому не стремятся» и т. д.

Мнение родителей было мне понятно. А вот интересно было бы узнать мнение самих молодых людей, подумала я.

Тему мини-исследования я выбрала строго соответствующую: «Считаете ли вы себя взрослым?» Поскольку я с самого начала понимала, что никаких валидных признаков «взрослости» мне выявить (и предъявить испытуемым) не удастся, то технически это выглядело так: человеку предлагалось спокойно, уверенно, с повествовательной интонацией произнести (вслух или про себя) фразу: «Я взрослый человек». И дальше с ней либо согласиться, либо нет. Если человек хотел дать какие-то дополнительные объяснения своему ответу, я их фиксировала.

Участниками моего мини-эксперимента стали 45 человек (25 женского пола и 20 – мужского), от шестнадцати (мое собственное представление о возможном наступлении реальной взрослости плюс совершеннолетие по нашим законам) до тридцати лет. Из них взрослыми назвали себя 21 человек, то есть чуть меньше половины.

Самая многочисленная и однозначная группа из «взрослых» – это люди, у которых самих есть дети. Их было девять человек (восемь женщин и один мужчина, от 18 до 30 лет), и все они аргументировали одинаково: «Конечно, я взрослая (взрослый), ведь у меня у самой уже есть ребенок (дети)». На мой взгляд, тут отчетливо слышится: «Мне и деваться некуда». Впрочем, трое из имеющих детей респондентов (двое мужчин и одна женщина) взрослыми себя не признали, но говорили об этом так, как будто просили у кого-то прощения (то есть «надо бы уже быть взрослым, я понимаю, но пока не получается»).

Вторая «взрослая» группа (семь человек) – это работающие люди, не имеющие детей. Здесь сопровождающее пояснение другое: «Конечно, я взрослый, ведь я работаю и сам себя обеспечиваю».

Остальные пять «взрослых» из моего эксперимента – это подростки (16–18 лет). Здесь объяснения вполне сумбурные: «Я взрослый, потому что я уже личность, у меня есть свои взгляды на все», «Я взрослый, потому что не иду в толпе» и т. д.

Все опрошенные студенты взрослыми себя не признали. Молодые мужчины (даже работающие и живущие отдельно от родительской семьи) тоже не торопились во «взрослость» (тогда как все самостоятельные бездетные молодые женщины оказались во «взрослой» группе). Были объяснения: «Стать взрослым – это остановиться в развитии», «Мне нравится играть», «Мои родители – взрослые люди, я не хочу становиться

таким».

Из возрастного, занятого: по данным моего мини-исследования, с 18 до 21 года количество взрослых людей *снижается*.

И наконец, то ли в качестве курьеза, то ли в качестве информации к размышлению. Как-то я по телефону, в поликлинике и в инете (личными письмами) предложила то же задание семнадцати людям в возрасте от 36 до 54 лет, про которых я была совершенно уверена, что они мой материал и последовавшую дискуссию на «Снобе» не читали.

Девять из них уверенно назвали себя взрослыми, восемь признали, что сомневаются.

Моя рабочая гипотеза: после окончания полового созревания соотношение «взрослых» и «невзрослых» особей в популяции хомо сапиенс не меняется вне зависимости от возраста.

А вы можете назвать себя взрослым, дорогой читатель? И что вы вообще думаете о взрослости? Нужно это или не нужно? Обязательно или необязательно? Хорошо или плохо? Менялось ли как-то это понятие (количественно или качественно) в историческом процессе? И что это вообще такое – «быть взрослым»?

Стать дворником

В первый раз я увидела их вдвоем – отец и сын. Отец выглядел энергичным и искренне встревоженным. Сын – равнодушным. Я почему-то сразу решила, что равнодушие наигранное. Наверное, потому, что возраст сына (на вид лет 13–14) подразумевал подростковые разборки с родителями и их перманентное возмущение тем, что чадо оказалось не таким, как ожидалось, и ведет себя не так, как предписывается родительским опытом.

Поначалу все подтверждало мою первоначальную гипотезу.

– Он прогуливает школу! Представьте, такого здорового парня приходится буквально водить за руку к школьным дверям! Мне самому стыдно, а ему как будто все равно. И все время врет. Причем стоит на своем, даже когда уже уличили. Спекулирует своим здоровьем: утром непременно болит голова или живот. Мать до недавнего времени покупалась, разрешала не ходить в школу, пока я все это не прекратил буквально железной рукой...

– И куда же ты ходишь вместо школы? – спросила я у мальчишки.

Он не успел ответить (да вроде бы и не собирался), снова вступил отец:

– Мы с матерью оба работаем. Он просто возвращается домой и лежит на диване перед телевизором.

– Может, все-таки друзья? Или компьютер? – уточнила я.

– Нет, компьютер давно под паролем. А друзья – они же все в школе.

– Никакой «плохой компании»?

– Нет!

– Что он любит?

– Тупые компьютерные игры! Раньше вроде животных любил, а теперь и за его крысой мать ухаживает. Ничего, только диван! Он мне сам недавно сказал. Я к нему приставал: «Давай пойдешь в какой-нибудь кружок, секцию, спортом займешься, у тебя же сколиоз развивается; или вот компьютер – раз уж он тебе так нравится – давай в какой-нибудь клуб программирования»... Он раньше у нас в музыкальную школу ходил, на шахматы, на дополнительный английский. Всё бросил. И вот... Я ему: «Андрей, так чего же ты вообще хочешь?» Он мне: «Чтобы от меня все отстали и на диване лежать!» А глаза такие тусклые, как у дохлой рыбины...

Вот тут я впервые засомневалась в своих умозаклечениях о подростковом кризисе. Всмотрелась в лицо Андрея, и его глаза... действительно показались мне тускловатыми.

Отправила отца в коридор, стала говорить с мальчишкой. Никакого конфликта ни в школе, ни даже дома решительно не выявлялось. Да, в школу ходить и учиться не хочет. И на музыку не хочет (да и не хотелось никогда, родители заставляли). И на шахматы не хочет. И на программирование. И вообще никуда. Не, с родителями никаких конфликтов, просто они пристают, чтобы в школу ходил и уроки делал. Не, он понимает и не обижается на них, они работают много, нервничают, у них ипотека за квартиру...

Депрессия? Я много читала в профессиональных журналах о том, что в развитых странах она стремительно молодеет и буквально становится эпидемией... Выходит, до нас тоже добралось? Или еще что пострашнее депрессии? Ведь вот так именно, нарастающим отсутствием интереса к жизни манифестирует себя простая шизофрения... Мгновенно накрутила себя, сама испугалась своих предположений, быстренько протестировала Андрея простеньким опросником про депрессию – вроде совпадает...

Выгнала в коридор Андрея и очень осторожно, но настойчиво предложила отцу сводить сына к врачу, психоневрологу. Отец, вопреки моим предположениям, слова «депрессия» не испугался, а скорее обрадовался ему.

– Так это, значит, действительно болезнь? Можно таблетками лечить? Вот спасибо, что вы разобрались и сказали, а то мы уж и не знали...

Они ушли, а я осталась в некоторых сомнениях насчет «разобралась». Но тут уж лучше перебдеть...

В следующий раз пришли отец и мать – без Андрея. Я не сразу вспомнила, но потом спрашиваю:

– Как Андрей?

– Все плохо, – отец комкал в сильных пальцах взятую с моего стола головоломку. – Психоневролог сразу прописал таблетки. От них стало только хуже. («Не депрессия!» – поняла я.) Он сначала был совсем заторможенным, а потом стал агрессивным. Нас направили к психиатру – очень хорошему, по отзывам, специалисту, именно по подросткам. Тот сказал, что пока «караул» кричать рано, но кое-что настораживает. Прописал другие препараты. От них Андрей стал явно спокойнее, даже какое-то время без пропусков ходил в школу. А потом вдруг отказался пить таблетки, снова стал прогуливать, а когда мы надавили, стал говорить о самоубийстве, о том, что не хочет жить...

– Ч-черт... – прошипела я. На фоне имеющегося анамнеза угроза суицида вполне реальна. И что я им сейчас скажу?!

– Мы бы хотели... Андрей категорически отказывается ехать в ПНД или Бехтеревку, насильно я его тащить физически не могу, а вот к вам, в поликлинику, согласился (тут я уже было загордилась впечатлением, которое произвела на подростка короткая беседа со мной...) – потому что мы напротив живем и на метро ехать не надо.

– Что ж, приводите.

– Да, – легко подтвердил Андрей. За время, пока мы не виделись, он сильно вытянулся и ссутулился. – Не хочу так жить. Лучше умереть.

– Как именно – так? – ухватила я.

Подросток молчал. В этот раз мне показалось, что он не не хочет, а не может, не умеет ответить. И ждет, чтобы я ему возразила. Вспомнив, что когда-то Андрей интересовался животными, я рассказала ему, как работала в цирке шапито, о цирковых людях и еще о смерти слонихи Кроспи в Ленинградском зоопарке, о том, как мы все, даже старый слон Сюн, пытались ее спасти...

– Так – тоже не хочешь?

– Так – хочу, но это же... – и вдруг голос Андрея стал выше на два тона и почти дикий блеск в глазах: – А вы не врете?! Так действительно бывает?!

– Как? – слегка опешила я. – Что кто-то в зоопарке работает? Ну разумеется, мог бы и сам сообразить, – я усмехнулась, хватаясь за спасительную иронию. – Если есть зоопарк, звери, кто-то за ними непременно навоз убирает...

– Нет! То, что вы сказали: провалилась на экзаменах, ну, пошла работать туда, где интересно... в цирк... Это бывает?

– Боже мой... Давай-ка всё с самого начала.

* * *

– У меня в молодости был приятель, – говорила я. Теперь родители Андрея снова сидели напротив меня. – Он вырос в маленьком крымском городке. Представьте себе: СССР. После окончания курортного сезона весь городок впадал в кому. Желтые листья по колено, тишина. Он пошел в первый класс. Учительница была приезжая, по распределению. Он влюбился в нее. Она говорила: «Учитесь, дети, главное – хорошо учитесь! Если вы не будете учиться, то станете дворниками и будете улицы

мести. А если будете хорошо учиться, то вырастете и будете ходить в белых халатах и только кнопки нажимать». Мой приятель приходил домой и звездными бессонными ночами ворочался в своей кровати: быть дворником и мести остро пахнувшие опавшие листья было вроде неплохо, но обожаемая учительница это осуждала, и, стало быть, – нельзя. А ходить в белом халате и нажимать кнопки совершенно не хотелось. У малыша была активная натура, и в конце концов, получив три высших образования, он стал преподавателем сценического движения в одном из московских театров. А тогда, в детстве, не находя себя в предложенном выборе, он плакал от бессилия...

Вы сказали своему сыну, – наплевав на приличия, я обвиняюще уставила в них палец, – «жизнь – суровая штука. Человек в ней по определению не может делать то, что он хочет. Мало ли чего мы с матерью хотим...» Вы неоднократно говорили ему, что не любите свою работу, но честно делаете ее, потому что она хорошо оплачивается, и это дает возможность вашей семье есть, пить, отдыхать на море и оплачивать кредиты...

– Я хотела быть врачом, но в медицинский без блата было не поступить, – мать, как в школе, подняла руку. – И еще ландшафтный дизайн, но это же рисунок надо было сдавать... Ну а потом вообще стала бухгалтером. Как еще женщина с ребенком может прилично заработать?

– А я слышала, как некоторые специалисты сравнивают бухгалтерию с поэзией, – заметила я.

– Только не я! – открестилась женщина. – Может, и надо было попробовать в медицинский...

– А я вообще никем не хотел, – признался отец. – Если только футболистом, но это же несерьезно. Потом родители сказали: надо высшее образование, ну, я поступил в ЛЭТИ и не жалею, мне потом пригодилось...

– А про хрестоматийных дворников, романтическое убежище всех лоботрясов, которыми грозили еще нам, в мои школьные годы, вы сказали...

– Да! Я ему говорил, что дворником его тоже не возьмут – там всё гастарбайтерами занято...

– И теперь вы удивляетесь, что Андрей почему-то не хочет жить ту жизнь, которую вы ему предложили как единственный вариант? Он вам, родителям, самым значимым людям в своей жизни, поверил – понимаете? И это и есть самое страшное...

– Но что же нам теперь делать?! Что ему сказать? Что всё, что мы говорили раньше, – неправда?

– Слова – ерунда. Андрей уже их не услышит. Только ваши дела и ваши эмоции имеют значение. Подтянуть все резервы! Вам – идти на курсы ландшафтного дизайна или уж какой-нибудь шарлатанской фитотерапии. Дома подробно рассказывать о полученных впечатлениях. Вам – найти любительскую футбольную команду «кому за тридцать» и посещать тренировки и матчи. Или, если не найдете, организовать ее прямо в своем дворе. Покажите ему в деле всех людей, кого сможете достать, которые любят свою работу. Поддержите любой бредовый проект, который он вам представит в качестве теста ваших усилий и подросткового протеста одновременно. Делайте же что-нибудь, черт возьми, иначе он действительно, чего доброго, из окна прыгнет!

– А-а-а... – тихо простонала женщина.

– А ко мне пусть походит. Ни для чего, так просто...

* * *

Спустя полгода Андрей сделал пирсинг в десяти местах и татуировку на плече, выкрасился в синий цвет, оделся в черную кожу и идеологически проводил время с друзьями в каких-то то ли разрушенных, то ли недостроенных домах. Обычный подросток. Срочно добирал то, что пролежал на диване. Во время последнего визита ко мне сказал, что хочет стать психологом.

– Да тебя в таком виде даже дворником не возьмут! – засмеялась я.

– Ага! Так я вам и поверил! – засмеялся он в ответ. – Ну, я побежал! Надо еще на батю поглядеть, приколоться – он сегодня на воротах стоит!

И ушел болеть за отца, который за это же время неожиданно преуспел в дворовом футболе.

Стать инвалидом

Лето – удобное время для экспериментов на детях. Они сидят на даче, многие отлучены от любимого компьютера жестокими родственниками и находятся в состоянии сенсорной депривации.

А если ее (депривацию) еще усилить?

И заодно обострить некоторые чувства и приобрести новый опыт?

Дети и молодежь любят эксперименты, это все знают. Почти все исследования, о которых в последнее время пишут, выполнены на студентах. Студенты – очень нерепрезентативная выборка, если говорить о популяции в целом, поэтому выводы ученых иногда бывают такие смешные. Я уже – увы! – давно не ученый и выводов почти не делаю, только опрашиваю людей или эксперименты ставлю – остаточная, почти рефлекторная исследовательская активность.

В моем новом эксперименте участвовало 38 семей (в них 20 девочек и 18 мальчиков). Предложено было пятидесяти (для ровного счета). Подростки согласились все, но 12 родителей категорически отказались. Из суеверных, как мне показалось, соображений, хотя вслух было проговорено что-то иное.

Возраст участников эксперимента – от 13 до 18. Подросткам предлагались очень простые условия: на одни сутки стать «инвалидом» – либо не видеть, либо стать глухонемым, либо потерять возможность самостоятельно ходить.

Выбор «инвалидности» предоставлялся самому подростку. Но я, конечно, рекомендовала. Причем руководствовалась вот чем: подростки все были знакомые, поэтому младшим (13–14 лет) я рекомендовала «инвалидность», не совпадающую с их ведущей сенсорной модальностью (откровенному визуалу советовала стать глухим или неходячим – это все-таки полегче), а старшим (15–18 лет), наоборот, рекомендовала режим наименьшего благоприствования (аудиалу – «оглохнуть», кинестетику – залечь на сутки в кровать).

В результате выбор распределился так:

13 подростков выбрали «не ходить»;

15 подростков – «не говорить, не слышать»

и только 10 выбрали «не видеть» (с самого начала многие говорили: «Не видеть – самое страшное», что подтверждало уже имеющееся у меня мнение, что наша культура все-таки по преимуществу визуальная).

Сразу хочу сказать (все равно кто-нибудь спросит): 20 из 38 – это была «старая гвардия», то есть те, что принимали участие в моем эксперименте с гаджетами. Остальные 18 – новый призыв.

После окончания эксперимента участники должны были описать все происходившее по схеме, которую я им раздала (чтобы «не растекались мыслию по древу»), и прислать мне это описание по электронной почте. Мои знакомые, которым я рассказала о своей задумке, смеялись надо мной: «Подростки? На даче? Да они сразу всё забудут, и никто тебе ничего не пришлет!» Но надо думать, что сам мой образ как-то провоцирует просто железную дисциплину, и из меня получился бы идеальный армейский сержант: к концу июля я получила 45 (!!!) писем! Отозвались 37 «моих» подростков и еще трое из них привлекли в эксперимент своих дачных друзей (общим количеством восемь), заставив их потом написать отчет и прислать его мне.

Очень примитивная схема, по которой нужно было составить описание эксперимента:

- Что показалось простым?

- Что было самым сложным?

- Что нового узнал о себе?

- О семье?

- О других людях?

- О мире?

- Чувства, которые испытывал, когда был «инвалидом».

- Чувства после окончания эксперимента.

- Если эксперимент не удалось завершить, попытаться проанализировать и описать причину этого.

И вот – в самых общих чертах.

Эксперимент с «инвалидами-опорниками» завершили все 16 подростков, приступивших к процессу. Шестеро благополучно просидели весь день за компьютером («я же инвалид, мне можно!»), еще шестеро читали, слушали радио, смотрели телевизор и болтали с пришедшими навестить их изумленными друзьями и приятельницами. Все почти с удовольствием принимали уход семьи («Прикольно, ты за компом сидишь, а бабушка, вместо чтоб ругаться, тебе еду носит»). Только четверо, с помощью различных приспособлений или друзей, выбрались во двор. И только один – на улицу.

Самой большой сложностью среди группы «глухонемых» многие называли «заткнуть уши, чтоб и вправду не слышать» и «помнить всё время, что говорить нельзя». Тут выделился в креативе один папаша, который

вспомнил Одиссея и сирен, предложил залить уши чаду воском и изъявил немедленную готовность съездить в ближайшую церквушку за материалом. Из 18 человек этой группы, вошедших в эксперимент, благополучно завершили его 16. У одного мальчика к вечеру начались слуховые галлюцинации («все время казалось, что кто-то внутри головы меня по имени зовет»), и он разумно всё прекратил. Другой мальчик благополучно лег спать, но проснулся в кошмаре и побежал к родителям – разговаривать и слушать утешения. Кстати, многие из этой группы писали о кошмарных снах в ночь эксперимента и даже в последующие.

Из 12 человек «слепых» эксперимент завершили только половина. Причины такие: «стало скучно», «нечего делать», «на все натыкаешься, синяки», «темно, неприятно».

Зато отчеты шестерых завершивших буквально пестрят восклицательными знаками и почти восторгом: «Спасибо, ужасно интересно – я столько всего узнал!», «Научился всех домашних по запаху и по походке различать!», «У всех моих подруг руки на ощупь совсем разные!», «Вечером не мог заснуть – сколько всяких звуков у нас в доме! Почему я их раньше не слышал?!». И самое, пожалуй, удивительное из всего: «Я слышал, как плывут облака».

В девять часов утра 3 сентября я вышла после отпуска на работу. Регистратор подмигнула мне: «Екатерина Вадимовна, вас там молодой человек уже полчаса дожидается».

Он стоял возле стола, где обычно лежит журнал с предварительной записью (сейчас журнала не было).

– Здравствуйте, я хотел записаться.

– Что ж, пойдем.

Пропавший тридцать восьмой. Почти 19 лет. Кто-то наверняка его помнит – это тот самый юноша, который в эксперименте с гаджетами шел много часов и километров подряд, из одного конца Петербурга в другой. Конечно, я назначила его «инвалидом-опорником».

Уже к 11 часам утра он вылез со двора на улицу дачного поселка, приспособив для передвижения садовую тележку на колесиках и отталкиваясь обмотанными тряпками кулаками. Полный фурор. Собаки брешут и норовят вцепиться. Весь поселок соболезнает бабке, у которой «внучок-то совсем рехнулся». Младшие бегут веселым табунком. Сверстники крутят пальцами у виска. К вечеру пьяненький дедок принес к штабелю бревен, где расположился «инвалид» с компанией, полдюжины бутылок пива, зеленого лука, хлеба и предложил помянуть его старшего покойного друга, который «после войны вот на такой же штуковине

и ползал».

Этим опытом не удовлетворился. Максималист! На следующий день наметил «полную парализацию». Продержался полдня. Лежал, глядел в потолок и думал только об одном: «И ведь никак не покончить с собой. Нет возможности, никак». За полдня стал убежденным сторонником эвтаназии (до этого был также решительно против). Бабка приносила еду, есть не хотелось, но заставил себя поесть с ложки (эксперимент!). Еда была вкусная, но тошнило. Смотреть в телевизор тоже не хотелось, друзей прогнал. Радио слушал. Сломался, когда захотел писать. Бабка предлагала: ну хочешь, дружка твоего позову, он баночку подставит? Стиснул зубы до хруста, почти разревелся. Не смог.

Сейчас смотрит в сторону: «Всем надо пробовать. Всем. Еще в школе. Обязательным уроком. Надо учить. Это колоссальное количество информации. О себе, о других. Так просто и сразу. Но я, взрослый, и опять не смог. Как с гаджетами. Слабак».

– Не носи ерунду! – говорю я. – Ты всё сделал правильно. Теперь еще люди прочтут и задумаются. Спасибо тебе.

Счастье материнства

– Мы с моей дочерью, Зоей, когда-то были у вас, два или три раза. Но это было очень, очень давно. Вы, конечно, не помните...

Я, конечно, не помнила. Вгляделась в лицо женщины. Глубокие морщины на нем – не столько от возраста, сколько от какого-то хронического напряжения. Но поверх этого напряжения сейчас – еще что-то, ситуативное. И очень серьезное.

– У вашей дочери проблема или диагноз?

– Диагноз, – сказала женщина и тут же добавила: – И проблема.

– Сколько сейчас лет Зое? Какой основной диагноз?

– Двадцать шесть. Слабоумие.

– Рассказывайте.

– Зоя училась в спецшколе с другими такими же ребятами. Она общительная, ей нравилось, она там даже шефство взяла над двумя мальчиками с ДЦП, помогала им одеться-раздеться, тетрадки разложить... Учителя у них в спецшколе были прекрасные, низкий им поклон – с такими-то детками годами возиться... Это ведь Зоя-то моя, в общем, тихая, хотя и она в детстве могла раскапризничаться и упереться: не буду делать, и всё! А ведь были и агрессивные ребята, и злобные, и просто замороженные какие-то, которым вообще ничего не надо. Так учителя-то, говорю, замечательные. Но Зое все равно учеба очень плохо давалась. Не понимала она. Особенно математику. Где вызубрить можно, там еще ничего, память у нее неплохая, но вот где понять надо хоть что-то, выделить главное... Там – увы. За все время только за аккуратные тетрадки ее и хвалили. И англичанка еще ее любила – Зоя у нее всегда на первую парту садилась, слушала внимательно, за ней повторяла, слова аккуратно выписывала и учила, всякие конструкции целиком запоминала, да и в целом язык английский ей хорошо давался, она и сейчас вполне может объясниться, например, когда в Финляндию ездим, мы сами удивляемся... В общем, к шестнадцати годам она смогла только 7 классов закончить. И сказала: «Мама, папа, я не хочу больше в школе учиться, я работать хочу, денежки в семью приносить. Я буду рекламу в метро раздавать, это у меня получится». Мы подумали: может, она права? У них в школе психолог был. Мы к нему пошли. Он сказал: «Вы что, с ума сошли?! Слабоумную девочку на улицу выпускать! Никто вас из школы не гонит, пусть учится в своем темпе, это хоть какая-то социализация, смотрите: у них праздники бывают,

экскурсии, вот на той неделе планетарий согласился для всех закрыться и их утром принять. А уйдете вы сейчас из нашей школы – и что? Обратно ее не возьмут. Действительно полноценно работать и жить самостоятельно она со своим диагнозом почти наверняка не сможет. Учиться дальше – тем более. Господи, да если бы вы только знали, сколько таких никому не нужных тихих идиотов сидит дома, в четырех стенах, со своими престарелыми родителями! Так что пользуйтесь, пока вам государство хоть что-то предлагает!»

Мы понимали, что психолог, скорее всего, прав. Но Зое-то объяснить все это было невозможно, она плакала и не хотела делать уроки и даже посещать школу. Вот тогда мы к вам и приходили.

– Ага. И что же было дальше?

– Вы говорили с Зоей, а потом сказали нам, что она вроде как действительно уже взяла из этой школы всё, что могла взять. И теперь ей нужно идти дальше. «А дальше – это как тот психолог обещал?» – спросила я у вас тогда и даже заплакала. А вы, помнится, сказали, что ни фиги подобного, и до-олго рассказывали нам с мужем, как адаптировали слабоумных в русских крестьянских общинах XVIII–XIX веков...

Это был явный сарказм. Я несколько приободрилась. Юмор во всех его видах – это всегда адаптационный резерв. Если мать Зои может шутить, значит, не все потеряно.

– Вы сказали, что с листовками действительно опасно, но можно через знакомых найти для Зои какую-нибудь несложную работу на подхвате. И стали расспрашивать про ресурс...

О! Значит, это точно была я! Я всегда про ресурс расспрашиваю. Без него – никак.

– А какой у нее ресурс, если она в школе ни по одному предмету, кроме английского, не успевала? Переводчиком ей не быть... Но потом мы вспомнили, что Зоя всегда, с раннего детства, любит мыть полы, прибирать, вытирать пыль и все такое. Пока всё не уберет – не успокоится. Ей важно, чтобы все лежало стопочками, по порядку. Вы сказали: «Отлично! Уборщица – очень нужная везде специальность»...

– О! Я вспомнила!

Я действительно вспомнила толстую и крупную слабоумную девочку, которая мыла дома полы, а у меня аккуратно расставила по полочкам все игрушки, вытерла пыль с подоконника и постелила мокрую тряпочку у входа...

– С тех пор Зоя всегда работала. Уборщицей. Сначала – у мужа на заводе. Потом – в магазине рядом с домом (ей было трудно рано

вставать, а в магазине – близко идти и неполный день). Ей все нравилось, и ее любили. Потом я ее как-то спросила: «Зоенька, о чем ты мечтаешь?» А она сказала, что хотела бы не в магазине, где все в уличных башмаках, а в квартирах убираться. И тут как раз моя знакомая и говорит: «Да пусть она ко мне раз в неделю приходит, я буду ей деньги платить. Я твоей Зоеньке доверяю больше, чем приезжим каким». Так и пошло. Сначала одна, потом та другой рассказала, потом еще... Зоя в магазине работу оставила, стала ходить по квартирам, это ей просто ну очень нравится, ее только один раз проводить нужно, а потом она уже сама дорогу запоминает. И денег больше, и все ею довольны, она такая педантка в уборке, пока хоть пятнышко есть, не успокоится...

– И? – я ощутила, как мои пальцы вцепились в ручки кресла: по всем законам жанра за такой благостностью должно было последовать что-то ужасное.

– И теперь Зоя беременна.

– Черт! И кто же это воспользовался...

– Она не говорит, а мы и не очень докапываемся. Что нам к нему? Ясно, что он никогда этого ребенка не признает. Не в суд же идти – и так проблем хватает... Нам надо решить, что дальше делать.

Я к взрослому психологу ходила. Он как увидел Зою, так сразу сказал: «Аборт, однозначно. Вы только представьте, как будет расти этот ребенок, как его будут из-за матери дразнить сверстники. А если с вами что-то случится?»

– Да, если он не родится, его не будут дразнить, это точно, – поддакнула я. – Некого будет дразнить... Зоино слабоумие – что такое?

– Врачи говорили: перинатальная травма, асфиксия, органическое поражение головного мозга... Мы с Зоей теперь пришли к вам, потому что это вы тогда говорили про ресурс, так она же и вправду работает, и ей люди рады...

– Так Зоя здесь? Сидит в коридоре? Что же вы молчали!

Я вполне спокойна. Эта семья уже приняла свое решение. Теперь выбрали меня и ко мне пришли просто так. Вроде как завизировать у проверенного в реакциях специалиста уже решенное. Но взглянуть на Зою не помешает.

* * *

Зоя. Еще крупнее и толще, чем помню. Благодушное круглое лицо,

диагноз и вправду виден. Ну вот какой же все-таки козел этот будущий папаша! Хотя...

– Зоя, ты понимаешь, что теперь будет, как изменится твоя жизнь?

– Конечно, понимаю. У меня будет ребеночек. Я буду за ним ухаживать, кормить, менять пеленки, учить его всему. Потом он в садик пойдет, потом в школу...

– Да, все верно.

– А чего это у вас игрушки разбросаны? Давайте я приберу!

– Прибери, Зоя, мои дети разбрасывают, а я не люблю прибирать.

– Вот вы какая! И другие, знаете, тоже не любят. А я как раз люблю.

Мне за это денежки платят, чтоб я у них все мыла и чистила.

– Это счастье, Зоя, когда за любимое дело еще и деньги платят.

– Конечно, я счастливая. А теперь у меня еще и ребеночек будет...

Как вы думаете, он будет игрушки разбрасывать?

– Обязательно будет!

Зоя наморщила низкий лоб и немного подумала.

– Ну, это ничего! Я за ним приберу. А потом, может, он и сам научится...

Сыграть в карты с судьбой

– Как вас зовут? – я задавала стандартные вступительные вопросы, не поднимая головы от журнала.

– Людмила Борисовна.

– Вы мама Паши? (Паше 14, женщина моложава, других вариантов как будто быть не может, но я должна спросить.)

Заминка. Я поднимаю взгляд.

– Ну, вроде как...

– Что значит «вроде как»? – удивляюсь я. Неужели парень так достал родную мать? Или его взяли из детдома?

– Он у нас вроде и родной, и приемный...

– Как это может быть?

– У мужа был двоюродный брат, они вместе росли, в одной семье, у того родители... ну, можно считать, умерли (я отметила это «можно считать, умерли» касательно предположительно родных бабушки и дедушки Паши). Он в восемнадцать лет женился... Там у них пятеро детей... было...

– Паша знает эту историю? – быстро спросила я.

– Знает, чего же... – кивнула Людмила Борисовна.

– Тогда рассказывайте.

Если честно, я так до конца и не поняла, кто именно в этом славном семействе спился, кто погиб от наркотиков, кто сидел (сидит) в тюрьме, а также кто, от чего и в какой последовательности сходил с ума. Но всех их было много. Отец Паши умер. Мать жива, но лишена родительских прав и ведет решительно асоциальный образ жизни. Паша – старший из четырех выживших детей невестки и практически наверняка родственник мужа (всего их было пять, один умер в младенчестве – Людмила Борисовна утверждает, что до его смерти невестка «была еще ничего», то есть более-менее воздерживалась от применения психоактивных веществ, а вот потом ее «от горя понесло»). Непьющей и работающей до последнего года жизни была прабабушка Паши по матери – она и обихаживала как-то отпрысков непутевой внучки. Когда она умерла, все обвалилось окончательно.

Людмила с мужем познакомились еще до его службы в армии. Встречались, гуляли по городу, ходили в кино, целовались. Николай всегда был замкнутым, серьезным, немногословным, не курил, не пил даже пива. Про свою семью он ей ничего не рассказывал (парня можно понять!),

только однажды сказал: «Отслужу – к ним не вернусь». В армии Николай получил права и, вернувшись, устроился водителем в автобусный парк города Пушкина. Там же снимал комнату у уборщицы. Всю его службу молодые люди переписывались, она регулярно отправляла ему на Север (он служил на полуострове Рыбачий) посылки с печеньем и конфетами.

– Ну, давай, что ли, жениться? – спросил он спустя год после своего возвращения.

– Это, что ли, предложение руки и сердца? – спросила она, сдерживая слезы.

– Что-то не так? А как тебе надо? – серьезно поинтересовался Николай.

– Ты бы хотя бы цветов купил. Ну, и про любовь все-таки... – пряча в улыбку обиду, сказала девушка.

– Да, – немедленно согласился молодой человек. – Сейчас. Ты подожди тут.

Спустя пятнадцать минут он вернулся с большим безвкусным букетом в руках.

– Вот. Это тебе цветы. Я тебя люблю. Если ты меня тоже любишь, тогда давай завтра подадим заявление, сегодня там уже закрыто, наверное.

Она до сих пор жалеет, что не сумела срежиссировать этот важный момент своей жизни подробнее. Например, не предложила Николаю поехать на берег моря и встать там на одно колено – он, без сомнения, скрупулезно выполнил бы все ее пожелания.

А потом она ему отказала.

Он выглядел ошеломленным, долго молчал и не мог сформулировать простой вопрос: почему?!!

Людмила была абсолютно готова к ответу, она обдумывала его много лет, долгими бессонными ночами.

– Ты наверняка захочешь детей. А у меня их не может быть совсем. Врожденный порок развития органов, мне это сказали, когда УЗИ сделали в 15 лет, и потом я еще ходила, чтобы убедиться. Все подтвердилось. Семья без детей – это не семья, я сама так думаю. Но мы можем по-прежнему встречаться, если ты захочешь... после сегодняшнего.

По ее щекам текли слезы, но она их не замечала.

Он обнял ее и долго молчал. Потом заговорил, и сейчас ей кажется, что это была самая долгая речь, которую она от него слышала за все 18 лет их совместной жизни.

Он рассказал ей о своей семье и сказал, что сам решил никогда не иметь детей, потому что у всех у них плохая наследственность, это ему

еще в школе учительница объяснила. Только переживал из-за нее, мечтал даже о странном: вот бы она забеременела от кого-нибудь, пока он в армии, а тот бы ее потом бросил. И вот он бы вернулся и сразу благородно женился на женщине с ребенком, и никто бы так ничего и не узнал... А теперь получается, что их свела судьба.

Они поженились и жили счастливо. У нее умерла двоюродная бабушка, им досталась однокомнатная квартирка, они откладывали каждую копейку и поменяли ее на двухкомнатную, потом купили старые «Жигули», съездили на них по Золотому кольцу...

Однажды Николай пришел после смены домой темнее обычного.

– Что случилось? – сразу спросила она.

– Мать звонила. Васькиных детей в детдом забирают, бабка там умерла, а мать ихняя совсем... Плачет. Ей-то никого не отдадут, она сама пьяница...

– Сколько их там?

– Трое вроде. Старший точно Васькин, я его видал когда-то, похож...

– Сколько ему лет?

– Четыре вроде...

– Николай? – она заглянула ему в лицо.

– Люда, ну, может, мы съездим туда просто?

Она сразу поняла, что «просто» не получится.

* * *

Первый раз Пашка украл пятьсот рублей, когда ему было пять лет. Сам пошел в торговый центр, купил шоколаду и даже успел в автомат поиграть, пока его не поймали.

Потом Людмила уже никуда не отпускала его от себя, караулила. Впрочем, мальчишка был ласковый, всегда умел подлизаться и добиться своего. Приемными родителями вертел как хотел. Жаловался на здоровье: то животик болит, то головка. Его все время лечили – ну как отказать больному ребенку? Да плюс к тому он в своей родной семье настрадался... В школе сразу не пошло: «Мне неинтересно», – сказал Пашка на третий день первого класса. Самое обидное, что учителя в один голос утверждают, что интеллект у парня сохранный, мог бы учиться не хуже других. А так... из класса в класс переползал с помощью репетиторов, которых нанимали к концу года по всем предметам. Впрочем, до недавнего времени прогуливал мало, находил, чем заняться в школе. В третьем классе два

месяца вместе с «подельником» шарил по карманам в раздевалке. Потом поймали. Приблизительно тогда же была игра «в трясучку» на деньги, причем даже в ней Пашка умудрялся жульничать, за что был неоднократно бит старшеклассниками. До пятого класса Людмила ходила в школу сама – боялась, что Николай, вернувшись, убьет приемыша. Потом сказала: «Будь что будет, но ходи ты, я больше не могу это слушать». С 12-ти лет Пашка стоит на учете в детской комнате милиции. Курит то ли с 9-ти, то ли с 10-ти. В 11 лет первый раз напился до положения риз. Азартные игры – любимое. Пробовал легкие наркотики. Из школы выгоняют, да он туда уже и ходить перестал. Врет так же естественно, как дышит... Вроде всё.

При этом он неагрессивен, коммуникабелен, изобретателен, практически не хамит, любит маленьких детей, животных, комнатные растения и... читать.

* * *

– Что бы вы хотели от меня? – спросила я, будучи уверенной, что все возможное Пашке уже сказано и многочисленные неглупые взрослые люди уже неоднократно пытались «наставить его на путь истинный».

– Да я сама не знаю, – вздохнула Людмила Борисовна. – Может быть, мне просто выговориться было надо. Хоть с кем-то поговорить. Я же никому не рассказываю, ни на работе, ни даже матери своей. Мне стыдно...

– А с Николаем?

– Что же ему лишний раз нервы трепать? У него и так сердце уже... Паша ваши книжки читал, детские. Ну, я когда узнала, что вы психолог, подумала: может, вы ему что-то скажете. Он с удовольствием пошел-то. А я выйду сейчас...

* * *

– Пашка, мне нечего тебе сказать, – грустно и честно призналась я, когда за Людмилой Борисовной затворилась дверь кабинета.

– Как, совсем?! – удивился парень.

– Совсем, увы. Нет у меня в голове ничего такого, что ты бы не слышал уже сто раз. Если оно тогда не сработало, так и сейчас тем более. Ну, мы сейчас поговорим, конечно, чтобы время прошло и мама подумала, что я тебя воспитываю. Я тебе каких-нибудь историй про цирк,

или зоопарк, или экспедиции расскажу, ты же про животных любишь...

– Я не хочу про животных! – строптиво тряхнул челкой мальчик.

– О'кей. А про что хочешь?

– Про меня.

– Ну, давай про тебя, – согласилась я. – Только что же про тебя говорить? Ты же, как я поняла, уже сбросил карты, сдал эту партию.

– В каком смысле сдал?

– Ну, знаешь, есть такая теория, что люди рождаются много раз, душа перевоплощается...

– Знаю, – кивнул Пашка. – Я читал.

– Ну вот, это перевоплощение ты, получается, уже как бы списал. Теперь проживешь, как большинство твоих родственников: пить-курить-воровать-колоться, к тридцати точно помрешь или убьют, ну, может, в следующем перевоплощении как-нибудь иначе решишь, должно же быть развитие... Обычное дело. Николая с Людмилой только жалко, конечно...

– А почему это вы решили, что я уже... это... списал?

– Ну, чисто по фактам, – пожала плечами я. – По чему же еще? В голову-то я тебе залезть не могу, да и не нужно это. Важно, что человек реально делает, а не что он собирается или там предполагает...

Пашка задумался. Я его не торопила. Людмила сидит в коридоре и надеется на чудо, пусть чуть-чуть побудет в этом состоянии, оно дает силы.

– А почему оно так выходит? – наконец спросил он.

– Да нипочему, – вздохнула я. – Говорю же: жизнь – это как в карты сыграть. Умеешь в карты?

– А то! – усмехнулся Пашка.

– Ну и вот. Карта может изначально, на раздаче, по-разному лечь. Тебе вначале очень слабые карты в этой игре достались: семья, да и генетика – надо бы хуже, да некуда. Потом тебе вдруг, тоже нипочему, выпала счастливая карта: тебя взяли в семью хорошие, порядочные люди, а твои братья и сестры оказались в детдоме. И вот ты со своими картами сел за стол. Ставка такая: прорвешься в нормальную жизнь или нет? За столом много игроков. Против тебя играет твоя генетика, первые четыре года твоей жизни, то, что тебе всё позволяли и жалели; потом – твоя лень, неумение сосредотачиваться, работать... Кто еще?

– Учителя. Им от меня скорее избавиться надо. Друзья?..

– Наверное, да. Я плохо представляю себе твоих нынешних друзей, но... Так вот, что-то тут, конечно, зависит и от мастерства игрока. Иногда можно выиграть и с плохими картами. Особенно если от тебя этого уже

никто не ожидает, тебя не берут в расчет... Но ты сам понимаешь: намного проще просто сдаться...

– А если я не сдаюсь и играю с плохими картами против всех, тогда что? – тихо и зло спросил Пашка. Ноздри его раздувались от волнения.

– Ну, это, считай, всё наоборот от нынешнего, – подумав, сказала я. – Тебя выгоняют из школы за двойки, а ты им всем назло получаешь пятерки и остаешься. Тебе предлагают покурить и выпить, а ты на спорт идешь или уроки делать. Тебя мир изначально списал в генетический брак, а ты не только сам вылезешь, но еще потом найдешь младших и им поможешь...

– Я вправду больной, – сказал Пашка. – У меня по-честному ведь голова, давление... и ноги часто болят... Это тоже против.

– Лапшу – в кастрюлю! – отрезала я. – Самый крутой президент крутых США с детства ездил в инвалидной коляске. Правда, у него были хорошие семейные карты. Но ты-то все-таки пока ходишь...

* * *

– Он просил вас передать, что он выиграл! – радостно улыбаясь, доложила Людмила. – Представьте: он сидел над учебниками как проклятый и закончил триместр с одной тройкой. Все учителя, да и мы тоже – в шоке! Но он теперь точно сдаст экзамены за девятый класс! Сможет поступить в училище, в техникум, даже в десятом классе остаться, если захочет!

– Передайте ему, что партий будет еще много, – предупредила я. – И до выигрыша еще очень-очень далеко. Но у него теперь есть опыт его собственного успеха, а это очень ценно.

– Кажется, он понимает... Он просил спросить: как узнать, когда конец игры?

Я надолго задумалась.

– Когда он оглядится и вдруг увидит вокруг себя только город, лес, море, друзей, птиц, книги... счастье, несчастье... и не увидит карточного стола с готовыми играть противниками. Тогда. А до этого надо садиться, играть и стараться выиграть при любом раскладе.

Уберите свободу!

– Скажите, пожалуйста, а вы домой к своим клиентам не ходите? – немолодой мужчина с усталыми морщинами в углах губ прячет взгляд.

Я, против воли, сразу придумала ему судьбу: новый брак, поздний ребенок, родился с какой-то тяжелой патологией, трагически отстает в развитии, но родители все еще на что-то надеются, приглашают одного специалиста за другим...

– Обычно нет, не хожу. А что у вас? Сколько лет ребенку? Какой официальный диагноз?

– Шестнадцать лет. Никакого официального диагноза нет.

Я слегка усмехнулась своей ошибке, одновременно подумав: «Не, ребята, если уж вы хотите заманить свое чадо в разгар подросткового кризиса к психологу, так вы уж сами его и вылавливайте, и заманивайте сюда – хоть кнутом, хоть пряником, не знаю, как там у вас принято...» Да и есть ли вообще проблемы у чада? Ведь в этом возрасте часто бывает так, что сам подросток никаких проблем вообще не предъявляет, у него всё хорошо (друзья, тусовки, компьютер), это только у родителей проблемы...

– Давайте вы мне сейчас расскажете, что у вас там происходит, – предложила я. – А потом мы решим, надо ли нам сюда заманивать... кого? Сына? Дочь?

– Сын. Его зовут Артур. Он учится... точнее, наверное, сказать, учился в... (мой посетитель назвал номер одной из старопrestiжных питерских школ).

– А-а... Выгнали? – я понимающе кивнула.

– Нет, нет, что вы! – он даже руками замахал.

«Видимо, сегодня у меня день ошибок», – подумала я.

– Там, в школе, – очень интеллигентные, всё понимающие люди, но мы просто не видим способа вернуть...

– Артур прогуливает школу? Ушел из дома?

– Нет, наоборот, он практически *не выходит* из дома!

– Давно?

– Второй месяц.

– Компьютер?

– Очень мало, даже в сравнении с его друзьями-одноклассниками, не говоря уж про прочую современную молодежь.

– Психиатр был?

– Да, мы его возили. Он сказал, что пока не может сказать ничего определенного, но прописал таблетки.

– Принимал?

– Да. И сейчас принимает.

– Эффект есть?

– Сначала много спал и был совсем вялый, а сейчас как будто бы вообще ничего...

– Вы уверены, что он их не выбрасывает потихоньку?

– Да нет, что вы! Хотя... вы знаете, я теперь уже ни в чем не уверен! – с отчаянием в голосе произнес мужчина. – Для нас же все это как обухом по голове! Он всегда был такой сообразительный, активный, благополучный! Артур был очень беспокойным в раннем детстве, в начальной школе на него еще жаловались за излишнюю подвижность. Потом он поступил в гимназию. Мы тогда поступали сразу в три хороших школы, и – представьте себе! – он прошел сразу во все и мог выбирать. Он стал посещать волейбольную секцию, и все вообще стало хорошо. Мы никогда его ничего не заставляли, он сам делал уроки, сам выбирал друзей, увлечения, у него был широкий круг общения – и мальчики, и девочки, даже остался хороший друг из начальной школы (обычная, рядом с нашим домом). Мы всех привечали, его все любили, он никогда ни на что не жаловался...

– А что произошло потом? Это у вас детская медицинская карта Артура? Дайте ее мне...

– Все началось очень странно. Летом, накануне одиннадцатого класса. Артур вдруг стал нас спрашивать: «Мам, пап, что мне поделать?» Знаете, так иногда спрашивают не очень умные и очень маленькие дети. Ну, мы тогда решили, что это у него такой прикол. Юмор. Одиннадцатый класс на носу, надо было уже как-то определяться с поступлением – какие экзамены сдавать и так далее... Началась учеба, но он как будто потерял ко всему интерес. Перестал ходить на волейбол, гулять с друзьями, но еще очень много читал, в основном классику – нашу и зарубежную. Иногда задавал какие-то философские вопросы, мы пытались, как могли, отвечать. Потом и книжки забросил. Тут мы уже начали бить тревогу, спрашивать его, в чем дело. Он (психиатр интересовался, поэтому я и вам говорю) не замкнулся, разговаривал с нами, отвечал, что и сам не понимает, что с ним происходит. Как будто чего-то боится, но не ясно чего, ведь ничего особенного не происходит. Потом он чем-то таким не очень понятным заболел – расстройство желудка, температура, потом почему-то сердце заболело, давление, а когда все нормализовалось, он в школу просто

не пошел...

– Вы пытались заставить?

– Да что вы! Мы же видели, что он не притворяется – ему действительно плохо.

– А в школе?

– В школе всё понимают...

– Друзья?

– Они все к экзаменам готовятся, но пытались приходить, шлют эсэмэски подбадривающие... Он от них быстро устает, только вот того, самого старого друга, не гонит, который уже в лицее учится. Но тот не говорун, они с ним иногда по часу молча стоят на лоджии, друг курит, а Артур – просто так...

Пока он говорил, я просмотрела карточку. Было перинатальное поражение центральной нервной системы (ПЭП – перинатальная энцефалопатия), один из неврологов ставил ММД (минимальная мозговая дисфункция). На психиатрию, если судить по рассказам отца, не похоже. Значит, можно попробовать вытащить?

– Привозите парня. Скажите, что я знаю, что с ним происходит.

(Я врала – это все поняли?)

* * *

Артур был не очень высокий, кудрявый, с мелкими чертами лица и ясным взглядом.

– Ты боишься, – сказала я ему. – Но таблетки все равно выкидываешь.

– У меня от них голова как ватой набита, – сказал он. – Что тогда толку не бояться?

– «Мам, пап, что мне делать?» – передразнила я. – Тут – ключ. Сейчас будем выяснять, как открыть и что в коробочке.

Говорили долго, много, пересказывать здесь всё не буду. Поэтому сухой остаток. Артур – бывший ПЭПка, ему жизненно важны границы, организованность, режимность мира. Но одновременно – очень высокий интеллект, которым до поры до времени компенсировалась свобода, предоставляемая демократическими родителями и «продвинутой» школой.

Прямая речь Артура, выжимки:

– От меня никто ничего важного не требует и в, общем-то, не требовал никогда. Ни чтобы я ходил в церковь, ни чтобы стал менеджером или военным, ни чтобы верил в царя, ни даже чтобы я что-то такое ел

(или не ел) или как-то одевался. Я должен выбрать сам, и это надо уже прямо сейчас, и я, наверное, даже готов... Но слишком много всего, Всё такое равномерно теплое и липкое, всё себя рекламирует, я чувствую себя, как в манной каше, и мне страшно... Наверное, мне было бы проще в противостоянии. (Какой все-таки интеллект у парня! – мысленно восхитилась я в этом месте.) Так же всегда было: революционеры против чего-то и молодежь, я читал. «Сбросим Пушкина с парохода современности!» и так далее... И вот у моего друга тоже так. Он с матерью все время за всё воевал, чуть не с первого класса, потом она хотела, чтоб он дальше в школе учился, а он настоял – в лицей, на автослесаря, сейчас уже сам на практике зарабатывает.

– «В борьбе обрешь ты право свое...» – усмехнулась я.

– Что это? – спросил Артур.

– Девиз партии эсеров. Тех, из начала XX века... Но я услышала и поняла то, что ты сказал. Сейчас единственная твоя возможность противостоять – не пить таблетки. Ты читал «Пролетая над гнездом кукушки»?

* * *

– Можем ли мы помочь ему? – снова отец. – Чем?

– Можете. Уберите свободу.

– ?!!

– Кем он вообще-то собирался быть до всех этих событий?

– Говорил странное: буду врачом или юристом.

– Теперь вы говорите: ты слишком слаб и болен, ни врачом, ни юристом – даже не думай. Экзамены будешь сдавать экстерном, а потом устроим тебя к дяде в институт, чтоб он за тобой присматривал...

* * *

Молчаливый дворовый друг, прогуливая занятия в своем ПТУ, провожал Артура до гимназических дверей первые две недели. На все сетования Артура отвечал: «Ладно болтать, пошел!» Он же решительно высказался за медицину: «Там интересно и ни черта еще не понятно. Вот чего это с тобой было?»

Артур решил стать юристом.

Пожелаем ему успеха.

«Убийца»

Привлекательная женщина с отчетливой азиатской примесью в чертах лица жаловалась на сына-подростка, а мне все время что-то мешало ее слушать. Проблемы, которые она предъявляла, были весьма существенными: прогулы, драки, учет в детской комнате милиции, хамство в школе и дома, какие-то уже довольно безобразные алкогольные эпизоды... Но при всем при этом меня не покидало странное ощущение, что в развертывающейся передо мной киноленте есть какой-то 25-й кадр, которого я не улавливаю, но который в корне меняет содержание и даже жанр фильма. Мои уточняющие вопросы явно били мимо цели и ничего не проясняли. В куцей медицинской карте Максима не было никаких интересующих меня диагнозов. Судя по всему, мальчишка вообще болел крайне редко. Его мать выглядела вполне адекватной.

– Скелеты из семейных шкафов – на выход! – наконец напрямую скомандовала я.

– Я не родная мать Максима, – тут же выпалила женщина.

Я вздохнула почти с облегчением.

– Но мы с его отцом познакомились, когда ему было два года, я воспитываю его с трех лет, он называет меня мамой, а свою родную мать не помнит совсем, так как она умерла почти сразу после родов.

Выяснив все известные мачехе медицинские подробности давно минувшей трагедии, я вернулась в сегодняшний день.

– Кроме Максима, у вас сейчас еще общий с мужем ребенок – мальчик Вася, восьми лет...

– У Максима есть еще старшая сестра по матери, ей двадцать два. После смерти матери она живет с бабушкой и дедушкой.

– Максим поддерживает отношения с сестрой?

– Практически нет. Ну, может быть, раз в год туда ездит. Он не рвется, да и его там особо не ждут.

– То есть, выходит, после смерти матери детей поделили? Старшую девочку забрали к себе ее родители, а мальчик-младенец достался отцу?

Вместо того чтобы ответить на мой простой, давний и, в общем-то, не касающийся ее вопрос, женщина вдруг тихо заплакала. Я удивилась, поняла, что скелеты и погремушки этой семьи еще себя не исчерпали, но решила подождать – теперь-то уж, наверное, она сама расскажет.

– Его никто не хотел, – вытерев покрасневший, распухший от слез нос,

сказала она. – Это ужасно, я знаю, но они все, даже мой муж... они видели в нем, в ребенке, того, из-за кого умерла его жена, их дочь. Убийцу своей матери...

– Господи, какой бред!

– Да, конечно, я понимаю. Но он очень ее любил. Очень. Меня – нет, хотя теперь, конечно, чего уж... все уже привыкли. Они вместе учились, все делали вместе, понимали друг друга с полуслова. У них была прекрасная семья, они оба обожали дочь...

– Но при чем тут новорожденный младенец?

– Разумеется, ни при чем. Но отец не хотел его видеть, потому что он напоминал ему... и отвез в Казахстан, к своей матери. А она уже тогда была больная и тоже не справлялась с младенцем. Девочку забрали родители жены, а он тогда много пил и...

– Вы тоже родом из Казахстана? – уже догадалась я.

– Да. Я полукровка. Мои родители и семья Андрея были соседями. Они, можно сказать, сосватали меня. Я младше, Андрей меня почти не помнил к тому моменту, но он согласился, потому что его мать не могла больше с маленьким.

– А вы?

– Я-то его хорошо помнила, он мне с детства нравился. Но первые год-два было... ужасно.

– Что именно? Он пил?

– Нет, пить он перестал сразу после свадьбы. Но Андрей не мог забыть свою умершую жену, был мрачнее тучи, у нас везде были ее фотографии. Он с головой ушел в работу, стал хорошо зарабатывать, давал мне денег сколько попрошу, но никогда никуда со мной, с нами не ходил, а ведь я совсем не знала Петербурга... Только один раз повел меня в театр – я попросила. Но после первого действия он просто убежал. Потом дома извинился... Я поняла, что он когда-то был в этом театре с женой и все время вспоминал...

– Но потом-то у вас с Андреем наладилось?

– В общем-то да. Особенно когда Вася родился. Андрей с ним много занимается, интересуется всегда: «Сын, сын»...

– А Максим? Он ведь тоже его сын.

– Он старается, но... Тут с самого начала. Он даже когда просто видел его у меня на руках, весь как-то передергивался.

– А почему вы не забрали девочку?

– Родители жены не отдали. Да и она не хотела с мачехой...

«Она замужем за Андреем двенадцать лет, но его женой до сих пор

называет не себя, а давно умершую женщину», – подумала я.

– А как складывались ваши отношения с Максимом?

– Да хорошо, чего же, я сразу, еще в Казахстане, его, сиротку, пожалела и полюбила. Я и сейчас за него перед всеми заступаюсь, но сама, знаете, очень волнуюсь... Он же способный вообще-то, у него с физикой, геометрией, черчением раньше хорошо было, а сейчас уже одни двойки...

– Ладно, хоть с мачехой ему повезло, – вздохнула я. – Я хочу видеть Андрея.

– Он не пойдет ни за что. Сказал однозначно. «Уж если милиция не справляется, то что там в детской поликлинике сделают?» И Максим не придет.

– Ну и чего же мы с вами будем делать? – вопрос прозвучал совершенно непрофессионально, зато искренне. – Вас-то мне лечить не надо, вы и так всё понимаете. Скажите Максиму вот что: со школой ему явно пора завязывать, надо специальность выбирать, пусть приходит профорientироваться. Вдруг получится?

* * *

Подросток был грубый, мрачный и демонстративный.

– Школа – отстой! Чего я хочу? Пусть перестанут ко мне прикапываться, и я тоже перестану... Что я буду делать, когда они перестанут? Сдохну, вот что! Или сам убью кого-нибудь... А чего, в тюрьме тоже люди живут. У нас в стране, между прочим, каждый шестой сидел, не слыхали статистику?

– Убить человека невероятно сложно, – сознательно ступая на тонкий лед, сказала я.

– А вот и ни фига! – моментально поймался Максим. – Очень просто. Вот я, например, сразу, как родился, так свою мать, того...

– Кто тебе сказал? Первый раз? Ведь не отец...

– Сестра. Мне было лет шесть, а она – как я сейчас, может, младше. Она сказала: «Если бы не ты, я бы жила с мамой и папой, и все были бы счастливы. Зачем ты только родился, убийца?»

– Это не считается убийством.

Он вырос с этим клеймом, и не стоит мне делать вид, что я этого не замечаю. И к матери, которая его «бросила» сразу после рождения, у него как будто претензий не меньше, чем к отцу и прочим родственникам. Что у нас есть? Мачеха – на его стороне. Физика, математика, геометрия –

его сильные стороны, стало быть, он должен понимать схемы и алгоритмы...

– У некоторых считается, – усмехнулся Максим. – Но если нет, тогда я сделаю такое, чтоб считалось. Чтоб я уже до конца был именно то, что обо мне думают...

– Ты хочешь замкнуть круг и тем преодолеть несправедливость? Не получится. Еще один виток спирали, умножение зла. Ведь те люди, которые от тебя пострадают, ни в чем не виноваты.

– Понял. То есть вы хотите сказать: чтобы все-таки замкнуть, я должен разобраться с кем-то из своих?

Если честно, мне было отчаянно страшно. Это даже не тонкий лед – это канат над пропастью. Начинать проще с того, кто уже не сможет сам, делом или словом, ничего опровергнуть.

– Она хотела тебя больше всего на свете. Ей нельзя было рожать, но она решила рискнуть. Ради того, чтобы ты жил. Она не хотела дарить тебя мужу, себе или еще кому бы то ни было. Она хотела подарить тебя – тебе. Это был ее выбор. И она любила тебя – девять месяцев беременности и еще почти двенадцать часов, пока не впала в кому. Она успела увидеть твоё лицо, почувствовать твои губешки на своей груди и назвать тебя Максимом.

– Замолчите! – тихо вслух попросил он. Вся его невербалка кричала: «Продолжайте!»

Но мне нечего было больше сказать, и я спросила:

– Что у тебя с Васей? Он ведь появился уже после всего...

– Васька? – словно очнувшись, спросил Максим. – А чего? Он прикольный...

* * *

Я ни на что особо не надеялась, но он приходил раз за разом, потому что устал жить в злобе и ненависти. Наверное, это был тот редкий для меня случай, когда я занималась в строгом смысле психотерапией. Иногда он ложился на ковер и говорил, глядя в потолок. Дошло дело и до профориентации.

– Смотри, – сказала я. – У тебя сильный тип нервной системы (ты не сломался, а обозлился), и еще в тебе есть этот накрученный заряд от всей твоей истории. Можно считать, энергия как в аккумуляторе. Знака у энергии у самой по себе нет. Можно разрушить что-то, убить. Можно

построить, спасти. Куда ее тратить? Это тебе надо сейчас решить.

– Сейчас?

– Да чего тянуть? Ты вполне можешь.

– Кого я могу спасти?

– Кого угодно. В 495-й школе старшие классы – пожарные кадеты.

У них договор с училищем МЧС.

– Да, я их видел, они в форме ходят.

Боже мой... «В форме ходят»! Он же еще совсем мальчишка...

– Туда сдавать математику и физкультуру. И то, и другое тебе – без проблем. Если захочешь, конечно.

Об отце он говорить сначала отказывался. А потом однажды спросил:

– Что мне ему сказать?

– Скажи то, что ты сам уже понял. Приблизительно так: «Отец, ты не винишь и никогда не винил меня за то, что я убил свою мать. Ты винишь себя, что не отговорил ее, не удержал, не сумел спасти. Глядя на меня, ты видел свою вину. Но ее, этой вины, нет. Ведь моя мать сама приняла решение и, уходя, оставила здесь – меня. На самом деле во мне живет продолжение вашей любви. И это именно то, чего мама на самом деле хотела».

– Да он мне за такое сразу в морду даст, – усмехнулся Максим.

– Возможно, – подумав, согласилась я. – Но потом точно задумается.

* * *

– Они с отцом не разговаривают почти, как и раньше, – сказала заглянувшая ко мне спустя пару месяцев мачеха Максима. – Но в воздухе как будто рассосалось что-то. И у Васи вдруг нейродермит прошел.

– А в школе?

– Из этой школы его все равно выгоняют, не хотят рисковать. Будем думать, что дальше делать. Про пожарников – это вы ему посоветовали? Он вроде увлекся...

Хвалить или не хвалить?

– Доктор, вот вы скажите мне, детей ведь нужно хвалить? – вопрос женщины звучал почти агрессивно и подразумевал только один вариант ответа. Я, не понимая, в чем дело, решила пока не обманывать ее ожиданий.

– Да, разумеется, нужно. Любой ребенок бывает в чем-то успешен, делает что-то хорошо, просто по возрасту совершенствует какие-то навыки...

– Нет, это всё ладно, понятно, ну а просто так? Просто так сказать, что он хороший, умный, замечательный, – разве это не нужно? Сказать: «Я тебя люблю!» – разве это для ребенка не важно? У нас же этого днем с огнем не сыщешь! А вот вы американские фильмы смотрели? Вот у них...

– Смотрела, – кивнула я. – И тоже обращала внимание, что там герои действительно, чуть ли не в магазин отлучаясь, все время говорят друг другу: «Я тебя люблю!» Я никогда не жила в США и потому не знаю, насколько эта фильмовая особенность соответствует реальной жизни американцев. А если все-таки соответствует, то что она маркирует и зачем им это надо...

– А вы думаете, что это не надо? Человеку, особенно ребенку, не нужно, чтобы ему открыто говорили, что его любят?!

– Вы знаете, у меня, пожалуй, нет четко сформированного мнения по этому вопросу, – честно призналась я.

Вряд ли ей нужно мое разрешение, чтобы хвалить своего ребенка. И я попросила:

– Может быть, расскажете мне, с чем вы ко мне пришли?

Женщина, представившаяся Светланой, поудобнее устроилась на стуле и как будто слегка успокоилась:

– Понимаете, моя собственная мать никогда меня не хвалила.

– Совсем никогда? Простите, но мне кажется, такого не может быть.

– Ну ладно. Хвалила, но очень, очень редко. И всегда как будто сквозь зубы. Теперь я понимаю причины: у нее самой было тяжелое детство, она была старшей из четырех детей, на ней лежало хозяйство, ее мать все время работала, чтобы прокормить семью, отец был инвалидом войны и пил... Но мне от всего этого не было легче. Каждую, даже самую мельчайшую похвалу матери надо было заслужить – и я все детство отчаянно старалась. Училась почти на «отлично», все делала по дому, успешно занималась

танцами, рисованием... И за все это: «Что ж, Светка, недурно, совсем недурно...» Это максимум, на который я могла рассчитывать. Никогда, вы понимаете – ни разу в жизни! – она не сказала мне, что я молодец, что она меня любит... В юности я была жутко стеснительной, зажатой, не могла поверить, что могу кому-то по настоящему нравиться (теперь я знаю, что это называется низкой самооценкой), моему будущему мужу пришлось долго убеждать меня, что его чувства ко мне не розыгрыш...

«Интересно, ей все еще нужны комплименты? – подумала я. – Сказать ей, что ли, что свою стеснительность она явно успешно преодолела, превратив ее в напористость? Или лучше не надо?»

– И вот уже тогда, в детстве или ранней юности, в совершенной независимости от американских фильмов, вы решили, что, если у вас будут дети, вы не откажете им в поощрениях и добрых словах... – попробовала догадаться я.

– Именно! – радостно закивала Светлана. – Именно так, как вы сказали. И когда у меня родилась дочь, я так и делала. Я говорила ей всё, что мне самой хотелось услышать от матери и что я так никогда и не услышала. Я хвалила ее рисунки, и то, как она поет – маленькой дочка очень любила петь, – и вообще всё...

– Два вопроса. Первый: сколько лет вашей дочери сейчас? И второй: что говорила бабушка, наблюдая, как вы воспитываете своего ребенка?

– Дочери сейчас четырнадцать. Мама всегда говорила, что я ее избалую на свою голову и что она умывает руки. А я ее, если честно, к дочке просто не очень подпускала, да и дочка не слишком стремилась к бабушке ездить. Говорят, что бабушки ласковей к внукам, чем к детям, но тут ничего не изменилось – все было так же строго и холодно, как в моем детстве.

– И что же теперь произошло?

– Я сама не знаю, потому к вам и пришла, – Светлана растерянно развела руками.

– Но вам придется все же с чего-то начать. Девочка действительно получилась избалованной? Села вам на голову?

– Да нет вроде. Наташа всегда неплохо училась, несколько лет в музыкальной школе, потом пением индивидуально занималась, сейчас, правда, бросила... Мы все музеи вместе обошли, в театры ходим, за город ездим, в магазины. У нас всегда были хорошие, доверительные отношения. Мне, в отличие от папы, она все про себя рассказывала, я о такой откровенности с собственной матерью и мечтать не могла. Я ее всегда поддерживала.

– И вот недавно...

– Недавно, буквально на ровном месте, у дочери случилась жуткая истерика. Она кричала, что все придурки, что она сама – ужасная жирная дура, что она не хочет жить... Я очень, очень сильно испугалась!

– Еще бы вы не испугались! – согласно качнула головой я.

– И знаете, что самое ужасное? Она обвинила во всем меня! Она сказала, что я ее все время хвалила, говорила, что она красивая и замечательная, и она, дура, мне поверила, а теперь видит, что я ей все время врала. Но уже ничего не может сделать, а на самом деле до нее никому дела нет, и вовсе она не замечательная, а наоборот, и ничего у нее не получается, но все другие еще хуже, и поэтому лучше бы она вообще сдохла или я ее с самого начала бабушке отдала... – голос женщины прервался спазмом.

– Но послушайте, ведь наверняка был какой-то повод, – на этом драматическом месте («Отдала бабушке...» – ведь знала же юная истеричка, куда побольнее мать ударить!) я прервала ее монолог. – Какая-то, например, неудача...

– Да, кажется, мальчик, который ей нравился, сходил куда-то с ее подругой или просто написал той что-то милое и ласковое во «ВКонтакте»...

– О, я так и думала. И, знаете, мне кажется, что это даже хорошо, что нарыв прорвался...

* * *

Естественно, что первым делом я захотела увидеть дочку Светланы, Наташу. Девочка предстала весьма невротизированной и негативной. Учителя придираются, одноклассники – придурки, подружки – все сплошь предательницы. Самооценка, скачущая между сильно завышенной и столь же сильно заниженной. Само собой: если дома годами получаешь не то, что тебе надо, а то, что надо было матери в ее фантазиях двадцать лет назад, – чего же ждать?

Светлана, закономерно испуганная прозвучавшими у дочери суицидальными мотивами, настойчиво требовала от меня ответа. Ладно, пусть прошлое было ошибкой. Но как теперь-то себя с ней вести?!

Единственный метод, который пришел мне в голову, – «правдотерапия». Вот все то, что Светлана рассказала мне о своем детстве и своих чувствах, она в моем кабинете рассказала и Наташе. Не знаю, какой

реакции мы со Светланой ожидали. Но, всё внимательно выслушав, Наташа... от души рассмеялась.

– Наша бабушка – это да! – сказала она, когда я спросила ее о причине смеха. – Это надо видеть и слышать. Она семьдесят банок огурцов на зиму с дачи закатала. Я говорю: «Бабушка, зачем нам столько соленых огурцов?!», а она: «То, что на земле выросло, должно быть переработано. Кто знает, как жизнь повернется, – может, еще спасибо земле скажем».

Светлана выглядела очень удивленной – ее мать казалась ей какой угодно, но не смешной.

– Теперь мне хоть правила понятны, – сказала мне Наташа на одной из следующих встреч. – Но еще практики не хватает. Мать-то моя, бабушкой воспитанная, всем за всё благодарна, ей помогут или слово доброе скажут – так она чуть не кланяется, а меня все раздражают. Может, мне и правда у бабушки немного пожить?

– Почему нет? – согласилась я.

Бабушка на переселение согласилась, но встретила внучку неласково:

– Неблагодарная! Ты там у родителей как сыр в масле каталась, твоя мать и десятой доли того не видала, а всё и по дому делала, и соседке хворой в магазин ходила, и училась прекрасно, да еще в ансамбле плясала, выступали они людям на радость. А ты что? Бездельница, да еще и кочевряжишься!

– Что мне делать? – спросила у меня Наташа.

– Дословно, ничего не упуская, всё пересказать матери! – велела я.

Светлана, выслушав дочь, долго рыдала. Потом позвонила матери (на личную встречу не решилась) и спросила: «Мама, но почему же ты мне-то никогда не говорила, что *так* обо мне думаешь?!» «А как же еще? – удивилась старуха. – Ты всегда правильная девочка была, добрая и умная. И вообще: моя дочь – самая лучшая. Как для тебя Наташка твоя. Или для тебя не так?» – «Так. Но почему же не говорила?!» – «А зачем баловать-то? От баловства вред один и шатания в голове. Ты ж сама убедилась».

Занавес.

Наташа теперь говорит, что хочет стать психологом. На всякий случай.

Хранитель мира

Мои читатели знают, что я очень редко пишу «на злобу дня». Практически никогда. Никаких моих принципов в этом нет, просто сами выбранные мною для очерков темы («Семья и семейные отношения», «Развитие ребенка, норма, нарушения, коррекция») относятся скорее к категории «вечных» и, как и педагогика и медицина в целом, закономерно тяготеют к консерватизму взглядов и оценок.

Но вот одна встреча два дня назад сподвигла меня изменить мною же установленным правилам.

* * *

Началась эта история давно. Кирюша и Илюша познакомились и подружились в детском саду. Причем, как это часто бывает у мальчишек, сначала они жестоко подрались между собой. Причина для драки была веской – «старожил» группы Кирюша и новичок Илья не сумели мирно разрешить возникший спор о том, как именно можно отличить по звуку «мессершмитт» от «фокке-вульфа». Долго бегали по группе, раскинув руки и стуча сандаликами, завывали на разные голоса, изображая, как приближаются к своим целям, бомбят, уходят в пике и взрываются разные фашистские самолеты, а потом, так и не сумев переубедить оппонента, покатались по полу, сцепившись. Воспитательница с помощью нянечки растащила их, пристыдила и усадила на стульчики в разных концах группы.

– Что вы деретесь, как будто враги? – сказала она им. – Вы же советские дети, ходите в одну группу и должны быть друзьями. А враг у нас у всех общий – это фашисты, которых мы победили.

Илья помнит эти слова так, как будто они были сказаны сегодня.

Воспитательница оказалась права: спустя короткое время Кирюша Опанасенко и Илюша Штемлер уже не могли жить друг без друга. У них оказались совершенно одинаковые взгляды, вкусы, увлечения. Оба хотели быть летчиками и бесконечно, хотя и одинаково плохо, рисовали воздушные сражения, в которых наши самолеты (с красными звездами) всегда побеждали. Оба больше всего на свете любили мороженое, Новый год и День Победы. У обоих деды погибли на фронте. Оба жили

в огромных коммуналках на Петроградской стороне. Более склонный к анализу Илья однажды даже озаботился вопросом: «А чем же мы с тобой, Кирюша, отличаемся?» Не сразу, но все же различие было найдено: Кирюша ненавидел рыбий жир (им пичкали всех ленинградских детей – недостаток инсоляции, источник витамина Д), а Илюше он казался даже вкусным. Он и сегодня хорошо помнит этот семейный ритуал: всегда в полутемном общем коридоре (там стоял холодильник), темная бутылочка из толстого стекла (чтобы жир не окислялся), ложка с сероватым жиром, маленький кусочек черного хлеба и желто-зеленый кружок соленого огурца на закуску. Мама или бабушка слегка заискивающе улыбались (кажется, они сами любили рыбий жир не больше Кирюши). Илюша закрывал глаза, открывал рот... Ему было вкусно и как-то очень спокойно в эти сугубо детские минуты.

Шел 1954 год.

Потом было взросление. Школа, где Кирилл и Илья по-прежнему дружили и, когда приходилось, дрались спина к спине. Влюблялись в одних и тех же девчонок, ломали ветви черемухи в саду 1-го Медицинского института, до изнеможения гуляли по берегу Карповки белыми ночами, споря о вечном... В летное училище Илья не проходил по здоровью. А Кирилл сам решил поступать в строительный институт, но уже в Одессе – туда после развода с отцом спешила вернуться мать, там были ее родина и все родственники, друзья юности, те, кого не разметала и пощадила война. Расставаясь на перроне, мальчишки поклялись писать и не забывать друг друга...

* * *

Она сидела в кресле и плакала. Ей 15 лет, ее зовут Оля. Я не знаю, как ее утешить.

Я давно знаю всю семью Штемлеров, они приходили ко мне не раз и не два. Оля заикалась в раннем детстве и чуть позже боялась мух и собак. Потом она почти год непрерывно играла в одну компьютерную игру, и семью это очень тревожило. Младший мальчик долго писался по ночам и стеснялся выступать в детских спектаклях. И, кажется, у него же была тяжелая нейроинфекция с изменением поведения.

– Говори, – прошу я. – Говори всё подряд, может быть, мы найдем, за что зацепиться...

– Она ничего у меня не спросила, понимаете, ничего!.. – всхлипнула

Оля. – И ничего не объяснила. Мы с ней не спорили, не ссорились, вообще об этом не говорили. А она просто взяла и удалила меня из френдов! И из «Скайпа»! Везде! Нельзя же так!

– Только тебя удалила? Лично тебя?

– Нет, всех, кто из России. Но почему? Что я-то ей сделала?! Почему она со мной так? Мы же к ним с дедушкой в гости туда ездили, жили у них, и она к нам два раза приезжала, и в Турции еще все вместе отдыхали...

– Ну, может быть, это как бы и не имеет отношения к тебе лично? Сейчас видишь, какая сложная политическая обстановка между нашими странами... даже взрослые люди не всегда могут разобраться...

– Ну как же не имеет? – Оля перестала плакать и длинно вздохнула. – Есть политическая обстановка, и есть мы с Мариной, отдельные люди. Разве не так? Мы же с ней почти каждый день по «Скайпу» разговаривали. Мне казалось, мы друг друга понимаем, как никто. У нас же еще дедушки дружили, вы помните? И вот нам с ней это очень нравилось – такая, понимаете, «дружба по наследству», мы даже гордились. Я Марине такое рассказывала, что не могу подруге из класса рассказать, и она мне тоже. Когда она к нам приезжала, она в моей комнате жила, и мы вместе в одной кровати спали... до утра могли проболтать. А дедушки наши – на кухне, тоже до утра... А вы говорите: не имеет.

Мы долго молчали, думая каждый о своем. Или об одном и том же? Потом я спросила:

– Оля, а что же ваши дедушки? Илья и Кирилл? Что они теперь говорят?

– Они долго пытались переубедить друг друга, – Оля опустила голову. – Я, честно, не поняла, в чем. Кто больше врет: мы или они? Вроде так. И еще: «Как ты не можешь понять, это стечение обстоятельств?!» – «Нет, это все было заранее спланировано, еще до вашей Олимпиады!» – «Кто отдаст приказ армии стрелять в неармию – тот и преступник!» – «Вот и целуйте теперь в задницу Януковича, раз он до всего этого довел, а потом еще и приказ не отдал!» Дедушка в другую комнату, к компьютеру уходил, но они так орали, что мы все равно слышали. Но я все-таки мало что поняла... Теперь они, кажется, тоже раздружились. Дедушка все время на кухне курит и корвалол пьет.

Катающиеся по полу мальчики в коротких штанишках. Мудрая воспитательница: «Не надо драться между собой», «Надо сплотиться перед лицом общего врага – тогда победим». 60 лет назад. Сегодня.

– Сейчас вы с Мариной – жертвы, – сказала я. – Но ты можешь перестать ею быть.

– Как? – девочка подняла заплаканные, но все равно красивые глаза. – Я все сделаю, я чувствую, что это все неправильно!

– Ты ведь не видишь, почему это вы должны поссориться с Мариной?

– Не вижу, конечно! – Оля энергично замотала головой, потом так же энергично закивала.

– Ну вот прямо так и напиши ей на доске или как там у вас это называется... – я помолчала, с усилием пытаюсь вызвать своего «внутреннего подростка» и подобрать нужные слова. – «Я не вижу, почему лично я лично с тобой должна теперь ссориться. Я, Ольга Штемлер, здесь и сейчас во всеуслышание заявляю, что сохраняю мир и назначаю себя одним из его хранителей. И я сегодня, здесь и сейчас клянусь, что не забуду тебя, Марина, что бы ни случилось. Не забуду и не предам нашей дружбы и нашего доверия. В память всего хорошего для нас и в память тех мальчиков на перроне, наших ровесников, которые тоже клялись когда-то. Ради нас всех, ради мира, ради наших дедов, которые сегодня не сумели удержать, я принимаю на себя эту клятву. Пусть я не очень сильна и голос мой негромок, но я буду стараться изо всех сил, которые у меня сегодня есть. Я, Ольга Штемлер, сохраняю мир и призываю тебя, Марина Опанасенко, и всех, кто это читает сейчас и еще прочтет, присоединиться ко мне!»

– Ой... да, я сделаю, – тихо и твердо сказала Оля. – Но можно я сейчас запишу, чтобы не забыть?

– Не надо, – ответила я. – Ты поняла как, но у тебя самой получится лучше...

Часто болеющий ребенок

Насколько я понимаю, у педиатров даже термин такой специальный есть – ЧБР, я его в карточках неоднократно видела.

Мальчик был высоконький, худосочный, с темными кругами вокруг глаз. Мать, соответственно, озабоченная его состоянием.

– Вы понимаете, это уже третья наша попытка. Первая была, как педиатры рекомендовали, – в три года. Вторая – в прошлом году, ему было четыре и два. Сейчас Кире уже почти пять с половиной, и всё повторяется по новой. Мы просто не знаем, что делать. Ведь через два года ему уже в школу, и как же тогда...

– Простите, а о каких попытках идет речь? – осведомилась я.

– Да про садик же! – с досадой воскликнула мать. – Он, конечно, не хочет туда ходить. Хнычет, куksится. Говорит, что еда несоленая, невкусная. Но подчиняется и никаких истерик на пороге, как, бывает, другие дети делают, не закатывает. Мы его готовили, рассказывали ему, играли в садик с игрушками, даже на экскурсию водили – кстати, это вы нам рекомендовали, когда мы к вам за печатью в карточку приходили. И всё без толку! Он ходит туда два, три дня, максимум неделю, потом начинаются сопли, температура, потом кашель, дальше либо бронхит, либо отит, либо еще что-нибудь такое. Три недели сидим дома. Курс антибиотиков, вроде бы выздоровление. Потом следующая попытка – три дня садика, температура, сопли, кашель, ложный круп или какая-нибудь из детских инфекций... Педиатр говорит: «Ну и не водите вы его в этот садик, сколько же можно антибиотиков пить...» Бабушки и прочие родственники мне говорят: «Ну и сколько еще ты собираешься ребенка мучить?!» Муж говорит: «Может, ему еще рано, он не созрел?» А я, между прочим, работать хочу. Он предлагает нанять няню: «Ты, говорит, как раз на нее на своей работе и заработаешь, но не кажется ли тебе, что маленькому ребенку, к тому же часто болеющему, с родной матерью все-таки лучше, чем с чужой женщиной?» А я понимаю, что он в общем-то прав... Ну и к концу осени или к зиме мы сдаемся...

– Поняла, – кивнула я. – Получается замкнутый круг: каждый съеденный курс антибиотиков «сажает» иммунитет Кирилла на 10–15 процентов. Он идет в садик здоровым, там встречается с новой инфекцией, ослабленный иммунитет с ней не справляется, и все начинается по новой...

– Именно, именно так! И наш педиатр так же говорит!

– А как развиваются события, когда вы перестаете ходить в садик?

– Некоторое время он еще сопливится, а потом вроде ничего. Ну, болеет, конечно, еще пару раз за год (у нас аденоиды вообще-то, а удалять пока не рекомендуют – у Кирилла уже аллергия развилась на многие лекарства), но ничего особенного. На следующий год мы снова идем в садик, и всё повторяется заново. В этом году он меня прямо так и спросил: «Мама, я опять в садик пойду и опять заболею?» Я себя иногда просто мегерой какой-то чувствую, издевающейся над собственным ребенком...

– Но чем тут я помогу? Развивается Кира по возрасту, ведет себя адекватно, обстановка в семье благополучная, отношения хорошие. И при этом Кирилл ведь реально и вполне соматически болеет...

– Мне педиатр сказал: «Я вас лечу, как умею, если вы не хотите сидеть дома и ухаживать за своим ребенком – сходите к психологу, может, он вам чего посоветует...»

Я тяжело вздохнула. Клятва Гиппократы для психологов, ага.

– Что уже делали?

– Дорогушие иммуностимуляторы и иммуномодуляторы пили, не помогает.

– Ну, это понятно. Если лошадь бить кнутом и одновременно натягивать поводья, вряд ли она побежит быстрее. Еще?

– Витаминотерапия, гомеопатию все время пьем, в этом году вот на физиотерапию ходим...

– Закаливание?

– Это нет, Кирилл холодной воды боится.

– А какой Кирилл вообще? Расскажите о нем.

– Кира? Он вообще-то у нас тихий, любит играть на планшете в спокойные игры, смотреть мультфильмы, любит, когда ему книжки читают. Еще – играть с папой в настольный футбол, ходить в музеи гулять... Мы в прошлом году ходили на развивающие игры, ему нравилось, особенно лепить и ставить сценки. Поет караоке – у него хороший слух, нам даже рекомендовали музыкальную школу, но куда нам с нашим здоровьем...

– А как он с другими детьми?

– Сам ни к кому не подойдет, но, если к нему подходят, – играет заинтересованно. Хорошо соблюдает правила.

– Послушайте, да ему же в детском саду должно быть нормально и даже интересно: он понимает правила, умеет себя занять, а там музыка, пение, всякие развивалки, дети, готовые общаться...

– Да, но я думаю, что он просто не успевает всего это прочувствовать – сразу заболевает... И, вы знаете, мне кажется, что дома все-таки лучше, чем в общественном заведении...

– Так вы хотите адаптировать Киру к садику?

– Очень хочу! – мама прижала к груди обе руки. – Я просто уже озверела за пять лет дома сидеть. Кира спокойный, но даже на него я иногда срываюсь. А уж на мужа и свекровь...

Так. Маму и вправду надо выпускать в мир, в ней копится разрушительная энергия. Кире, конечно же, лучше дома, но ему уже шестой год и социализация не помешает.

– Нам надо создать такую психологическую ситуацию, чтобы все резервы организма работали с нами заодно, – сказала я. – Не против садика, как сейчас, а за него. Если удастся какое-то время продержаться, Кира уже на сознательном уровне оценит садиковские возможности, да и иммунитет подвосстановится...

– Но как же это сделать?!

– Мы можем отправить Киру с книжкой в мой предбанник и закрыть дверь?

– Да, конечно, он будет там спокойно сидеть.

* * *

– Вы знаете, как люди болели в XIX веке? Вспомните картины, книги... Как это выглядело?

– Лежали в кровати...

– Именно. Лежали в кровати под одеялом, смотрели в потолок. Окна плотно зашторены, свет притушен, на лбу – мокрая тряпочка или пузырь со льдом. Рядом тумбочка с лекарствами и стакан с водой. Скуотища, верно? Так вы и поступите.

– Уложить Киру в кровать?

– Да. Болеть должно быть *плохо*. Понимаете? Сейчас всё наоборот. В садике – мучительно, непривычно, одиноко, невкусно. Дома – хорошо, вкусно, там мама, планшет, телевизор, музеи, игра с папой в футбол. Так вот: ломаем этот стереотип к чертовой матери. Когда человек болеет, ему ничего нельзя. Телевизор и планшет – вредно для глазок. Вставать, пить и играть в подвижные игры нельзя. Еда полезна пресная – что-нибудь типа ячневой каши, ее еще Гиппократ рекомендовал при всех болезнях. Лекарства обязательно должны быть горькие и противные, никаких

сладких сиропчиков, очень рекомендую рыбий жир и хлористый кальций. При этом ребенку, конечно, все сочувствуют: «Бедненький, как тебе, больному, плохо живется!» И все время говорится: «Вот скоро поправишься, пойдешь в садик, и начнется настоящая жизнь. Футбол, планшет, музеи, прогулки...» В этой ситуации все силы духа и тела Киры окажутся на нашей стороне.

– Кажется, я вас поняла, – задумчиво протянула мама. – Что ж, в нашей ситуации мы явно ничего не теряем, попробуем...

* * *

«Сообразительность» Кирино организма мы оценили правильно. Переболев еще три раза по изобретенной нами ретросхеме, он все «понял». Следующий промежуток между болезнями был до апреля месяца, когда Кира на прогулке умудрился провалиться в лужу под лед, промочить ноги почти до колена, но ничего не сказал воспитательнице. К этому времени у него уже была главная роль в садиковском музыкальном спектакле (тихий Кира неожиданно оказался талантливым декламатором и певцом с прекрасной памятью)? и, чтобы не упустить ее, мальчик, пролежав всего три дня в кровати при свете ночника с горчичниками и мокрой тряпочкой на лбу, совершенно поправился.

Читать!

– Вы понимаете, мы с отцом все детство провели с книгой в руках! Я даже сама писала рассказы. Помните советский лозунг: «Всем лучшим в себе я обязан книге!»? Так вот это правда! – темпераментно встряхивая блондинистыми кудрями, провозгласила женщина.

Я хорошо помнила горьковскую цитату (она висела у нас на стене в кабинете литературы), сама в детстве, да и потом много читала. Поэтому сидела и спокойно кивала в ответ.

– А вот они, – патетический жест в сторону полноватой, слегка апатичной девочки лет четырнадцати, сидящей на стуле, – они вообще книг не читают!

– А почему во множественном числе? – спросила я. – У вас есть еще дети или вы имеете в виду поколение в целом?

– У меня одна дочь, – слегка смутилась женщина. – Но вообще-то я имела в виду ее и ее подружку, Милу. Они всегда вдвоем, с первого класса. Мила и сюда, к вам, хотела с нами прийти, но я решила, что это уж слишком...

– Надо было взять, – я пожала плечами. – Подростки часто приходят ко мне вдвоем. Им так безопаснее.

– Ну, я не подумала... И ведь понимаете, мы с отцом сделали всё возможное: буквально с рождения и до школы каждый день читали Лизе вслух (она очень любила слушать), потом покупали всякие книги, даже детские детективы и романы для девочек, подсовывали ей; записались в библиотеку, ходили туда каждую неделю. У нас самих дома большая библиотека, в ней почти вся русская классика и много зарубежной, она постоянно видит книгу в руках у меня, у отца...

– И ничего в результате? – немного удивилась я. – То есть, Лиза, ты вообще-вообще никогда сама книг не читала?

– Да читала я! – басом откликнулась Лиза и чихнула. – И сейчас читаю!

В кармане ее кофты призывно пискнул какой-то гаджет. Девочка украдкой достала его и принялась со сверхъестественной, как мне показалось, скоростью нажимать на кнопки.

– Убери! – почти взвизгнула мать. – Я тебя предупреждала!.. Вы понимаете (я обратила внимание, что призыв к пониманию был у нее запевом почти каждой фразы), вначале нам казалось, что всё хорошо –

в начальной школе она еще читала. В основном, конечно, всякую ерунду: ужастики, детские детективы, потом романы для девочек. Но мы считали, что это ничего, потом перейдет к более серьезной литературе. Подсовывали, как специалисты рекомендуют, всякую детскую классику. Ей, кстати, нравились советские рассказы про детей, например Драгунский. Телевизор мы тогда строго ограничивали: один мультик и одна передача про животных, компьютер – тоже: полчаса, не больше. И она читала каждый день. А вот потом... – горестная складка перерезала чистый лоб женщины. – Понимаете, Лиза учится в хорошей гимназии, им все время задают какие-то работы, рефераты, которые нужно искать в Интернете, да и мобильники, коммуникаторы, чтобы мы были с ней на связи, – они тоже выходят в Сеть...

– Может быть, надо купить Лизе электронную читалку? – предложила я.

– Уже давно купили, – махнула рукой мать. – Я ей сама туда закачала двести отличных книг. Не помогает! Понимаете, мы с отцом уверены: наша культура и наша история запечатлены преимущественно в книгах, в текстах. Визуальный ряд – это совсем не то. Если не читать книг, у человека в душе, в уме не формируются многие важные вещи... Вы согласны?

– Пожалуй, да, – кивнула я.

– Вот видишь, и доктор согласен!

– А по школьной программе-то ты читаешь? – спросила я у Лизы.

– Конечно. И еще много.

– В сокращенном виде по преимуществу, – пояснила мать. – А «еще» – это из Интернета, и про качество я вообще молчу. Из последнего, представьте: девушка полюбила вампира. Он тоже ее полюбил, но не может с ней переспать, так как боится, что он ее загрызет в процессе. И вот на протяжении чуть не десятка томов совершенно невозможным языком эта проблема мусолится...

(«Сумерки», – догадалась я.)

– А вас в подростковом возрасте эта проблема не волновала? – спросила я у нее.

– Какая? Любви к вампиру?!

– Нет. Желания и невозможности в любви. В том числе и в плотском аспекте.

Женщина очень симпатично покраснела (должно быть, вспомнила о чем-то конкретном) и ровно в этот момент заинтересовалась происходящим в кабинете.

– Скажите, пожалуйста, – продолжала я, – вот вы сами в детстве много читали, и вам легко будет вспомнить. Вы обожали школьную классику?

– Да нет! То есть, ну... Лермонтов мне нравился, потом Байрон, и еще Грибоедов почему-то... А так мы детское читали и про приключения, научную фантастику...

– А что именно вы искали и, если везло, находили в книжках своего детства? Только не врите, пожалуйста...

Мать уже открыла рот для ответа, но моя последняя фраза остановила готовую сорваться с ее языка сентенцию. Она надолго задумалась, потом медленно произнесла:

– Ответы на какие-то детские и подростковые вопросы. Дети, подростки, такие, как я – и, наоборот, совсем не такие. Как они поступают, думают, чувствуют... Другие миры в фантастике, как они устроены, какие-то смелые научные допуски...

– Спасибо. Ваша дочь и ее друзья ищут ровно то же самое. И наша культура действительно всё еще преимущественно текстовая. Но вот насчет «дети не пишут – не читают»... Понимаете, тут произошло то, что ревнители детского и подросткового чтения почему-то категорически отказываются замечать: дети ушли внутрь текста. Стали с ним на равных... И, решая свои задачи, читают и даже пишут не меньше, а *больше*, чем мы когда-то.

– Как это? Не поняла...

– Вот представьте себе обычного молодого человека конца восьмидесятых. Не гуманитария, не журналиста. Писал ли он в предыдущие пять лет хоть что-нибудь, кроме школьных сочинений из-под палки? Писал. Поздравительные открытки бабушке в Таганрог на Новый год и 7 Ноября до седьмого класса (потом отказался наотрез, как ни стыдили) и записку в восьмом классе: «Лиза, пошли сегодня в кино». А такой же современный юноша или девушка? Они пишут и читают практически постоянно, десятки и сотни страниц. Электронную почту, эсэмэски, твиттеры-шмиттеры, ленты друзей, новости-переновости... Каждый из них к пятнадцати годам сочинил уже не один десяток как бы рассказов (все про себя, любимого, и про своих друзей) в «Живом Журнале» или во «ВКонтакте», придумал и описал десяток героев и биографий в компьютерных играх...

– Да-да! – включилась Лиза. – Мы, знаете, с Милой как придумали? Вот Белла (это из «Сумерек», ну, вы знаете) хочет быть с Эдвардом, но у нее есть любимая подруга, которая решает любой ценой оставить ее в мире живых людей, и Белла не знает, как ей поступить...

– Очень интересно, – совершенно серьезно и искренне сказала я. – И что же вышло?

– Мы еще не дописали, – сказала Лиза и добавила с гордостью: – У нас в группе 148 френдов тоже ждут, чем всё кончится!

– Ну, запиши меня сто сорок девятой... – усмехнулась я. – И подумай вот о каком ходе: а что, если подруга тоже полюбила, но человека, и теперь они сравнивают ту и эту любовь – из мира живых и из мира мертвых...

– О! – Лиза немного задумалась, а потом сказала: – Спасибо. А можно я теперь выйду?

– Миле пошла звонить, – вздохнула мать. – Так вы думаете, ничего страшного?

– Думаю, ничего, – сказала я. – Их способ работы с текстами и образами отличается от нашего. Они не смотрят снизу вверх на «глыбу Толстого», они просто живут внутри своих и чужих текстов, плещутся в них, как рыба в океане, дополняют письменный язык смайликами и интерактивом, на ходу переделывают его... Вы уверены, что это шаг назад по сравнению с вашим «книжным детством»?

– Я... Не знаю. Я подумаю об этом.

– И ты понимаешь, Милка, тогда она ему говорит: «Давай мы их познакомим и посмотрим!» – неся из коридора низкий и звучный голос Лизы. – А Эдвард, конечно, отказывается. Ему и подругу-то эту давно сожрать хочется...

А я вдруг поняла, что мне и в самом деле интересно: кого же в конце концов выберет Белла в Лизинном-Милинном варианте книжной реальности и как девочки этот выбор обоснуют?

Чудовище

Родители на приеме выглядели совершенно обычно: немолодые, похожие друг на друга и, конечно, обеспокоенные проблемами чада, которое с собой не привели.

– Нам казалось, что мы были готовы ко всему, – сказал отец. – К отставанию в развитии, к плохой учебе в школе или даже к вспомогательному классу. Конечно, к любым проблемам со здоровьем. Какие-то болячки хронические или текущие будут – нас предупреждали, и мы сами понимали... Нам казалось, что мы всё примем и справимся. Но Олег совершенно здоров и в математической школе учится преимущественно на «четыре» и «пять». Мог бы учиться на одни пятерки, если бы не частые конфликты с учителями...

Они-то, может, и «сами понимали», а вот я не понимала ровным счетом ничего. Создавалось такое впечатление, как будто отец расстроен тем, что неведомый мне Олег ничем не болен и не учится в школе для умственно отсталых. Но этого же не может быть! Или может?

– Скажите, а почему, собственно, вы были так подчеркнуто «готовы ко всему»? Потому что Олег – поздний ребенок? Или какие-то нарушения развития были у других ваших детей?

– Биологических детей у нас быть не может, – сказала мать. – Мы усыновили Олега, когда ему был год и три месяца.

– Понятно, – кивнула я.

Стало быть, Олег – приемный. Готовились к болезням и задержке развития, а получили что-то другое. «Может быть, обычный подростковый кризис?» – с надеждой подумала я. Хамит учителям и родителям, курит, шляется допоздна или провалился в виртуальную жизнь? А они не понимают, что делать, и, конечно, волнуются...

– Олег знает о том, что он приемный?

– Знает. Нам сказали, что так будет правильно, и мы же никуда не переезжали, ему все равно кто-нибудь рассказал бы... А вы думаете, надо было скрывать?

– Я ничего не думаю по этому поводу, я просто спрашиваю, – сказала я. – Так что же вас беспокоит сейчас?

Родители переглянулись. Мать противно хрустнула пальцами, у отца на скулах заходили желваки.

– Наш Олег – чудовище, – наконец вымолвила женщина. – Мы поняли

это давно, но не решались себе признаться. И, более того, за эти годы он сделал чудовищами нас обоих...

– Сильное утверждение, – несколько опешив, пробормотала я. – А нельзя ли поконкретней?

– Можно конкретней, – перехватил инициативу мужчина. – Раз уж мы сказали «а»... Почти сразу, как появился, он стал мучить нашу старую собаку. Мы запрещали ему, он понял и старался делать это тайком. Потом он воткнул карандаш ей в глаз... Мы ее вылечили и отдали, она прожила у нас десять лет и, когда мы расставались, смотрела как человек, переживший неожиданное предательство. Мы оба плакали... Олег как будто даже не заметил, что она куда-то делась. Истерик, как пишут в литературе, не было никогда, он вообще мало плакал, но, если ему что-то не нравилось, мог ударить мать (на меня руку не поднял ни разу). Мы думали, это последствия того, что его бросили, последствия детдома. Любовь всё лечит. Мы хотели так думать. Летом мы всегда ездили на дачу. Там он отрывал крылья стрекозам и убивал лягушек. Ужасно убивал. Мы не знали, что делать, не находили себе места... пробовали всё подряд, ничего не помогало, и в конце концов мы стали его просто бить за это. Вы понимаете? Взрослые люди бьют трехлетнего, четырехлетнего ребенка! И это не подзатыльник в сердцах, а именно наказание, побои! Если бы социальные службы узнали... но тогда всем было все равно, а мы теперь жалеем: если бы его забрали у нас уже тогда... А мы уже тогда были не лучше его – он засыпал в своей кровати, поцеловав нас на ночь, а мы сидели на веранде, пили кофе как водку и говорили друг другу: лучше бы мы взяли Дашеньку... Дашенька из того же детдома, ей было четыре, и она совсем не разговаривала, но была такая ласковая и еще у нее было шесть пальчиков на ручке... Нам сказали: возьмите Олега, он младше и развивается по возрасту... Надо было взять Дашеньку...

Но вы знаете, оно сразу прекратилось. Сразу. Длилось два с половиной или три года, а потом, когда мы начали как следует наказывать, – как отрезало. Если он кого-то еще и мучил или убивал, мы об этом никогда не узнали.

Он хорошо развивался, любил книжки, сам рано выучился читать. Много и хорошо говорил, был любознательным ребенком. Любимый вопрос – как устроено?

Так что в садике он издевался уже словами. Толстых дразнил толстыми. Близоруких – очкариками. Особенно любил дразнить тех, кто слегка отставал в развитии. К концу садика уже мог организовать массовую травлю какого-нибудь ребенка. Двух детей как минимум забрали из садика

только из-за Олега. Силу он по-прежнему уважал: если его кто-то бил, не жаловался, а старался «приручить» обидчика. Обычно у него получалось.

В школе с самого начала всё было так же. Но первая учительница была строгая (мы специально искали) и как-то это демпфировала. Она же сказала нам: у вашего сына способности к математике, он любит решать задачи, поступайте в спецшколу, может быть, он там будет загружен и отвлечется от своих паскудств.

Мы так и сделали. Сначала в школе от него были в восторге – он «дорвался» до математики, решал больше, чем задавали, и какими-то своими, уникальными способами. С детьми в это время почти не общался, просто не обращал на них внимания. Потом «наелся», огляделся и принялся за старое: выбрал «жертв» (теперь уже и среди учителей тоже) и начал подтравливать. Причем у него тут же нашлись «подпевалы», те, для кого он на какое-то время становился кумиром. На какое-то время, потому что «своих» он тоже сдавал, когда они ему надоедали. А надоедает ему всё очень быстро...

Один раз он напился. Не выпил, а именно до положения риз. В школе. Нас вызывали, мы забирали его на такси, он заблевал всю машину. Другой раз пришел под действием каких-то наркотиков – хихикал, нес чушь, зрачки были во всю радужку. Отлежался, на следующий день пошел в школу.

Школа действительно хорошая, и его уже не раз пытались оттуда убрать, но это трудно – он не хулиганит в прямом смысле этого слова и, когда соберется, безупречно пишет все контрольные и зачетные работы... Но недавно по школе прошла такая сентенция его авторства: «Кто может оказаться преподавателем в математической школе? Мужчина, который оказался недостаточно одаренным, чтобы стать реальным математиком, и женщина, совершенно невостребованная на рынке сексуальных услуг...» Классная руководительница говорит: «Простите, но у меня, когда его вижу, чувство как к противной многоножке какой-то...»

– Ну что ж. Приводите Олега, – сказала я со вздохом. Встречаться с чудовищем мне не хотелось совершенно.

– Простите, – мужчина покаянно опустил обильно седеющую голову. – Мы понимаем, что теперь уже ничего изменить нельзя и это наш крест...

– Приводите!

За час беседы четырнадцатилетний Олег, светски улыбаясь, сообщил мне, что, по его мнению:

- даунов надо уничтожать внутриутробно;
- «чурок» высылать на родину, оставив необходимый минимум, чтобы «улицы мели»;
- дураков нужно учить;
- «всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться» (именно так – строгой цитатой из В. И. Ленина).
- Ты вправду такой или придуриваешься? – спросила я.
- Вправду такой, – ответил Олег. У него были странные глаза – зеленые с коричневыми крапинками.
- Тебе бывает кого-нибудь жалко?
- Что-нибудь, – уточнил подросток. – Вот планшет недавно уронил, он разбился, жалко было.
- Сочувствовать кому-нибудь?
- Нет. Если подумать, люди же всегда сами виноваты...
- Ты сам виноват, что оказался в детдоме?
- Ну это не повезло, бывает, – Олег пожал плечами. – Но зато потом повезло, меня оттуда мама с папой взяли.

Родителям нужны были хоть какая-то передышка и хоть какая-то надежда.

– Пусть он еще ко мне походит, – сказала я. – Если согласится.

Чего скрывать – я надеялась, что не согласится.

Однако Олег приходил, смотрел своими крапчатыми глазами, нес свою жестокую чушь, которую я ничем не могла опровергнуть.

* * *

- Что это были за эпизоды с алкоголем и наркотиками?
- Эксперимент. Все об этом говорят и пишут, надо же было попробовать...
- Есть люди, которых ты любишь? Или любил?
- Если судить о любви по книгам – нет.
- Уважаешь?
- Да.
- Испытываешь ли ты признательность, когда тебе делают добро?
- Все делают то, что им выгодно. Это может быть добром или злом для меня или для вас.

– Ты понимаешь, что с тобой что-то не так? Что ты отличаешься от других людей?

– Иногда да, иногда нет. А вы знаете, что это? – искреннее любопытство («он всегда был любознательным»).

– Наверное, какое-то биохимическое нарушение. Мозг работает не так. Ты не способен испытывать обычные для человека привязанность, жалость, благодарность... Ну, вот как, знаешь, бывает дальтонизм, люди не различают цвета, или не слышат звуки какого-то диапазона, или не могут вырабатывать какие-то ферменты...

– А почему так? Головой в детстве ударился?

– Нет, это вряд ли. Скорее врожденное. Говорят, такое бывает, если твоя биологическая мать пила во время беременности.

– Понятно...

– Смотри (я нарисовала на листке несколько отрезков), вот шкалы развития. Есть физическое развитие, интеллектуальное, эмоциональное, социальное... По всем этим шкалам человек может соответствовать своему календарному возрасту (допустим, 15 лет), может отставать, может опережать. Вот так это выглядело бы у подростка с синдромом Дауна (быстро поставила крестики). А вот так выглядит у тебя (нарисовала кружочки в нужных местах).

– А где это даун опережает? – удивился Олег.

– Эмоциональное развитие. Оно у них часто компенсирует отставание в интеллектуальном плане и отчасти в физическом. Даунята очень эмоциональны и способны к эмпатии, они непривлекательны внешне, но их легко полюбить, если узнать поближе. А с тобой в этом плане, увы, всё наоборот... у тебя некоторое опережение по интеллектуальной шкале, а здесь, видишь, ужасное отставание... Ну, и как следствие, страдает развитие социальное...

– Ага. Понял.

– Как ты думаешь, к чему стремятся все люди, почти без исключения?

Олег надолго задумался.

– Деньги – явно не всё. Секс – тоже не всё. Власть над другими?

– Нет, есть люди, вообще не стремящиеся к власти, даже избегающие ее. Но все люди хотят нравиться другим, хотят, чтобы их любили.

– И я, что ли, хочу? – глаза Олега слегка округлились.

– Да, – твердо сказала я. – Только для тебя это почти невозможно, как для дауна – решить задачку с интегралами.

– Меньше или меньше или равно? – быстро спросил Олег.

- ?!
- Невозможно или почти невозможно? Решение строгое или нет?
- Из дауна не сделаешь великого математика, но арифметике его, как правило, обучить можно, – честно ответила я. – Смотри: у организма две управляющие системы – нервная и гуморальная, т. е. химическая. С химией и эмоциями у тебя какой-то явный швах, но интеллект-то сохранен, стало быть, возможна компенсация социальных навыков за счет управления «от ума», как у дауна с его гиперразвитой эмоциональностью. Я бы на твоём месте провела эксперимент.
- Понял. С чего надо начать?
- Ты можешь «от ума» вычислить, чего люди хотят? Что им было бы приятно?
- Иногда да, иногда нет. А как я узнаю, что эксперимент идет удачно?
- Ты всем понравишься, тебя перестанут бояться и шарахаться от тебя, как от мерзкого насекомого, и тебе самому от этого будет приятно, как же еще!
- А если мне от этого будет все равно или даже противно?
- Тогда – неудача, – развела я руками. – Но ты все равно сможешь оставить это как наработку. Надо же тебе как-то жить дальше в этом мире. Нравиться в нем всяко выгоднее, чем не нравиться.
- Понял. Так с чего мне следует начать?
- Знаешь ли ты, о чем любят поговорить почти все люди? О себе самих. Им нравится, когда ими доброжелательно интересуются...

* * *

В руках отца был огромный букет, похожий на огламуренный веник.

– Мы и не думали... – начал он. – Но Олег... он... он умно интересуется моей работой, он заваривает матери чай и подает лекарство, он помогает решать задачи отстающим и уже вытянул по физике одного мальчика, которому грозило отчисление, его родители звонили нам с благодарностью, причем Олег гневно отказался от очень хорошего подарка, который они хотели ему преподнести... Он сказал: «Я сделал это потому, что люди должны помогать друг другу»... Знаете... мы... вам...

– Погодите, – остановила я его. – Это всего лишь эксперимент. Я сумела его инициировать, потому что в чем-то мои мозги и мозги вашего Олега работают похоже, но я не имею никакого представления о том, когда, как и чем этот эксперимент закончится...

Отец меня, конечно, не услышал. Рассыпался в благодарностях и ушел.

Букет сразу после его ухода я отдала в регистратуру, потому что в моем маленьком кабинете от запаха цветов у меня начался приступ астмы. Или не от цветов?

Я хочу, чтобы он...

Есть одно свойство человеческой психики, которое очень мешает мне в работе.

Я сталкиваюсь с этим в делах семейных, но у меня есть основания предполагать, что в других местах, например на производстве или в каком-нибудь офисе, зачастую происходит то же самое.

– Я слушаю вас, – говорю я пришедшей ко мне семье. – Расскажите о причинах и цели вашего визита.

– Я хочу, чтобы он(она), – четко формулирует мать и указывает пальцем на смирно сидящее на стуле чадо, – перестал(а) делать то-то и то-то и немедленно начал(а) делать вот то и это. А иначе с ним(ней) непременно случится вот что...

– Та-ак, – я обращаюсь к чаду. – А что хотел бы изменить ты?

– Я? – оживляется чадо (притащенное к психологу насильно и, видимо, не ожидавшее, что его желаниями вообще поинтересуются). – Да! Конечно, хочу изменить! Я хочу, чтобы она от меня наконец отстала!!!

Теперь, конечно, примеры, живые голоса, чтобы всё окончательно стало ясно. Уточню: собрала их всего лишь за две последних недели, когда уже решила написать этот материал.

– Мы давно собирались к вам прийти. А тут учительница нам сказала, что у него светлая голова, он мог бы, если бы захотел, вообще на одни пятерки учиться. Но ведь ни черта не делает! Только гулянки одни на уме да компьютер. Да вы наверняка сто раз такое слышали, они сейчас все такие, дружки-то его нынешние не лучше, надо это честно признать. В общем, наш запрос таков: как сделать, чтобы он хотя б экзамены-то в девятом классе прилично сдал?

– Я читала вашу книжку. Вы знаете, я со всем, ну вот со всем в ней согласна! И мой муж тоже. Да, у ребенка должны быть границы! Кормить по часам, гулять по часам, играть в развивающие игры, можно всегда можно, нельзя всегда нельзя. Я всё так и делаю... Но вот, вы знаете, мы живем со свекровью. И она всё делает наоборот, как будто мне назло! Дает то, что я запретила. Утешает, когда я наказала. Укладывает ребенка под телевизор (а я точно знаю, что это вредно). Вот я к вам и пришла, потому что я хочу, чтобы она всего этого не делала, не разрушала мое воспитание. Ведь это же мой ребенок!

– У меня двое маленьких детей. Садик, школа, кружки, уроки,

логопедические занятия. И хозяйство – купить, приготовить, помыть, постирать. А ему всё кажется, что я ни черта не делаю. Он говорит: «Я всю неделю работал, я устал, я хочу отдохнуть. Забери детей, пойди с ними погуляй, или в кино сходите, или в „Макдональдс“, они это любят». А сам – за компьютер или просто спать. А дети должны когда-то с отцом общаться? Поговорить с ним, поиграть, сходить куда-то... Про себя я уж и не говорю... Вы спрашиваете, чего я хочу? Я хочу, чтобы у нас в семье был не только добытчик и постоялец, но и муж, и отец! Вот я его к вам привела, и вы, как психолог, ему и скажите, чтобы он... ну, в общем, вы специалист, вы лучше меня знаете, что и как сказать, может, он хоть вас послушает...

– Пять с половиной лет! Два года ей самой нравилось, ну, выступать-то она и после всегда любила... этак покрасоваться перед всеми в красивом платье, а вот чтобы дома каждый день работать... Три года я ее только что гвоздиками к пианино не прибивала, чтобы она играла, все нервы себе истрепала, и вот теперь всего полтора года осталось, чтобы диплом получить, – а это ведь, как ни крути, специальность, девушке всегда пригодиться может, а она вдруг уперлась – и ни в какую! И ведь никаких нет причин! Я понимаю, если бы в школе не успевала или какое-то другое увлечение все заполонило... Ничего этого нет! В общем, мне все равно как, но музыкальную школу она должна закончить! Объясните ей...

Изредка все же случается, что люди приходят ко мне, называют проблему и спрашивают: как и в чем я могу измениться? Что я могу сделать с собой?

Но в основном все то же: «Как его замотивировать?», «Когда же он поймет?», «Пусть она прекратит!», «Я хочу, чтобы он наконец начал...» и абсолютный король подобных вопросов: «Что же мне теперь делать с мужем (свекровью, матерью, сыном, дочерью, учителями в школе, воспитательницей в детском саду, дурной компанией ребенка, и т. д., и т. п.)?»

Говорю всем одно и то же: никто не может по своему заказу изменить другого человека. Но каждый может изменить себя. И тогда всё вокруг тоже автоматически меняется. И сразу же привожу пример.

Вот вы серьезно беседуете о важных для вас вещах со специалистом-психологом. Я и веду себя как специалист-психолог. А что, если мое поведение сейчас резко изменится? Например, я достану из-под кресла три апельсина, начну ими жонглировать, да еще буду от одного откусывать по кусочку. Такой номер с яблоками был у клоуна Олега Попова. Что вы будете делать?

Варианты, которые предлагали мои клиенты:

- рассмеюсь;
- выйду из кабинета;
- испугаюсь, что вы рехнулись, и позову кого-нибудь из персонала;
- попробую тоже так научиться;
- пожалуюсь главврачу.

Но никто не сказал: «Продолжу как ни в чем ни бывало излагать свои проблемы». Меняется мое поведение – меняется и ваше.

«А теперь давайте поговорим об этом, как говорят наши друзья американцы, – предлагаю я своему визави. – И обсудим, как вы можете изменить свое поведение, чтобы приблизиться к заявленным вами целям».

Скажите, вы сталкивались с таким в своей жизни? Когда кто-то, не желая меняться сам, хочет чтобы вы «немедленно прекратили!..» или, наоборот, «сейчас же начали!..»?

А в себе?

* * *

Вот это свойство человеческой психики очень мешает мне в моей работе!

Так вот. Я хочу, чтобы они все перестали так делать, *и начали делать, как я сказала!..*

Хотя постойте: чем же я тогда от «них всех» отличаюсь?

notes

СНОСКИ

Точная цитата: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным». А. Н. и Б. Н. Стругацкие, «Пикник на обочине».

Муйнак – город в Узбекистане, который когда-то стоял на берегу высыхающего Аральского моря. Сейчас море находится приблизительно в 130 км от него.